

СЕНТ-КЛЕРЪ ОСТРОВИТЯНИНЪ,

ИЛИ

ИЗГНАНИКИ

НА ОСТРОВЪ БАРРЪ;

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО
Г. ТРЕСКИНЪ;

Сочиненіе Господи Моншолье, сочи-
тельница Каролины Лихтфельдъ.

~~~~~  
. . . . . One who Brings  
A mind not to be chang'd by place or time.  
The mind is its own place, and in itself  
Can make a heav'n of hell, of heaven.

paradise lost, chan. I er.

~~~~~  
Ч А С Т Ъ IV.

—————
МОСКВА, 1818.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

Печаташь дозволяешся съ тѣмъ, чтобы по оппечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Академіи Наукъ. 1817 Года Іюня 15 дня.

Ординарный Профессоръ Михаилъ Снѣ-
гиревъ.

СЕНТ-КЛЕРЪ ОСТРОВИТЯНИНЪ.

ГЛАВА I.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней время было все дурное и ненастное, и жители не выходили изъ крѣпости. Рональда былъ эшимъ доволенъ, находя для себя большое удовольствіе въ бесѣдѣ всего общества. Время проходило тихо въ пріятнѣйшихъ разговорахъ и музыкѣ. Очарованіе молодого Лорда умножалось ежедневно отъ различія свойствъ сей любезной компаніи; будучи молодъ, богатъ и независимъ ни отъ кого, не опасался онъ погасить чувства его увлекашаго. Воспользовавшись первымъ случаемъ говорить наединѣ съ Мюншемъ, пролилъ его со-

гласишься довести до свѣдѣнія Зины свои желанія и предложишь ей свою руку.

Моншей, подумавъ нѣсколько, сказалъ ему: „Вы много мнѣ дѣлаете чести, Милордъ; я въ полной мѣрѣ чувствую великодушiе ваше, побуждающее васъ къ соединенiю съ фамилiею изгнанника. Еще прежде нашего знакомства избавишель друга моего Росса имѣлъ уже священнѣйшiя права на мою признательность. Похвалы, слышанныя мною отъ него и личнымъ съ вами знакомствомъ подтвержденныя, равно какъ и то, что узналъ я шпороннымъ образомъ, все обязываетъ меня дать вамъ мое согласiе. Если вы также получите оное и отъ моей дочери, самъ же собою я никогда не принужу дѣшей моихъ отдавать свою руку вопреки сердцу. Зина еще молода; она никого не видала, кромѣ своихъ родственниковъ и моихъ друзей, коихъ почитаетъ вмѣсто родителей. Я боюсь, чтобы въ это время малѣйшая переменна состоянiя не испугала ее. Я скажу ей о сдѣланной

чеспи вашимъ предложеніемъ, и дамъ ей разумѣть мое мнѣніе о васъ; но повторя ей все то, что вамъ сказала, дамъ ей знать, что рѣшеніе зависить опъ нее собственно; ибо въ супружескомъ состояніи, которое почишаю я щасливѣйшимъ изъ всѣхъ, надобно, чтобы обѣ стороны были согласны, иначе самый рай будетъ адомъ.“

Разсѣвшись съ Лордомъ, Монтей пошелъ къ женѣ своей и сообщилъ о намѣреніяхъ Лорда вразсужденіи ихъ дочери.

Амбруазина тяжко вздохнула. — А нашъ милый Рандольфъ, сказала она: должно ли оставитъ давнюю надежду сдѣлать его нашимъ сыномъ. Признаюсь, это дорого стоить моему сердцу, когда дѣти наши узнаютъ, что они могли быть соединены, но разлука сія тѣмъ будетъ для нихъ тяжоснѣе. Я шрепещу при одной мысли, что они будутъ въ правѣ упрекать насъ за то, что мы пользовались ихъ незнаніемъ, выдавъ за-

мужъ Зину и разлуча ея съ нимъ навсегда. —

„Зина не будетъ створена прошивъ своей воли! сказала Моншей: сохрани меня Боже, чшобъ я могъ имѣть вліяніе на ея выборъ! Но признаюсь, что уважая причины, о которыхъ шебъ сказывалъ, я желалъ бы предпочестъ Рональдзу: его характеръ, независимое состояніе и все служить мнѣ порукою за благополучіе моей дочери съ эшимъ благороднымъ человѣкомъ, которой не боишься насмѣшекъ большаго свѣта, вступая въ него съ дочерью изгнанника. Я увѣренъ, что Рандольфъ будетъ такоужь мнѣнія, и что первѣйшее его желаніе, кромѣ привязанности его къ Зинѣ, бытъ моимъ сыномъ; но ешлы онъ будетъ узнавъ Роскелинами, шо не будетъ уже зависѣть ошъ себя, да и я не желаю, чшобъ могли меня пѣдозрѣвать, что я его похищилъ и хранилъ у себя, въ надеждѣ женишь его на моей дочери; они и кромѣ сего довольно найдутъ случаевъ

саѣлашь мнѣ попреки. Жребій Рандольфа долженъ удалять его отъ Зины; можешь бышь мы и ошибаемся, считая его чувствва за брашнія; привыкнувши съ младенчесива считатьъ ее селпрою, можеть онъ къ ней иной любви и не будетъ чувспвовать. Разсмотри эти обстоятельспва, милая Амбрузина! и еспьли ты ихъ одобришь, тебѣ же препоручаю увѣдомишь о томъ дочь твою, можеть ли она исполнить обязанность и долгъ дружбы, составя благополучіе шего, кто сласть моего любезнаго Росса.“

Амбрузина, привыкшая соглашашься съ мнѣніями Сенш-Клера, ни мало не прошиворѣчила, и обѣщала поговорить съ дочерью. На другое ушро, бывши съ ней одна и занимаясь женскимъ рукодѣльемъ, она зачала съ ней разговоръ:

— Время все худо, сказала она ей, смотря нехощя на проливной дождь: не скоро нашъ новой другъ вздумаетъ возвращашься къ намъ. Какъ ты дума-

ешь о немъ, Зина, имѣешь ли споль хорошія о немъ мысли, какъ я? —

„Я думаю, что онъ очень красивъ и очень любезенъ; не такимъ ли и вы находите его, машушка?“

— Точно такимъ, отвѣчала она: я рада, что мнѣніе мое согласно съ швоимъ. —

„И еще, продолжала Зина, Брижешта мнѣ сказывала, что онъ былъ болѣе, нежели великодушенъ съ ея мужемъ и со всѣми шѣми, которые подавали помощь къ его спасенію, и что его собственные слуги опзываются о немъ, какъ о наилучшемъ Господинѣ.“

— Эти искреннія похвалы лучше другихъ, сказала Амбруазина: онѣ показываютъ сердце нескрытное, доброе, великодушное; это хорошій знакъ, когда люди знашнаго человѣка говорятъ о немъ съ похвалою; они слишкомъ къ нему близки, чтобъ онъ могъ ихъ обмануть. —

„Они говорятъ также, продолжала Зина, что онъ сколько любимъ, споль-

ко и почишаемъ во всѣхъ Аркадскихъ островахъ за его благодѣянiя и снисходительность; а что всего болѣе, онъ самъ великодушно поступалъ съ нашимъ другомъ Жамесомъ Россомъ и съ Рандольфомъ: все сіе соединя вмѣстѣ, я получила наилучшее мнѣніе о Лордѣ Рональдзѣ.“

— Я сама погожѣ мнѣнiя, — сказала Амбруазина.

„А что еще болѣе усугубляетъ мое почтеніе, которое я къ нему возымѣла, прибавила Зина, щакъ то, что онъ кажется нѣжнымъ и почтительнымъ къ родителю моему, и васъ слушаетъ и смотритъ на васъ съ удивленіемъ: эшо одно сдѣлало бы мнѣ его любезнымъ, хотя бы и не было иныхъ побужденій.“

— Бѣдный Рандольфъ! думала Амбруазина: я бы побожилась, что она имъ однимъ занята; Серп-Клеръ справедливо думалъ, что эшо любовь брашняя. Я очень рада, что ты такого мнѣнiя объ эшомъ молодомъ Лордѣ, сказала она

дочери : онъ также очень хорошаго мнѣнія о тебѣ. —

„Въ самомъ дѣлѣ, милая маминька ! я очень эшимъ горжусь, повѣрьте; развѣ онъ говорилъ вамъ объ этомъ?“

— Еше не мнѣ ; онъ такого хорошаго мнѣнія о тебѣ, Зина, что вчера просилъ тебя у отца въ супруги. —

„Въ супруги ! вскричала Зина съ величайшимъ удивленіемъ, уроня рабошу изъ рукъ, которую она держала : въ супруги ! право я бы никогда объ этомъ не подумала ; я бы желала, чпобъ буря его занесла куда-нибудь, лишь бы не въ Барру ! . . . Это съ его стороны дурно ; сшець мой жертвуешь для него своею жизнію, и за сіе челоуколюбіе и угощеніе онъ хотѣлъ бы лишитъ его дочери.“

— Ты говоришь не подумавши, милая Зина; хотя шы откажешь его предложенію или примешь его, оно въ обоихъ случаяхъ дѣлаешь тебѣ честь. —

„А еспьли это такъ, о моя нѣжнѣшая машушка ! то я скажу однимъ

словомъ мой отказъ ; я не знаю , дѣлаешь ли мнѣ честь его предложеніе ; но оно опъ того не менѣе для меня несноснѣе , и я не могу его болѣе видѣшь съ удовольствіемъ .“

— А я надѣюсь , что ты его увидишь , и будешь съ нимъ обходиться , какъ съ господемъ и другомъ . —

„И шакъ , сказала Зина съ наворачившимися слезами : ~~ты~~ мнѣ шакъ говоришь , какъ будто на меня гнѣваешься ; прошу васъ , маминька , простишь меня . Я его почишаю , желала бы любитьъ ; но . . .“

— Опъ чегожь , Зина ? Не шеперь ли ты говорила , что ты его находишь прекраснымъ , любезнымъ , великодушнымъ ? —

„Да , да , да ! я эшо говорила ; но я не знала , что эшо примешся въ другомъ видѣ .“

Амбруазина улыбнулась . — Я понимаю , Зина , онъ шочно кажется прекраснымъ ; эшо шобѣ досадно . —

Вы шупите, мапушка; но не за-
мѣпилиль вы, что у него цвѣшь сли-
шкомъ нѣженъ для муцинъ? Его голу-
бые глаза слишкомъ велики, слишкомъ
шомны . . - и его спань . . . онъ не шакъ
великъ, какъ Рандольфъ, не шакъ ли?“

— Я его не размашривала споль-
примѣчательню, какъ шы; но положимъ,
что онъ имѣеть сіи недоспашки, кои
не лишають его великодушія, какое шы
въ немъ находила, и благородства, съ
какимъ онъ по швоимъ словамъ ведеть
себя въ своемъ санѣ. —

„Нѣшь; но ешьли онъ имѣлъ при-
чину, шакъ можно полагашь, что онъ все
дѣлалъ не просшо, дабы шолько понра-
вишься, и еше мы ничего о немъ не зна-
емъ, какъ шолько онъ собшвенныхъ его
слугъ.“

— Они рѣдко прибавляють, говоря
о добродѣтеляхъ своихъ Господь; но не
говорила ли шы, что шы его почитаетъ
и за добродушіе къ жйтелямъ Аркад-
скихъ острововъ? —

„Мы не довольно въ помѣ еще увѣрены, милая маминька.“

— А естѣлибъ были увѣрены, сказала Амбрузина, тогда бы ты могла его любить, хопя за то, какъ говорила прежде, что онъ почитаетъ своего отца, и мнѣ удивляется. —

„Милая маминька! я не могу ни одного человека полюбить столько, чтобъ васъ оставилъ.“

— Естѣли это одно только препятствіе, то я увѣрена, что Лордъ Рональдза его преодолѣешь, согласясь съ нами жить; что еще скажешь на это? —

„Ничего, мамушка; только что я его не люблю и любить никогда не буду.“

— Эшошь отвѣшь рѣшилелень; и шакъ, когда особа и свойство Лорда Рональдзы тебѣ не нравятся, скажижъ мнѣ пожалуй, каковъ долженъ быть человекъ, кошорой тебѣ непрошивень, чтобъ я могла судить заранѣе о шѣхъ, кошорые будутъ свашаться, и заранѣе

предохраняшь себя отъ твоихъ отка-
зовъ? —

„Вы насмѣхаетесь надо мною, ма-
минька. Хорошо, я скажу, что я не могу
удивляться ни одному челоѣку не похо-
жему на башюшку, или на Рандольфа...“

— Въ добрый часъ; твой образецъ
уже выбранъ; всякой не схожій съ нимъ
долженъ быть исключенъ. —

„Я боюсь, сказала Зина съ безпокой-
ствомъ, чтобъ башюшка не прогнѣвался
на меня; когда я возненавижу Лорда Ро-
нальдзу, какъ главнаго виновника; но ес-
ли вы будете споль миссисивы, что
поговорите въ защиту мою, онъ бы меня
извинилъ.“

Тутъ Монтей вошелъ. — Не помѣ-
шалъ ли я вамъ? сказалъ онъ: я пришелъ
узнать, милая Аморуазина, говорила ли
ты съ Зиною? —

Зина покраснѣвши повѣсила голову.
„Да, отвѣчала мать, по ея лѣшамъ не лзя
было ожидать споль рѣшительнаго упор-
ства: какъ она не знала намѣренія Ро-

валды, шо находила его хорощимъ, любезнымъ, одареннымъ всѣми добродѣтелями; но какъ узнала, что онъ имѣеть выды на нее, то всѣ сіи достоинства исчезли одно за другимъ такъ, что не ошалоось и слѣду ихъ; однимъ словомъ: онъ ей не по вкусу; она не любить ни бѣлокурыхъ волосъ, ни голубыхъ глазъ, и хочеть только такого мужа, кошорой бы походиль на шебя, или на Рандольфа.“

— Милая маминька! возразида Зина улыбаясь: вы конечно не гнѣваешесь, а шущите; захошители вы меня осуждать, когда я шѣхъ же мыслей о достоинствѣ и красотѣ людей, какъ вы? —

„Мнѣ прискорбно, Зина, сказала Моншей, что ты смотришь на этого челоуѣка не такъ, какъ я; послѣ всего того, что я о немъ знаю, онъ столько же значеть, какъ и добродѣшелень; къ шомужъ еще мы довольно увѣрились, что онъ таковъ, каковъ есть, иначе не вѣрили бы ему благополучія своего дшати.“

Подумай, милая Зина, хорошенько, и не огорчай своего отца рѣшительнымъ отказомъ! Я весьма былъ бы щасливъ, видя мою милую дочь, мою вперую Амбруазину, соединенною съ знатнымъ и достойнымъ супругомъ.“

— Ахъ! на что желать союза, который разорветъ участь, связующую меня съ вами? О наилучшій изъ отцовъ! съ вами только я желаю жить и умереть! — Съ сими словами Зина взяла руку Моншея, кошую съ жаромъ жала, смотря на него съ покорнымъ и просительнымъ видомъ.

„Милая дочь! сказалъ онъ ей: бракъ есть долгъ какъ въ отношеніи къ обществу, коего мы члены, такъ и для родителей, желающихъ прежде своей разлуки видѣть своихъ дѣшей пристроенными. Объявие вѣжнаго и любимаго супруга есть покровъ для молодой и добродѣтельной женщины. Если Небо лишитъ тебя мащери и меня, не будешь

ли имѣшь тогда нужды въ семь сладоспномъ покровительствѣ?“

— Дай Богъ, сказала Зина, бросаюсь на колѣни, чшобъ я не дожила до сего горестнаго дня; но еспьли буду и оставлена, развѣ не имѣю покровителя въ брашьяхъ? Мой милой Рандольфъ скорѣй умреть, нежели оставишь свою сестру; онъ не попустишь никому ее обидѣть. —

„Я нѣжно тебя люблю, Зина, сказалъ Моншей съ чувствомъ: споль нѣжно, что ты не захочешь быть опрощивою въ рѣшеніи, отъ коего зависить твое благополучіе; я скажу твоей отвѣтъ Лорду Рональдѣ. Но еспьли ты хочешь меня одолжить, обходись съ нимъ по прежнему; онъ тебя почитаетъ; и еспьли ты не хочешь дать ему свою руку, не забудь по крайней мѣрѣ, что онъ мнѣ другъ и избавитель Росса.“

Зина обѣщавшись, и поцѣловавъ своихъ родителей, просила позволенія удалиться; ~~что ей и дозволено.~~ — Никогда это милое дитя никого сполько не бу-

дешъ любить , какъ Рандольфа , сказала Амбрузина сквозь слезы : невинна какъ младенецъ ; ея сердце даже не подозрѣваешь насъоящихъ своихъ чувствавъ . О , еспьли бы эши чувства соспавили ея благополучіе ! я не хочу опчаявашься . Рандольфъ ея также любить , и умѣла бы сдѣлать щаснливую . —

„Я въ помъ не сомнѣваюсь , моя Амбрузина ; я знаю , чего можно ожидать опъ него : наилучшій изъ сыновей , наилучшій изъ брашьевъ , конечно будетъ наилучшимъ и изъ мужей ; но вспомни , что ны должна ввѣришь домашнее спокойствіе твоей дочери Лорду Жону , Графинѣ Елеонорѣ , Лади Роскелинѣ , и хотя бы ихъ можно было согласишь на сей союзъ , думаешь ли ты , что ихъ характеръ способенъ сдѣлать щаснливую женщину , зависящую опъ нихъ , и особливо , еспьли эша женщина будетъ дочь Сенш-Клера Моншея . Нѣтъ , никогда , Амбрузина , наша Зина не войдетъ

въ такую фамилію, копорая ее примет
инаше, нежели какъ ты принята, и
какъ она заслуживаетъ; они не будутъ
благодарить Небо за эту сокровище.“

— Ты правъ, милой другъ, сказала
Амбруазина: но возложимъ наше упованіе
на Провидѣніе, которое меня вручило
тебѣ, не смотря на столько препятствій;
все можешь расположиться такъ
щастливо, какъ мы и не думаемъ. — По-
давши свою руку мужу, они вошли въ за-
лу, гдѣ Лордъ Рональдъ ихъ ожидалъ съ
вѣщественіемъ.

Г Л А В А II,

Оставя своихъ родителей, Зина про-
ходила корридоръ въ крѣпости, ч.любъ
идши въ свою комнату, какъ встрѣти-
лась съ Рандольфомъ; въ замѣшательствѣ
оу всего происшедшаго она бы желала
удиненія, но онъ ее остановилъ. „Ми-
лая сестрица! сказалъ онъ ей, взявъ ее

а руки: ты невдругъ уйдешь отъ меня; цѣлый день съ тобою не видался. Но, боже мой! что съ тобою сдѣлалось! глаза у тебя красны и заплаканы; скажи мнѣ пожалуй, чѣмъ ты опечалена? развѣ родились, или кто изъ друзей нашихъ не такъ здоровъ?"

— Нѣтъ, они все здоровы, кромѣ меня, сказала она, приложивъ свою руку къ лбу: что-то мнѣ нездоровится... мнѣ хочется идти въ свою комнату и успокоиться. —

„Сперва ты скажешь мнѣ, Зина, что тебя такъ разстроило; я хочу знать, о чемъ ты плакала?"

— Такъ, бездѣлица, которая, надеюсь, и пройдетъ. —

„Хорошо; такъ на чтожь отъ меня ее скрываешь? Я все любопытенъ знаю, что строгаешь мою милую Зину; если она меня любитъ, то скажешь мнѣ эту бездѣлицу.“

— Еспьли я шебя люблю. . . . зна-
ешь ли Лорда Рональдза. . . . — Она смѣ-
шалась, покраснѣла и замолчала.

„Говори, ради Бога, сказалъ Рандольфъ съ неперпѣниемъ, что такое Лордъ Рональдза сдѣлалъ? чѣмъ онъ огорчилъ мою сестру?“

— Онъ . . . онъ хочеть . . . право я не могу тебѣ пересказать, шы не повѣришь. —

„Боже мой! скажи, что это? Зина, шы меня выводиль изъ шерпѣнія; говори прямо.“

— Лордъ Рональдза . . . онъ меня до смерти обидѣлъ. . . . —

„Онъ! хорошо; такъ и я его огорчу до смерти, сказалъ Рандольфъ, опустивши руки Зины, до шѣхъ поръ имъ удерживаемую, и положи свою руку на эфесь своей шпаги: огорчишь мою сестру и доведши до слезъ! вопль награда за привязанность моего родителя и за мою готовность жертвовать собою для спасенія его жизни! Неблагодарный! онъ шо-

о не знаешь, что я тебя защищу отъ сѣхъ обидъ, пока дышу!“

Онъ хотѣлъ удалиться; но теперь она уже его оspanовила и крѣпко держала. — Ты ошибаешься, бранецъ; я худо изъяснилась: Лордъ Рональдазз ничего не дѣлалъ, чтобъ могло тебя привести въ нѣвь. —

„Такъ о чемъ же ты плачешь, Зина? а чѣмъ такъ робѣла мнѣ открыться? а чѣмъ говорила, что онъ огорчилъ тебя до смерти? развѣ все это ты назовешь бездѣлицей? Твои слезы, сеснрица, будутъ всегда важны для Рандольфа.“

— Какъ ты добръ и милъ, любезный Рандольфъ! но какъ тебѣ располованшь, что твоя бѣдная маленькая Зина. . . . Право я принуждена думаю, что это изъ насмѣшки онъ осмѣлился. . . . —

Рандольфъ вырвался отъ нее и хотѣлъ идти въ комнату Лорда; но Зина побѣжала за нимъ, и догнавши скакала

закраснѣвши: онъ просилъ меня въ супруж^у моего родителя. . . . —

„Въ супруги! женишься на тебѣ! . . . Лорду Рональдзѣ! . . . Возможно ли это!“ Рука его оставила шпату и очутилась на лбу; онъ помолчалъ нѣсколько, наконецъ сказалъ: „Такъ онъ, по словамъ своимъ, хочеть на тебѣ жениться, и больше ничего?“

— Только и всего. Развѣ этого мало: хочеть меня взять за себя, разлучить съ родителями и съ шобою! —

Рандольфъ вздохнулъ. „Чтожь думаешь объ этомъ предложеніи наши добрые родители,“ сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Они говорятъ, что онъ меня уважаетъ; что Лордъ Рональда добродѣшелень, сдѣлаеть меня щаспливою; они желали, чтобъ я его могла любить; но право я этого не могу сдѣлать. Я это имъ сказала, и по ихъ извѣстному благоволенію они еще желали меня изви-

нишь. Однако я боюсь, чпобъ бабюшка на меня не прогнѣвался. —

„Нѣшь, Зина, онъ такъ добръ! Но они правы: Лордъ Рональдза красивъ, добродѣшелень, добръ и заслуживаешь бышь любимымъ шобою.“

— Пусть онъ всѣмъ шѣмъ будетъ, чѣмъ хочешь, и со всѣми эшими добродѣшелями уѣдешь и не возвращаешься болѣе. Развѣ и ты самъ хочешь, чпобъ я за него вышла, чпобъ я уѣхала на Аркадскіе ошшрова? Я надѣялась, чшо ты болѣе меня любишь! —

„Я тебя въ тысячу разъ болѣе люблю, нежели самого себя, милая Зина! но я никогда еще не думалъ о швоемъ замужствѣ; ешшли же это должно, шо я былъ бы щасшливъ, видя тебя за такимъ супругомъ, какимъ кажется Лордъ Рональдза, почитая, чшо онъ можетъ тебя сдѣлать щасшливою.“

Слезы опять появились у Зины. — Я не понимаю эшой нужды въ замужствѣ, сказала она: развѣ я не могу жить съ моими родителами и съ братьями? —

„Опри твои слезы, сестрица! наши родшители никогда не принудятъ тебя выйти противъ своей воли; если не хочешь за Лорда Рональду, то онъ насъ оставишь, будь въ этомъ увѣрена, лишь только время ему позволишь отплыть.“

— Я буду просить Бога о попушномъ вѣтрѣ; я его ненавижу и готова желать ему всѣхъ благъ, лишь бы только онъ меня не любилъ. —

Рандольфъ ничего не возражалъ; онъ погруженъ былъ въ различныя мысли. — Ты молчишь! сказала ему Зина: Боже мой! развѣ и ты на меня разсердился? не довольно ли я имѣла печали? Противорѣча родителю, еще должна бояться своего неудовольствія? —

„Нѣжная Зина! отвѣчалъ онъ, прижавъ ее къ сердцу: успокойся; никогда въ жизни я менѣе не былъ недоволенъ или огорченъ, какъ теперь.“

— Ахъ, тѣмъ лучше! сказала она ему, поцѣловавъ его въ щеку: вотъ мы пе-

верь друзья; я щасшлива! Я пойду въ свою комнашу, и прошу шебля, Рандольфъ, ешьли башюшка будетъ съ тобою говорить объ этомъ, возьми сторону сестры твоей; клянусь шебъ, я скорѣ умру, нежели выду за Лорда Рональдзу. —

Рандольфъ ей обѣщаль, и она оспавила его.

Болѣе четверти часа онъ прохаживался шуда и сюда по длинному корридорю, сложа руки крестообразно, съ поникшею головою, и углубясь въ мучительныя: мысли; несчастной молодой челоувѣкъ въ первой разъ прочель въ своемъ сердцѣ, и открыль, что онъ любиль Зину не такъ, какъ сестру; онъ ощущаль въ себѣ живѣйшее чувство ревности прошивъ Лорда Рональдаза и чрезмѣрную радость онъ ея отъказу. Восторгъ, произведенный чистосердечнымъ произнесениемъ Зины, выразишельность ея подѣлуя, и все то, что въ немъ происходило, не дало ему сомнѣваться въ истинномъ

чувствъ, которое онъ находилъ преступнымъ и которое рѣшился заглушить въ своемъ сердцѣ, за какую бы по цѣну не было; дружба нѣжнѣйшая и живѣйшая, какую только ему изъясляла сестра его, и ея упорной отказъ отъ выгоднѣйшаго замужства, довершило ужасъ его. Невинная дѣвушка, думалъ онъ, содрогаясь, сама не зная, можешь быть раздѣляешь со мною преступную спрасхъ.

О, еслили чистота твоя дѣвичьей совѣсти оставила ее для тебя въ неизвѣстности! надобно отъ тебя бѣжать, возвратишь тебя добродѣтели и спокойствію; это первѣйшая моя должность; я буду умѣть ее выполнить; я почту себя въ тысячу разъ щасливымъ, еслили шокмо рѣшимось ея мнѣ сподобитъ будешь жизни, и ежели моя смерть возвратишь тебѣ благополучіе! Будучи совершенно доволенъ самъ собою и принятымъ намѣреніемъ, онъ пошелъ къ опцу въ Лорду Рональдзѣ, которые прогули-

вались по берегу. Моншей только что объявилъ своему госпю объ опказѣ дочери, умягчивъ оной по возможности, и представивъ споль увѣришельныя доказательства почтенія своего и дружбы, что онъ не могъ обидиться симъ. Любовь его къ Зинѣ болѣе основана была на удивленіи, а не на спраспи, копорая не знаешь препонъ; онъ ее находилъ прелесною, пошому что она и всѣмъ таковою казалась. Она была первая дѣвушка, привлекая его вниманіе, и съ кошорою онъ препровелъ нѣсколько времени въ семь любезномъ и шихомъ обществѣ; сердце его нѣсколько было впревожено, и ему не шакъ бы было легко рѣшить, къ кому изъ особъ сего общества онъ болѣе привязанъ — сполько онъ видѣлъ различныхъ достоинствъ. Наружность Зины, семнадцатилѣтній возрастъ, ея голось, люшня, шихость, невинная опкровенность, безъ сомнѣнія предпочтительнѣе занимали его; но говоря ближе, ему нравилось въ ней болѣе шо, что онъ

женясь на ней, былъ бы членомъ ея фамиліи и того общества друзей, къ которымъ онъ ежедневно болѣе и болѣе привязывался: попому-то онъ и не совсѣмъ отгорчился отказомъ, какъ бы слѣдовало прямо влюбленному. „Благородный начальникъ! сказалъ онъ, обращаясь къ Моншею и Рандольфу, которой только что подошелъ: ежели не могу имѣть чести получитьъ руку вашей дочери, то прошу по крайней мѣрѣ позволишь мнѣ связь съ вашей фамиліей; я хочу быть другомъ и братомъ по оружію съ вашимъ сыномъ; я немногимъ его спарѣ, и братъ Зины для меня будетъ драгоцененъ. Рандольфъ! сказалъ онъ ему, пожавъ руку: я не получу двухъ отказовъ въ одинъ день отъ фамиліи, которую желаю считать за свою; скажи, что ты принимаешь союзъ братства, мною предлагаемый.“

Рандольфъ почувствовалъ въ сіе время чрезвычайное замѣшательство; онъ чувствовалъ, сколь мало заслужилъ сію

дружбу и почтеніе отъ его великодушнаго соперника. Если бы онъ могъ читать въ моемъ сердцѣ, думалъ въ себѣ, онъ бы, вмѣсто продолженія дружбы, бѣжалъ отъ меня съ ужасомъ: эта дружба никогда не будетъ основана на довѣренности. Лучше умру, чѣмъ дамъ проникнуть мою пайну. Сіи горестныя размышленія, быстро пробѣжавшія, не помѣшали взять и молча пожать руку молодого Лорда. — Великодушный человекъ! сказалъ ему потомъ: я принимаю вашу дружбу въ надеждѣ заслужишь ее нѣкогда; повѣрьте моему сердцу, я бы желалъ всѣмъ возможнымъ въ мирѣ пріобрѣсть васъ себѣ братомъ. Сестрица еще очень молода, можетъ быть. . . — Онъ не въ силахъ былъ кончить желанія, и даже произнесъ то, что влетала въ него добродѣтель, и отъ чего сердце его препетало.

Моншей былъ восхищенъ началомъ сей связи; она ему напомнила первые годы искренности съ вѣрными друзьями.

Разговаривая такимъ образомъ о истинной дружбѣ и благѣ, какое опъ нее происходитъ, и внушая молодымъ людямъ все то, что могло усугубить взаимное почтеніе, они пошли по дорогѣ къ крѣпости.

Обѣдъ былъ не такъ веселъ, какъ обыкновенно; нѣкошорое замѣшательство и принужденность примѣжны были между Рональдзомъ и Зиною; Рандольфъ почти не ѣлъ, говорилъ мало и казался самъ не свой. Вѣперъ былъ попушной, и молодой Лордъ объявилъ о своемъ заупраопъѣздѣ. Россъ и Моншей убѣждали его оспаться на нѣсколько дней. Амбруазина, замѣчая неловкость Зины, не настаивала почти; но Россъ, а съ нимъ Моншей и Рандольфъ убѣдили его согласиться опложиться на нѣсколько дней опъѣздѣ. Тупъ началъ онъ обходиться съ Зиною такъ, что она совершенно успокоилась, и вечеръ проведенъ съ большею пріятностію.

Какъ всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, Рандольфъ не раздѣваясь бросилъ

бя на свою постель, но не могъ заснуть: цѣлая ночь прошла въ непонятномъ безпокойствѣ, ибо въ первый разъ только чувствовалъ онъ нѣчто похожее на угрызеніе совѣсти; тысяча мыслей безпокойныхъ превозжили его воображеніе и протоняли сонъ; упреннѣй колоколь призывалъ жишелей крѣпости къ завтраку, тогда онъ всталъ и съ блѣднымъ лицомъ какъ смерть вошелъ въ залу.

Зина пошчасъ увидѣла перемѣну въ лицѣ его, и побѣжала къ нему. „Милой брапецъ! сказала она ему: Боже мой! что съ тобою сдѣлалось? Твое лицо такъ блѣдно, и глаза такъ впади! извольте, мапушка, посмотрѣть на него: руки у него горящъ; повѣрьте, мапушка, что у него лихорадка!“

Рандольфъ принужденно улыбнулся. — Это ничего, сказалъ онъ: мнѣ видѣлись худые сны, и опъ этого я блѣденъ. —

„Какой вздоръ! ты насмѣхаешься надо мной,“ сказала ему Зина.

— Ни мало. Не сама ли ты говорила, что худые сны разстроивали тебя на цѣлѣй день? —

„Да; но ты, ты не вѣришь снамъ, и я не сомнѣваюсь, что ты точно боленъ.“

— Нѣтъ, я увѣряю тебя, что я здоровъ. И такъ, милая моя сесприца, будь покойна до тѣхъ моръ, пока не буду жаловаться. —

Все общество замѣшило перемену въ Рандольфѣ; но какъ онъ увѣрилъ, что не чувствовалъ никакого припадка, по его и оставили въ покоѣ. Моншей, Амбрузина и еще болѣе Зина примѣчательно на него смотрѣли и увидѣли подъ притворною веселостію его усилія, скрытностію и безпокойство. Послѣ завтрака онъ отвелъ Моншея особо. „Бапюшка! сказалъ онъ ему: позвольте мнѣ поговорить съ вами наединѣ; я имѣю нѣчто съ вами посоветоваться, и надѣюсь, что вы одобрите сіе.“

Моншей согласился ; они вмѣстѣ вышли.

Моншей сѣлъ въ своей комнатѣ и посадилъ подлѣ себя Рандольфа , ожидалъ , чшобъ онъ началъ говорить ; но молодой человекъ молчалъ и казался въ большомъ замѣшательствѣ. Послѣ нѣсколькихъ ободрительныхъ словъ онъ зачалъ съ безпкойнымъ видомъ : „Простите меня , наилучшій изъ опцовъ ! я хочу оставить крѣпость.“

— Оставишь крѣпость ! возразилъ Моншей съ удивленіемъ : для чего ? что значишь столь своропостижное намѣреніе ? —

„Я теперь въ тѣхъ годахъ , въ которыхъ долженъ показавъ себя достойнымъ имени благороднаго родителя , онъ кошораго получилъ жизнь. Онъ мнѣ открылъ своимъ примѣромъ путь , по которому мнѣ должно слѣдовать. Лордъ Рональда мнѣ сказалъ , что было положено бракосочетаніе между нашимъ молодымъ Государемъ и Марією , племянницею Кар-

ла храбраго; что Англія, раздраженная симъ союзомъ, вѣроятно возбудишь раздоръ и войну. Думаю, что вы не захотите, бабюшка, чтобы сынъ Моншея оставался празднымъ въ Баррѣ тогда, какъ опечество въ опасности.“

— Нѣтъ, мой доброй другъ! свое пылкое мужество согласно съ моею волею, но все спокойно: при первой искрѣ пы полешишь шуда, куда слава тебя призываетъ; будешь достоинъ имени, которое долженъ возстановишь. Я неперпѣливо ожидаю Сира Александра Мак-Грегора; въ случаѣ войны пы будешь служишь подъ его знаменемъ, потому что мнѣ возвращено весни тебя шуда. —

, Лордъ Рональда, сказалъ Рандольфъ съ замѣшательствомъ, долженъ насъ покинуть чрезъ день, или чрезъ два; нельзя ли и мнѣ, бабюшка, съ нимъ вмѣстѣ отправиться? “

— Ты меня удивляешь, Рандольфъ! Что мы тебе сдѣлали, что пы шакъ не-

сей минуты я думалъ, что вы насъ всѣхъ нѣжно любилъ; не ужели я въ семь ошибся?—

„Нѣжно ли васъ любилъ! съ жаромъ сказалъ Рандольфъ: Небо одно знаетъ, сколько люблю, а можетъ быть осуждаетъ излишность; мои родные мнѣ тысячу разъ дороже жизни и свободы; я болѣе горжусь быть вашимъ сыномъ, нежели наслѣдникомъ Шотландскаго пророка; подобный вамъ отецъ соснавляетъ славу дѣтямъ. Какъ я сожалѣю о тѣхъ, которые должны произносить имя родителей съ стыдомъ, что имъ одолжены жизнью; на примѣръ, наслѣдникъ Лордъ Роскелина щасливъ, что потерялъ прежде, нежели узналъ пороки своихъ родителей. Боже! какъ моя участь отлична, и сколько буду щасливъ, еслили я самъ. . .“ Онъ остановился и покраснѣлъ при сей мысли.

— И такъ, сынъ мой, еслили вы считаете себя щасливымъ между нами, остановься до тѣхъ поръ, пока нужда не разлучитъ насъ. —

„Ради Бога, батюшка, не принуждайте меня оставаться. Ежели бы вы знали! . . . я не спою вашей любви; я гнушаюсь собою, и удаюсь только отъ васъ, могу возымѣть къ себѣ почтеніе и заслужить ваше.“

Моншей погла проникнулъ сердечныя движенія молодого человѣка, и готовъ былъ успокоить, открывъ ему тайну его рожденія; но вспомнивъ, что говорилъ онъ о своихъ родителяхъ, побоялся перешагнуть впечатлѣнія. Сент-Клеръ не могъ допустить мысли о свиданіи съ Еленорою, и не могъ перенести гордаго ея отказа для своей дочери, пѣмъ менѣе думать посредствомъ свадьбы возвратитъ ей сына, отдавъ съ нимъ свою милую Зину. Желая истребить склонность, онъ надѣялся сего достигъ продолженіемъ невѣдѣнія ихъ, которое лишало ихъ всей надежды. — Хорошо, продолжалъ онъ; повѣжай мой сынъ, потому что ты считаешь собою

поѣздки полезною; прошу тебя только подождать прѣѣзду Сира Александра, которой не замѣшкаешь; мы уговоримъ Лорда Рональдзу подождать его также. Я не спрашиваю тебя болѣе о побудительныхъ причинахъ; я твой отецъ, желаю бытъ твоимъ другомъ, но не изелѣдователемъ. —

Рандольфъ бросился къ ногамъ Монтея и цѣловалъ его руки съ нѣжностію — Рандольфъ! продолжалъ начальникъ: пушкъ слава иногда шрудень; но награда несомнѣнна, еспѣли къ ней спремятся съ твердоспію, не уклоняясь и во всѣхъ случаяхъ. Знай, мой сынъ, что ни съ одними вепрїятелями своего опечествапы долженъ сражаться, но и вепрїятелями своего собственнаго сердца, по причинѣ пылкости твоихъ еспраспей, коихъ еще не знаешь опаснаго владычества. Самое лучшее средство прошивъ нихъ есть дѣяшельная и съ пользою проводимая жизнь, равно и та мысль, что ты лю-

Зины, Жамеса и Сент-Клера, и что ты долженъ быть примѣромъ добродѣтели. —

При имени Зины Рандольфъ запрешалъ; онъ спрашался, чшобъ отецъ его не проникъ ужасной тайны; но видя его покойнымъ, онъ самъ успокоился. „Будьте увѣрены, присовокупилъ онъ, что Рандольфъ пожертвуетъ жизнію, чшобы содѣлаться достойнымъ своего родителя.“

— Хорошо, сказала Монпей, обвинявъ его съ нѣжностію: прими заранѣ мое благословеніе; но если желаемой побой войны не будетъ, куда ты обратишься, и что предпримешь? Если ты не сыщешь нигдѣ счастья, то, надѣюсь, возвратишься въ Барру. —

„Возвращусь, батюшка, сказала молодой человекъ въ сильномъ волненіи: если только почувствую, что буду достоинъ сего счастья, и найду себя въ состояніи возвратиться съ честью.“

— Въ такомъ случаѣ отсутствіе швое не будешь продолжительнымъ ска-

заль Сени - Клеръ съ веселостію : впрочемъ , ежели когда въ жизни удручаемо будетъ сердце швое прискорбными чувствованіями , то вепомни слова сіи ; ты знаешь , что я не льстець ; благополучіе не рѣдко приближаетъ къ злощастію , а послѣднее неразлучно съ собшвенною нашею погрѣшностію. —

Моншей вышелъ , не дожидавшійся отвѣша. О наилучшій человекъ ! сказала Рандольфъ : ты спаряешься усладить гореснь и успокоишь волнующееся чувство , которое проникъ , но не угадываешь причины ; чистое швое сердце не можешъ подозрѣвать такого разврата со вчерашняго дни ; до сей минуты я самъ не могъ подозрѣвать себя. О , ешь либъ Небо скорѣ послало сюда Сиръ Александра , и жестокая , но необходимая минута разлуки для меня миновала ! я скажу тебѣ , Зина , моя обожаемая сестра , вѣчное : просни ! Я никогда болѣе не увижу ни тебя , ни мѣша , въ ко-

шоромъ протекли щастливые дни моего младенчества, съ шебой только въ разлукѣ могу забыть тебя, возпрецу себѣ даже пріянное воспоминаніе о тебѣ. Я хочу, шакъ, я хочу воспоржествовать надъ самимъ собою, или погибнуть.

Онъ оспался нѣсколько времени одинъ, чшобъ успокоить себя; но видя, что воображеніе его болѣе разгорячилось, онъ пошелъ къ Жамесу и Сенп - Клеру; прогулкою съ ними и шрудными шѣлесными упражненіями успѣлъ наконецъ успокоить себя, шакъ что могъ показаться своимъ друзьямъ.

Моншей видя съ удовольствіемъ, что онъ былъ спокойнѣе, разговаривалъ довольно свободно съ Лордомъ Рональдзою, спрашивая его о намѣреніяхъ поѣздки въ Шопландію.

„Хотя я и не придворной, отвѣчалъ онъ, но хочу явиться въ Спирлингъ, гдѣ надѣюсь заспашъ теперь молодого Короля, посвятивъ ему мою руку и достояніе; вселіку угнѣшеніе со спо-

роны Дворянства во время его несовершеннолѣтїя возбудило во мнѣ справедливое негодованіе; Канцлеръ и его наставникъ объявлены измѣнниками, и могушь только олучить помилованіе ошь одной милоспи Государя.“

Рандольфъ сказалъ ему, что онь испросилъ уже позволеніе ошь ошца служилъ подъ знаменъ Сира Александра Мак - Грегора, прибавя къ тому, что они какъ наилучшіе братья будушь всегда неразлучными.

Рональдъ подтвердилъ его желаніе. Занимательный разговоръ между изгнанными друзьями начался о полишикѣ, о войнѣ, о разныхъ сраженїяхъ, въ копорыхъ они находились. Два молодые человека, воспламененные сими повѣсшванїями, забыли на время, одинъ полученной ошказъ, а другой ошкрышіе, имъ самимъ сдѣланное въ собшвенномъ сердцѣ.

Хошя вѣсрѣ былъ самый благопрїятшїй, но Моншей убѣдилъ Лорда Рональдъзу продолжилъ свое пребываніе

въ Барръ до прибытія Сира Александра Мак-Грегора, который и прибылъ къ нимъ въ скоромъ времени.

Онъ былъ принятъ съ величайшею радостію всѣмъ обществомъ, а особливо Рандольфомъ, который не могъ больше переносить пятоспное свое положеніе; будучи смѣшанъ, распроенъ въ присутствіи Зины, принужденно уклоняясь отъ ея ласкъ и опасаясь самъ предаться онымъ, ежеминутно страдася измѣнить себѣ дашъ замѣнилъ Зинѣ при вѣжныхъ ея упрекахъ, вопросахъ и слезахъ, которыя сколько умягчали его сердце, онъ чувствовалъ необходимѣйшую нужду удалиться отъ нее.

Лишь только Сиръ Александръ успокоился, всякой спрашивалъ его о политическомъ состояніи Шотландіи и несогласіяхъ Двора. Онъ имъ дашъ зналъ, что Банцлеръ Ливингстонъ, обличенный въ заѣвшей измѣнѣ, наказанъ эшафотомъ; что мать Королевская скончалась;

тию Іаксвъ II на девятнадцатомъ году принялъ верховную власть и согласился по совѣшу Короля Французскаго жениться на дочери Герцога Гельдрскаго, и что сіе самое возродило зависгъ и древняя вражда Англіи противъ Шотландіи.

„Я радуюсь, сказала Рандольфъ : наши шпаги не заржавѣюшъ въ ножнахъ; это открываешь намъ съ Лордомъ Рональдзою путь къ славѣ; для меня пріятнѣе сражаться съ иностранцами, нежели участвовашъ въ бѣдственнѣйшей междоусобной войнѣ, опустошавшей шакъ часть Шотландію.“

— Я ввѣряю тебѣ, Сиръ Александръ, Рандольфа, сказалъ Моншей : ему уже двадцать второй годъ ; онъ жаждетъ славы, и едва гдѣ лучше можешь пріобрѣсти ее, какъ подъ твоимъ начальствомъ. —

„Я радъ шаковому госнню, отвѣчалъ Сиръ Александръ : не только для васъ и для памяти его крестнаго отца, моего брата, кошорымъ онъ столько былъ лю-

бимъ, но и для него собственно.“ И въ память вашей сесипры, давшей ему жизнь, подумаль Рандольфъ, но не смѣль сего выговорить; онъ удовольствовался только взявъ руку спараго воина, котораго считалъ своимъ дядей, и поцѣловавъ ее, сказалъ: — Я не обезславлю имени Моншея и Мак - Грегора. —

„Ниже другаго, какъ бы оное значно не было, я въ шомъ отвѣчаю,“ перехватилъ Александръ.

— Благородный начальникъ! сказалъ Рональда, обращаясь къ Сени-Клеру: я не имѣю ни ошца, ни пушеводителя, которой бы могъ указать мнѣ путь, по которому желаю слѣдовать; ваши благодѣянiя дѣлають можеть быть меня нескромнымъ; имѣйте снисхожденiе предспавить и меня вашему благородному другу, какъ собрата вашему сыну, гошоваго сражась подлѣ его. —

„Сиръ Александръ! сказалъ Моншей: вошь еще молодой солдатъ, котораго вамъ вручаю, которой желаетъ научиться-

ся спъ вась бышь храбрымъ воиномъ. Это Лордъ Рональдъ. Онъ хопѣлъ бышь также моимъ сыномъ; но сего несовершилось. За всѣмъ тѣмъ однакожь онъ имѣеть полное право на мое почтеніе, дружбу и благодарноость, понтому что спасъ нашего друга Росса во время нашего несчастія.“

— Дружба его дѣлаеть мнѣ честь, отвѣчалъ Сиръ Александръ, пожавъ руку молодого Лорда. Моншей! сказала онъ пошомъ: мнѣ шолько оспаеться одно желаніе, чтообъ выполнишь для себя и для нашихъ храбрыхъ друзей, то есть, видѣть тебя еще со славою служащимъ опечешву. Ты благородно переносишь швсе изгнаніе; сердце мое чувшвуеть, что часъ шоржештва и свободы недалекъ. —

„Сердца наши всегда чувшповали одинаково, сказала Сент-Клеръ, и мое шю же говоришь.“

— Батюшка! сказала молодой Жамесъ, подошедши къ нему: простите ли

вы меня, естли и я оставлю Барру вмѣстѣ съ братомъ Рандольфомъ — это единственнѣе мое жилище. —

„Милое дитя! опвѣчалъ Моншей, ударя его по плечу: я люблю твою опважность; но ты еще очень молодъ, чшобъ идши сражаться; у тебя не будешь недоспашку ни въ храброспи, ни въ усердіи, я увѣренъ; но бываюшь случаи, гдѣ нужна сила, способность, а у тебя недоспашешь и шого и другаго.“

— Отець твой правъ, возразилъ Сиръ Александръ: потерпи еще нѣскелько лѣшь доброй молодой человекъ; гораздо щаспливѣйшій старшаго своего брата, ты будешь имѣшь водителя и начальника въ швоемъ опцѣ. —

Разговоръ сдѣлался общимъ, и многіе изъ жителей крѣпости, которые не были изгнаны, возымѣли непремѣнное желаніе ихъ провожать и соупшествовать на войну, для которой были сдѣланы большія пригопшвленія въ Шопландіи.

Послѣ ужина Сирь Александръ уведомилъ Моншея, что Графъ и Графиня Роскелинъ недавно возвратились изъ Англии; что Елеонора была въ безпрестанной ссорѣ съ своимъ мужемъ; что онъ болѣе не уступаетъ, какъ покорной рабѣ, всѣмъ ея капризамъ; что красота ея спала увядать, и это не смягчало ни мало характера. По возвращеніи своемъ она хотѣла взять отъ Лади Роскелинъ дочь свою Машильду; но Лордъ Жонъ увѣренный, что она спала бы ее мучить, не хотѣлъ на это согласиться, и предпочелъ, чтобъ она лучше оставалась у бабушки, которая ее чрезвычайно любила и которая проводила жизнь свою въ воспитываніи своей внуки и въ дѣлахъ набожности и милосердія.

„Какова Лади Машильда?“ спросила Амбрузина.

— Почти также прекрасна, какъ ея мапушка, описывалъ Сирь Александръ: но крошка, чувствительна, снѣдлива;

не такъ какъ Графиня, которая горда, самолюбива, щеславна и вспылива. —

„Вошь доказательство, что добрыя и худыя качества ненаслѣдственны, сказала Амбрузина: что злые родители могутъ имѣть иногда добрыхъ дѣтей; почему знашь, можешь быть Графъ и его супруга отъ природы получили добрыя качества и характеры, которые ласкашество и худое воспитаніе мало помалу развратили. Лордъ Жонъ былъ идоломъ у своей матери, которая ему ни въ чемъ не прошиворѣчила. Елеонора была воспитана безъ матери корыстолюбивымъ и бѣднымъ ошцомъ, который безпрестанно прославлялъ красоту дочери, и льстился быть щасливымъ отъ ея брака, а о прочемъ воспитаніи совсѣмъ не радѣлъ. Несчастіе есть самый лучшій наставникъ: нашъ другъ Моншей есть тому примѣръ, и щеславная фамилія Рескелинъ безъ сомнѣнія должна быть поражена милосердіемъ Провидѣнія;

да возмогушь добродѣтели ихъ потомковъ загладишь ихъ несправедливости. Пойдемъ, Зина, оставимъ нашихъ друзей заниматься ихъ намѣреніями.“ Она всшла, пожелавъ имъ покойной ночи, и удалась съ дочерью въ свои комнаты.

Г Л А В А III.

Когда Зина осталась одна съ Амбруазиной, слезы ея, цѣлый день съ шрудомъ удерживаемыя, покашились ручьями на грудь матери. „Рандольфъ уѣзжаешь! говорила она всклипывая: развѣ онъ самъ захопѣлъ насъ покинуть; не лучше ли бы, маминька, ему еще подождать хотя одинъ годъ; Жамесь тогда былъ бы ему поварищемъ.“

— Опець пивой, милая Зина, находишь, что Жамесь еще не имѣеть довольно силъ къ перенесенію шрудовъ военныхъ, а Рандольфъ не имѣеть этого препяшствія: ибо онъ старѣе его шестью годами. —

„Нѣтъ, маминька; но есѣли мы будемъ споль щаспливы, что увидимъ бабюшку освобожденнымъ, чего желаетъ и Сирь Александръ, онъ бы былъ пушеводителемъ моего брата; онъ лучше бы умѣлъ располагать опважноспію его, нежели Лордъ Рональдза, и пошому онъ бы могъ. . . .“

— Оспашься въ крѣпоспи, не шакъ ли, перебила Амбруазина: шы бы ихъ учида шить, вышивашъ въ пьальцахъ; вѣрно иголка въ ихъ рукахъ менѣ бы шебя ужакала, нежели сабля; не шакъ ли? —

„Вы шупише, милая маминька; я знаю, что вы любите Рандольфа шакже, и что шакже сожалѣете о немъ.“

— Да, безъ сомнѣнія, я его люблю; но какъ слѣдуетъ любить для него собшвенно, для его славы, болѣе нежели для удовольспивованія пущой и смѣшной нѣжности. Миѣ бы гораздо пріяшнѣе было знать, что онъ равенъ и даже убитъ какъ храбрый воинъ на пуши чеспи, не-

жели видѣшь его препровождающимъ время въ недостойныхъ забавахъ. Я точно также буду нѣкогда думать о Жамесѣ и Сэнп-Клерѣ. Лучше быть матерью героя, павшаго на полѣ славы, нежели матерью окруженною десятью сыновьями бесполезными для общества. —

„Рандольфъ, маминька, прославить насъ всѣхъ своею храбросію, я очень въ эпомѣ увѣрена; но мы за сіе слишкомъ дорого можемъ заплащивъ. Ахъ! почему я не мальчикъ; я гораздо старше Жамеса; я послѣдовала бы за нимъ, защищала его, и ежели бы онъ былъ побѣжденъ, пала бы подлѣ его сраженная однимъ ударомъ!“ Слезы ея пошекли еще болѣе, и нѣжная мать смѣшала съ нею свои, видя, до какой степени достигла привязанность юнаго сердца, и думая припомъ о всѣхъ препящствіяхъ, не желала только хотя не много ее успокоить.

— Ты его увидишь, сказала она ей, и съ большими удовольствіемъ, когда онъ къ намъ возвратится побѣдишемъ, и когда во время успокоенія онъ намъ будешь рассказывать свои подвиги. —

„Дай Богъ вамъ это счастье! но можешь быть мы никогда не увидимъ его; сердце мое раздирается при этой мысли. Милая маминька! ежели Рандольфъ будешь убить, Зинъ не останешся ни одной счастливой минутой. Онъ меня на сихъ дняхъ очень огорчилъ; во всю его жизнь этого не случилось.“

— Какимъ образомъ? — спросила Амбрузина.

„Я довольно видѣла, что онъ огорчился моимъ опказомъ Лорду Рональдзѣ, и симъ много шревожилась; не замѣтили ли вы, маминька, какъ онъ съ пѣхъ поръ былъ грустенъ, и какъ онъ удалялся отъ меня при всѣхъ моихъ ласкахъ; едва могъ на меня смотрѣть, а прежде такъ любилъ быть со мною. Мущины, кажешся, не умѣютъ такъ любить, какъ мы. Ко-

гда бы Принцесса жопвѣла за него выйши, и онъ ее не любилъ бы, я бы обрадовалась его опказу; я бы взяла его спорону противъ всѣхъ васъ, и не сердилась бы на него за эшо.“

— Я не сомнѣваюсь въ эшомъ, сказала Амбруазина: онъ исполняетъ долгъ добраго брапа, когда желаетъ хорошаго замужства сеспрѣ; онъ почитаетъ Лорда Рональдзу, прошивъ котораго нечего сказаць, ешьлибъ пы его любила. —

„А эшо важнѣе всего, маминька; я слышала, когда бапюшка разсказывалъ намъ вашу испорію, что вы сами никакъ не могли любить Сира Жамеса Стуарша, хотя онъ шакже былъ и храбрый и славный кавалеръ, прошивъ котораго нечего уже было и сказаць. Но вы любили бапюшку, и я шакже хочу любить того, за кого выйду, или когда не выйду замужъ. Я никогда не забуду милосши ешей, когда вы мнѣ позволили отказаць Лорду Рональдеъ, и надѣюсь, что шогда

въ послѣдній разъ въ моей жизни воспривилась волѣ вашей.“

— Я въ томъ увѣрена, моя милая Зина. Теперь поди усни; я слышу, что гости разошлись; препоручи брата своего въ покровительство Бога, Который можешь его сохранить на войнѣ также какъ и дома! Успокойся и переспань плакашь. —

„Спокойной ночи, милая маминька, сказала Зина, цѣлуя ея руку: пусть милосердіе Небесное бодрствуетъ надъ Рандольфомъ, пусть возвратишь его къ намъ и сдѣлаешь меня достойною добрыхъ родителей, какихъ оно мнѣ дало.“

Во время сего разговора Моншей и Сиръ Александръ имѣли рѣчь о Рандольфѣ. Сенш-Клеръ не безъ ужаса видѣлъ сего пылкаго молодого человѣка, пускающагося въ свѣтъ, гдѣ могъ онъ встрѣтиться съ роднымъ отцомъ, пропавшаго онъ вооружилъ его повѣствованіемъ несправедливостей, имъ ему причиненныхъ. — Сдѣлалъ все, что могъ,

сказалъ онъ давнишнему своему другу : я ему угрожалъ моимъ проклятиемъ , есшьли онъ вызоветъ на поединокъ Лорда Роскелина . Но впо знаетъ , не вызоветъ ли онъ самъ его , какъ моего сына ? Тогда подробно припоминая всѣ обстоятельства , вошь , сказалъ онъ ему , причины , препятствующія мнѣ до сихъ поръ открытию его рожденіе . Я бы желалъ , или чтобъ моя дочь была за - мужемъ , или чтобъ Рандольфъ сколько прославился , чтобъ это польстило его фамилію и избавило меня отъ всѣхъ упрековъ . Я бы желалъ также Но сколько ни дѣлала мнѣ зла эта женщина , я не долженъ желать ей смерти ; между тѣмъ операшидись бы многія препятствія , есшьлибъ Графини не было ; хотя сильныя ея спрасши и должны скоро сократить жизнь ея , но она однакожъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ ; какую мать , праведный Боже ! долженъ я дать добродѣтельному Рандольфу ? Наконецъ , мой другъ , я его шебъ препоручаю вполне ;

наблюдай надъ нимъ, и оставлю тебѣ на волю, еслили будешь нужно, уведомишь его о сей шайнѣ. —

Сирь Александръ согласился съ Сени-Клеромъ и обѣщаль ему внимательнѣе наблюдать за симъ залогомъ, ему ввѣреннымъ.

Два дни спустя подулъ попутной вѣспрь, и они пригошвились къ отпѣзду. Амбрузина проспилась съ Рандольфомъ съ обыкновеннымъ своимъ мужесшвомъ; но не могла однако же удержаться отъ слезъ. „Поѣзжай, любезный сынъ, сказала она ему, куда слава зоветъ тебя; да приведешь она тебя къ благополучію; можешь быть долго мы не увидимся; но помни всегда, что Амбрузина всегда для тебя нѣжнѣйшая мать; еслили она не родила тебя, то по крайней мѣрѣ въ дѣшшзвѣ швоемъ имѣла о тебѣ материнскія попеченія. Безъ сомнѣнія, нѣкогда другую женщину ты назовешь священнымъ именемъ матери; но она никогда не будешь любить тебя такъ, какъ я люблю.“

Рандольфъ упалъ передъ нею на колѣни, и поцѣловавши ея руку, — никогда! сказалъ онъ: я клянусь въ шѣмъ, что не буду имѣть манеры любезнѣйшей Амбруазины! и да накажешь меня Небо, если я забуду хотя на короткое время ваши милости. Сестрица Зина, прибавилъ онъ, чувствительно поражена этой печальной разлукой. Машушка! окажите ей всю ту нѣжность и попеченія, которыми вы меня удостоивали; научите ее своимъ примѣромъ переносить необходимую разлуку, столь же мучительную для меня, какъ и для нее. —

Зина закрыла руками омоченное слезами лице свое и не могла произнести ни слова. Рандольфъ, подошедши къ ней, сказалъ: — Сестрица! прошу тебя, скажи мнѣ хотя одно слово! . . . одно слово проси, милая Зина, чтобъ я еще услышалъ швой сладкій голосъ, меня благословляющій! —

Зина бросилась въ его объятія. „О драгоцѣннѣйшій изъ Рашевъ! сказала

она: для чего я не могу совокупить жизни моей съ своею жизнью? но это не возможно, потому что ты хочешь подвергать ее опасностямъ въ сраженіяхъ; по крайней мѣрѣ вспоминай иногда о Баррѣ и сестрѣ твоей!»

Усиліе, которое она сдѣлала, произнося эти слова, усугубило ея слабость; она упала безъ чувствъ на грудь своей матери. Монтей взялъ ее въ свои объятія и перенесъ въ комнату Амбруазины, которая за нимъ пошла; онъ поручилъ Зину полеченіямъ матери, и тотчасъ возвратился. Видя впечатлѣніе живѣйшей горести на лицѣ Рандольфа, онъ сказалъ ему съ веселымъ видомъ: — Слава Богу! мы разспались съ женщинами; они негодятся совсѣмъ при прощаніи воиновъ, наши сабли пушаются въ ихъ юбкахъ; развѣ только при возвращеніи, тогда мы повергаемъ оныя къ ихъ ногамъ; придетъ время и твоего возвращенія, тогда мы будемъ плакать только отъ одной радости. Прощай, Рандольфъ! я шеперь раз-

спаюсь съ храбрымъ молодымъ человекомъ, а тогда обниму героя. —

Рандольфъ, не могши ничего выговорить, прижалъ его къ своему сердцу, обнялъ Жамеса и Сенш-Клера, которые его взяли за руки, не могши съ нимъ расстаться, и молча слѣдовали за Сиромъ Александромъ и за остававшимися крѣпостью.

Они немедленно поплыли, и скоро прибыли благополучно въ Ардамурханъ.

Между шѣмъ гореснѣ царствовала въ крѣпости. Не смотря на усилія, Амбрузина не могла возвратити себѣ прежней веселости, а Зина совершенно предалась своей горесни, которую не могла бы переносити, ежели бы не видѣла, что огорчаетъ энимъ своихъ родителей. Мужество всѣхъ изгнанниковъ было возбуждаемо эшимъ опрѣдомъ и извѣстіемъ о пригосовленіяхъ къ войнѣ.

Они расположились единодушно, какое бы ни было послѣдствіе, естли ихъ

опечеству угрожаешь опасность, прекратишь свою неволю и идиши защищать его съ пошереею своей жизни.

Г Л А В А IV.

Возвратимся къ нашимъ путешественникамъ. Окончивъ благополучно переправу, они поѣхали къ Спирлингу, гдѣ Дворъ имѣлъ погдашнее пребываніе, чшобъ предложить свои услуги юному Королю. „Я не любилъ отца его, сказалъ Сиръ Александръ: но его вѣшь уже на свѣшѣ, и я посвящаю сыну, истинному наслѣднику этого Королевства, мою руку и имѣніе. Если онъ сдѣлаешся тираномъ, я оставлю его; но это только одно можешъ заспавить меня его покинушь, и я вамъ совѣшую, мои милые друзья, тому же послѣдовашъ. Добродѣтельный Государь есть образъ Божій на земли; онъ долженъ находить въ своихъ подданныхъ дѣшей, гошовыхъ пожершве-

еашь ему своею жизнью поддерживать его на тронъ и посвящашь себя его услугамъ; но тиранъ, который во зло употребляетъ свою власть, чѣмъ дѣлаетъ неправосудіе, есмь по же, что и слабый Государь, который попускаетъ управлять собою злымъ: онъ достоинъ того, чѣмъ его ославить и презрѣть.“

Дорога шла къ Замку Монтея, и Сенш-Клеръ просилъ ихъ остановиться на нѣсколько дней, чѣмъ судить о шеперешнемъ состояніи этого знаменитаго жилища. Развалины и опустошеніе царствовали въ этомъ прекрасномъ Замкѣ, есмь долго необитаемомъ; они были чрезвычайно эшимъ поражены. Позлащенный орель едва былъ примѣшенъ изъ закрывающей его дикой зелени, которая висѣла по стѣнамъ главнаго поршала, а въ галлерей, гдѣ были портреты предковъ Монтея, Сиръ Александръ нѣсколько времени искалъ подь пылью, которая ихъ покрывала, любезнаго дяди

Сенш-Клерова, чшобъ показашь его Рандольфу. Онъ наняль работниковъ, приказаль, чшобы все было поправлено и возобновлено, такъ какъ бы: господинъ жилъ въ немъ, и прежде нежели они уѣхали, Замокъ уже перемѣнилъ видъ.

Первое спараніе Рандольфа было посѣщеніе добраго монаха въ монастырѣ въ долину; онъ былъ такъ щасливъ, что нашель опца Томаса еще въ живыхъ: не смотря на его глубокую старость, бѣлые, какъ снѣгъ, волосы покрывали его почтенное чело, и серебряная борода досязала до груди. Рандольфъ преклонился предъ старцемъ, прося его благословенія. Когда ему было сказано, что это сынъ Сенш-Клера, онъ его подняль, поцѣловаль и омочиль слезами. „Сынъ мой! сказалъ онъ ему: да возможешь шы обладанъ мужесшвомъ и челоувѣколюбіемъ опца швоего; но воздерживай швою неопышную храбросшь благоразуміемъ и будь расшочисленъ съ берешливосшю.

О, есъли бы мои глаза, прежде нежели закроюся навѣкъ, могли еще разъ увидѣшь въ эпомъ [Замкъ племянника благороднаго Генерала, споль нѣжно имъ любимаго! Узнаю ли я его? Такое продолжительное изгнаніе, я думаю, ускорило его старость.“

— Друзья его говоряшь прошивное, отецъ мой; благополучіе домашнее съ обожаемою супругою сохранило его молодость, видъ его еще благородень, походка величественна, волосы его еще не пошеряли прекраснаго темнорусаго своего цвѣта, и лице его еще споль пріятно, что можно почесшь его моимъ брашомъ. —

„Небо да будетъ благословенно, что не допустило врагамъ его совершенно надъ нимъ воспоржесивовашь! Прошу тебя, скажи ему мое благословеніе; скажи, что я непрестанно молюсь о его будущемъ благополучіи.“

— Отецъ мой! отвѣчалъ Рандольфъ: молишвы твои будутъ услышаны; не-

несовершеннолѣтне Короля прѣшло; мы всѣ надѣемся, что онъ возвратишь свободу опцу моему и его друзьямъ, попому что ни одинъ изъ нихъ не захочешъ бытъ освобожденъ безъ прочихъ. —

Отець Томасъ не могъ наглядѣться на сына воспитанника своего и наговоришь съ нимъ. Рандольфъ съ своей стороны смопрѣлъ съ почпеніемъ на сего почпеннаго старца. Онъ былъ радъ, говоря съ нимъ о своемъ опцѣ и его семействѣ, и проведя нѣскольکو часовъ въ монастырѣ, распрощался съ нимъ, обѣщая всякой день его посѣщать, покуда пробудешъ въ Замкѣ.

Проживъ въ ономъ двѣ недѣли, Сиръ Александръ и его спущники продолжали путь къ Спирлингу. Во время дороги Рандольфъ сказывалъ ему, что его опецъ рассказывалъ ему всю свою исторію и изъявилъ величайшую ненависть къ Роскеллинамъ за несправедливости, оказанныя ими Моншею. Сиръ Александръ соглашался съ его мнѣніемъ; но къ великому

удивленію Рандольфа, онъ настояль съ усиліемъ, чшобъ онъ никогда не искаль случая мспишь имъ, и причиною тому поспавляль кровное родство, соединяющее его съ ними. „Хощя шеперь и неизвѣстно еще, сказалъ онъ ему: но можешъ бышь будешъ время, и оно не далеко, въ которое Лордъ Жонъ познаешъ свою несправедливосшь, и ты найдешъ въ немъ вшораго опца.“

Рандольфъ покачалъ головою съ ужасомъ. — Никогда, сказалъ онъ, гонишель благороднаго Моншея, съ такою злобою преслѣдующій его, не можешъ бышь признанъ мною за опца! Да будешъ благословенно Небо, что я не сынъ его. Я бы не согласился жить на свѣшѣ, еспь ли быг долженъ былъ краснѣшь за своихъ родителей; шо, что я могу сдѣлашь изъ послушанія къ моему опцу и вамъ, Сирь Александръ, котораго почишаю истинно за вшораго опца, еспь шо, что я вамъ жершвую моимъ желаніемъ мспишь. —

Епарой воинъ, видя, что не шло еще время открыть ему шайну е рождения, замолчалъ.

Они подъѣзжали ко Дворцу Спиинга, отъ котораго были не болѣе двух миль, какъ звукъ охотничьихъ роговъ поразилъ слухъ ихъ, и минутой спустя пробѣжалъ мимо ихъ олень, преслѣдуемый сподь близко охотниками, что онъ при нужденъ былъ броситься въ широкую и быструю рѣку, гдѣ и поплылъ; нѣсколь ко собакъ кинулись за нимъ въ воду охотники же останулись на берегу кромѣ одного, который будучи увлеченъ бѣшеною лошадью и никакъ не могши удержавъ ее, кинулся въ рѣку за оленемъ.

Сиръ Александръ, Лордъ Рональдъ и Рандольфъ отъѣхали въ сторону чтобы дать дорогу охотѣ и смотрѣть на оную; но ихъ вниманіе все было обращено на неблагоразумнаго охотника, который унесенъ былъ лошадью въ рѣку и который подвергалъ себя ужаснѣйшей

ясности; и подлинно лошадь, увлекаемая свирѣпостію волнь, и спараясь ростиць берега, сдѣлала такое сильное виженіе, что сбила съ себя всадника на срединѣ рѣки. Ужась овладѣль всѣми рипелями; но какъ увидѣли охотника, влекаемаго волнами, шо крикъ раздался во всѣхъ споронѣ: *это Государь! это Государь! онъ погибнетъ совершенно! онъ лавать не умѣетъ!* Всѣ охотники покакали на берегъ; но никшо не смѣль росишься, чшобъ его спасши опѣ неизбѣжной погибели. Ежеминушно видна была манпія Государя на волнахъ; онъ верпѣлся, показывался, изчезалъ, и увлекаемъ былъ волнами съ чрезвычайною быспрошою.

Всѣ смотрѣли съ ужасомъ; спрашное молчаніе послѣдовало за крикомъ, какъ увидѣли на срединѣ рѣки ниже того мѣста, гдѣ былъ несчастный Государь, молодаго чловѣка въ рубаикѣ, плывущаго прошивъ воды съ шакимъ усиліемъ, во шоромъ ни одинъ зришель не могъ

и помыслишь; въ скорости онъ достигъ Государя, который не въ силахъ былъ уже держаться на водѣ: это былъ Рандольфъ. При первомъ крикѣ онъ бросилъ съ лошади, скинулъ съ себя плащъ и съ присутствіемъ духа кинулся въ воду гораздо ниже мѣста, гдѣ утонулъ Государь, и плылъ прошивъ волны съ искусствомъ, свойственнымъ однимъ островитянамъ. Онъ достигъ Государя и успѣлъ схватить его за маншію; усиліе его приподнять Государя изъ воды было напрасно; они оба тогда подвергались опасности. Всѣ зрители смотрѣли съ молчаніемъ и удивленіемъ, смѣшаннымъ съ страхомъ и почтеніемъ. Рандольфъ сопротивлялся волнамъ съ невероятною силою, и достигъ до того что удалился нѣсколько изъ быспрещенъ своей ношей; тогда голова Государя показалась изъ воды; но Рандольфъ видя что онъ еще не потерялъ чувствъ, Государь! схватившись за меня, сказалъ онъ ему: я васъ спасу, или съ вами

гибну. Король его обнялъ крѣпко; тогда Рандольфъ поплылъ, держа его все поверхъ ды, и приплылъ къ пещаной ошмѣли, то ихъ и остановило. Съ ужасною прудсию и пропивъ волненія, которое округло сей родъ оспровка, онъ на него ошелъ и встацилъ Короля, бывшаго въ морокѣ, и былъ въ совершенной безо-сноспи. Не смотря на усшалость, Рандольфъ помогаль ему по возможности, приводиль въ чувства до тѣхъ поръ, ка Вельможи, бывшіе на охотѣ, Сиръ Александръ, Лордъ Рональдза и всѣ котники пришли къ нему на помощь. изспояніе ошъ пещаной ошмѣли на рѣкѣ такъ было ошдаленно; Государя за-ушали въ маншіи и перенесли въ бли-айшую хижину. Рандольфъ съ шовари-ами послѣдовалъ за ними и дожидался, какъ извѣспили ихъ, что онъ пришель въ чувства, послѣ чего они продолжали ушь къ Спирлингу. Сиръ Александръ юбилъ молодаго Рандольфа даже съ пред-бѣжденіемъ, но съ сего времени мѣніе

его о немъ ушвердилось; онъ видѣлъ въ немъ человѣка не только знашнаго, но опличнаго по своему мужеству и чело-вѣколюбію. Лордъ Рональда былъ вос-хищенъ своимъ брашомъ по оружію и не могъ довольно похвалишь поступокъ, которой Рандольфъ считалъ столь про-стымъ, столь обыкновеннымъ, что не понималъ, что шущь находили важнаго. Всякой человѣкъ, даже бѣднякъ, котора-го бы онъ увидѣлъ въ семь состояніи, вдохнуль бы ему шуже смѣлосшь и за-спавиль бы его подвергнушья шой же опасности.

На другой день рано ушромъ прѣ-ѣхалъ посланный отъ Короля къ Сиръ Александру, котораго узнали нѣкоторые изъ придворныхъ; онъ привезъ повелѣніе, чшобъ онъ съ молодыми своими друзьями явился къ Королю. Никшо не могъ ска-зать Его Величеству имени его избави-теля; считали его сыномъ Сиръ Алек-сандра. Сей получилъ это приглашеніе

сь удовольствіемъ , и послѣдуемый Рандольфомъ и Рональдзою , поѣхалъ за посланнымъ .

Дорогою они узнали отъ него , что Король , не могши получить никакой помощи въ хижинѣ , куда его перенесли , былъ перевезенъ въ дачу Евздаль , принадлежащую вдовствующей Лади Роскелинъ , потому что она очень была близка .

Сиръ Александръ зашрепешалъ ; Рандольфъ покраснѣлъ и остановилъ свою лошадь . „Любезнѣйшій покровитель мой ! не лзя ли вамъ предсавить Его Величеству мою подданническую покорность , оказалъ онъ , и сказать ему , что жизнь моя ему принадлежишь ; но что я не могу идти въ домъ женщины , которая шоль варварски была несправедлива противъ отца моего , и которая его опшоргла.“

— Рандольфъ ! отвѣчалъ Сиръ Александръ : въ опсущество опца швоего я его замѣняю ; онъ мнѣ далъ право , и его именемъ шребую швоего повиновения ; я

хочу, чтобы ты ѣхалъ со мною въ Евз-
 даль, и предспавлю тебя молодому Го-
 сударю. Что касается 'до Лади Роске-
 линь, думай о ней, что хочешь; но
 только помни ея старость, и какъ увѣ-
 ряють ея раскаяніе; не мое дѣло судить,
 до какой степени она поправитъ свою
 вину раскаяніемъ; но кто знаетъ судь-
 бы Божіи, кто знаетъ, что увидя сво-
 его внука, прославляемаго за сей оплич-
 ной случай, копорой помогъ тебѣ спа-
 сши жизнь Государя, не возбудитъ въ
 ней чувствъ, копорыя превзойдутъ твою
 надежду, и понудятъ наконецъ признашь
 твоего опца! Ты долженъ для него это
 сдѣлать, и я ошъ тебя пребую этого. —

„Я вамъ повинуюсь, Сирь Александръ,
 опвѣчалъ Рандольфъ: но заранѣе васъ
 предувѣдомляю, что я не имѣю къ ней
 чувствъ внука, и что увижу ее съ оп-
 вращеніемъ и ненавистью. Боже! съ ка-
 кимъ бы нѣжнымъ почтеніемъ, съ какою
 бы сыновнею любовію я увидѣлъ шу,

которая дала жизнь наилучшему опцу! Для чего, для чего долженъ я взиращь на нее, какъ на безчеловѣчное чудовище, которое опвергаетъ собсиженную свою кровь, своего первороднаго сына, и какого сына? Героя, коимъ всякая другая мать сполько бы гордилась!“ Пораженный эшою мыслию, онъ хотѣлъ еще оспановиться и испросить у своего спараго друга не показываться въ Евдалѣ; но сей послѣдній насполялъ, приказывалъ, и шакъ пришли къ ворошамъ Замка и шопчась были впущены. Король, увѣдомленный о ихъ приходѣ, приказалъ ихъ ввешши въ залу, гдѣ онъ сидѣлъ окруженный первѣйшими Вельможами и Двора своего, прѣхавшими изъ Спурдлинга, чшобы поздравить его съ вчерашнимъ избавленіемъ. Посреди ихъ была хозяйка, вдовспвующая Лали Роскелинъ, еще прекрасная, не спопря на морщины старости, и угощавшая съ доспоинспвомъ, учспивосшію и важносшію, кошорья всегда ее опличали; подлѣ ея

внука Лади Магильда Роскелинъ соединяла съ чершами Елеоноры кропосшь, скромносшь, выраженіе чрезвычайно примѣшной чувствившельности, и которая поразила въ первую минушу Лорда Рональдзу и Рандольфа; они удивились, нашедши молодую особу, которая могла оспоривашь красоти у Зины. Лади Роскелинъ знала очень связь Мак-Грегоровъ съ Сенш-Клеромъ Моншемъ; но не вѣря, чѣобы сей послѣдній могъ имѣшь сына такихъ лѣшь, они думали, что избавишель Короля былъ сынъ или племянникъ Сира Александра, и приняли его съ чрезвычайною учтивостію.

Не смотря на свое прошивъ нее предубѣжденіе, Рандольфъ не могъ видѣшь ее безъ смущенія: ея сходство съ Моншемъ, сѣдые волосы, почщенная спаросшь, даже звукъ ея голоса, занимали его; но сжавши свое сердце воспоминаніемъ жестокоши этой женщины, онъ послѣдовалъ за Сиромъ Александромъ къ кресламъ Короля.

Юный Монархъ былъ еще очень блѣ-
денъ и слабъ; онъ не позволилъ старому
воину и его молодымъ друзьямъ прекло-
нить предъ собою колѣна, слѣдуя обык-
новенію. „Въ мои объятія, сказала онъ,
долженъ я принять моего избавителя!
Вчера Сиръ Александръ, вашъ сынъ,
едва ли старшій меня лѣтами, показалъ,
что онъ имѣетъ смѣлость мужа, а я
имѣлъ всю безразсудность дитяни.“

— Повелитель мой! сказала спарикъ:
несчастіе, которое вчера намъ угрожало,
должно быть забыто въ щасіи сего-
дня; я радуюсь, что мой юный другъ
имѣетъ также въ томъ участіе; я не
могу объявить правъ отца: онъ не сынъ
мнѣ; но рука и жизнь его посвящены
услугамъ Іакова II. —

„Я принимаю ихъ, возразилъ Король,
хотя онъ и не сынъ вашъ, Сиръ Алек-
сандръ; но не менѣе онъ шего онъ другъ
мой! Скажите мнѣ имя моего муже-
свеннаго избавителя?“

— Онъ называется Рандольфомъ, Ваше Величество; почтеннѣйшій изъ людей и долгое время несчастнѣйшій ввѣрилъ его моимъ попеченіямъ, чтобы начать путь его въ оружіи, защищая Короля Шотландіи. При первомъ своемъ вступленіи въ свѣтъ онъ имѣлъ счастье доказать вамъ свою вѣрность — есть счастливое предзнаменованіе для будущаго. —

„Рандольфъ! сказалъ Король, обращаясь къ нему: у меня не доспаетъ словъ къ выраженію признательности моей; но къ счастью я имѣю возможность доказать, что я не могу быть неблагодарнымъ. Говори свободно; никогда я не буду въ состояніи расплашиться съ моимъ мужественнымъ избавителемъ; я ему долженъ жизнью, а онъ будетъ мнѣ одолженъ благополучіемъ. Тотъ, кто будетъ завидовать ему въ моей милости, будетъ непріятелемъ своего Короля.“

— Ваше Величество! возразилъ Рандольфъ: слишкомъ увеличиваете малость,

которую я сдѣлалъ ; поступокъ мой не заслуживаетъ никакой награды ; я получилъ ее тогда , какъ имѣлъ щастіе васъ спасти : служилъ вамъ есть единственное мое честолюбіе. —

„Нѣтъ , нѣтъ ! возразилъ Король : вы слишкомъ скромны ; но не думай , сказалъ онъ съ веселосшію , чшобъ я , и не умѣвши такъ хорошо , какъ ты , плавать , не могъ бы также избавить тебя отъ опасности , но кончить продолжительное несчастіе твоей фамиліи . Власть моихъ непріятелей окончилась вмѣстѣ съ моимъ дѣтствомъ ; я хочу наказати моихъ враговъ и вознагради храбрыхъ моихъ защитниковъ . И такъ скажи , Рандольфъ , чѣмъ могу расплатиться съ тобою ? Родитель мой далъ мнѣ жизнь ; ты мнѣ далъ ее вѣщорично ; я хочу сдѣлать твою щастливою , непременно хочу.“

— Ваше Величество ! отвѣчалъ Рандольфъ : для себя самаго я ничего не желаю. —

„Для тебя самого, повторишь Король; не имѣешь ли ты просить у меня что нибудь для другаго? Что за нужда, говори свободно, повторяю тебѣ; и ешьли то, что ты желаешь во власти смертнаго, то я клянусь это исполнить. Ты за ничто считалъ жизнь свою, спасая мою; я считаю власть свою за ничто, ешьли я не могу употребить ее для тебя.

— Хорошо, сказалъ Рандольфъ: Ваше Величество величе и ободряете меня; и такъ я изъясню единственное желаніе моего сердца, единую милость, которую я хочу спросить; они очень велики, но не выше власти и воли моего Государя. . . . —

„Ни его желанія возблагодарить тебѣ! Ты говоришь о желаніи твоего сердца; не руку ли это какой прекрасной Леди, высшей тебя по достоинству или богатству. Ешьли это такъ, я тебѣ съ нею сравняю, и мы женимся въ одинъ

день ; ты знаешь , что я скоро долженъ жениться . Не правда ли , что я опгадалъ ?“

— Нѣтъ , Ваше Величество ; это милость , копорая дороже для меня жизни , богатства , или всякаго другаго блага , копорое будетъ касаться до меня . . . —

„Говорите !“ прервалъ съ нетерпѣніемъ Король .

— И такъ , Ваше Величество , сказалъ Рандольфъ , кидаясь къ ногамъ его : я осмѣливаюсь просить у васъ помилованія и прощенія моему родителю Сенш-Клеру Моншею и храбрымъ друзьямъ его и товарищамъ изгнанія Жамесу Россу , Аллану Гамильтону , Роберту Мак-Грегору и Рыцарю Филиппудю - Бургу , копорые всѣ въ немилости Вашего Величества живутъ въ крѣпости оспрова Барро . —

„Они совсѣмъ у меня не въ немилости , сказалъ Король , пошому что я не зналъ этого дѣла . И такъ я . . . Но , сказалъ онъ остановясь , что сдѣлалось съ Леди Роскелинъ ? Она падаетъ въ обмо-

рожь ; выведитее ее на воздухъ ; она из-
жешся очень спраждуею.“

Въ самомъ дѣлѣ вдовствующая Лади
Роскелинъ при имени Сент-Клера почти
безъ чувствъ упала на спинку своихъ кре-
сель ; плачущая внука поддерживала ее ;
Рандольфъ невольно подошелъ на нѣсколь-
ко шаговъ, но остановился, и хотѣлъ про-
сипъ Лорда Рональдза помочь Машиль-
дѣ ; онъ искалъ его глазами, и увидѣлъ,
что его просьба была предубѣждена ; мо-
лодой Лордъ подлѣ прекрасной Лади по-
могалъ ей поддерживать ея бабушку, при-
водитъ ее въ чувства ; обращая къ ней
ушѣщительныя слова, соединился съ
нею, чтобы поддерживать, когда выво-
дили ее изъ залы. Это движеніе приве-
ло ее въ чувство. Проходя мимо Коро-
ля, она сказала ему голосомъ споль дро-
жащимъ, что едва было слышно: — Из-
вините меня, Ваше Величество, и про-
должайте изъ милосши то, что прерва-
ла моя слабосъ ; это удѣлъ старосши
и сѣдствіе испуга, узнавши . . . опа-

енность, которой подвергались Ваше Величество; я скоро приду въ себя. — Она вышла медленно, опираясь съ одной стороны на Лорда Рональда, а съ другой на Машильду; и еще одинъ разъ сердце Рандольфа почувствовало нѣжное почтение, которое онъ имѣлъ нужду укротить.

Король продолжалъ, обращаясь къ нему: „Хорошо ли я монялъ? свой опецъ и друзья его плѣнники на островѣ Барро, и, какъ кажется, по именамъ ихъ они извѣстнѣйшихъ въ моемъ Королевствѣ; по какому обвиненію они посланы?“

Прежде нежели Рандольфъ могъ отвѣчать, Сиръ Александръ подошелъ и сказалъ: — Они не плѣнники Вашего Величества, но только сосланы. Ихъ исторія слишкомъ долга и слишкомъ запутанна, чпобы рассказывать ее шеперь; но я опвѣчаю честію за ихъ невинность и преданность Вашему Величеству. Вы никогда не расскажешь въ милости, которую Рандольфъ у васъ испрашиваетъ. —

Въ продолженіе того, какъ Сиръ Александръ говорилъ, вдовствующая Лади Роскелинъ возвратилась и сѣла возлѣ дверей. Лордъ Рональдъ и Машильда сспались, своя позади ея спула. Король началъ говорить.

„Я выслушаю эту исторію въ свободнѣйшее время; теперь довольно одного желанія Рандольфа и вашего слова. Сколько тому времени, какъ они изгнаны въ Барро?“

— Болѣе двадцати чепырехъ лѣтъ, Ваше Величество, — отвѣчалъ Сиръ Александръ.

„Этого времени было довольно, чтобы изгладить величайшее преступленіе, возразилъ Король: и такъ, Рандольфъ, я согласенъ на твою прозьбу; они свободны; я желаю, чтобы ты самъ отвезъ имъ это извѣстіе, и я скоро надѣюсь узнать ихъ лично.“

— Они свободны! вскричалъ Рандольфъ съ восхищеніемъ, кинувшись къ ногамъ Короля: о родители мой! о друзья

мой! Амбруазина! Зина! милые братья!
 о Государь! Рандольфъ предается вамъ
 навсегда, чтобы защищать васъ; я пойду
 противъ всѣхъ опасностей; даже самая
 смерть подъ самымъ ужаснѣйшимъ
 видомъ не возможетъ оспановить меня!
 О! для чего не могу я передать всѣмъ
 Шотландцамъ жару, меня воспаляющаго;
 гордые Англичане побѣждали бы отъ
 вашего непобѣдимаго войска, какъ при
 Барокбурнѣ предъ мужественнымъ Роберт-
 номъ! —

Король поднялъ Рандольфа; лице его
 было мужественное и благородное, пла-
 менные его взоры, эта прекрасная физи-
 ономія, одушевляемая сыновнею любовію
 и любовію къ опечеству, сдѣлали его
 подобнымъ богу Марсу, идущему на пер-
 вое сраженіе; онъ привлекъ вниманіе цѣ-
 лаго собранія; сама вдовствующая Ла-
 ди Роскелинъ, гордясь быль его бабу-
 шкою, не могла удержаться отъ глубо-
 каго вздоха, помышляя, что не можетъ
 признать его.

Въ первой разъ это желаніе представилось ея мыслямъ; внушренно она просила Небо имѣшь къ тому мужество, и не получила еще его; но сраженіе ея сердца столь сильно выразалось на лицѣ ея, что Король съ удивленіемъ на нее смотрѣлъ, и увѣрился, что она имѣла участіе въ исторіи изгнанниковъ. Онъ обратился къ Перамъ, составлявшимъ его совѣтъ. „Я повелѣваю, сказала онъ, чтобы прощеніе или оправдательный актъ изгнанниковъ Барры былъ изгословленъ по формѣ, и чтобы я могъ приложить мою подпись и печать. Я думаю, Рандольфъ нешерпѣливо желаетъ ѣхать; и такъ прощай; я надѣюсь, мы скоро увидимся. Чтожъ касается до Сира Александра и друзей его, они дождутся меня въ Спирлингъ, куда я завтра возвращусь.“

Сиръ Александръ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы представилъ Королю Лорда Рональда, какъ одного

изъ вѣрнѣйшихъ подданныхъ и брата Гандольфа по оружію.

— Ежели я могу въ чемъ нибудь завидовать моему другу, сказала эптой молодой господинъ, такъ это въ щастіи спасти Ваше Величество; но теперь по крайней мѣрѣ я посвящаю мое оружіе къ защищенію драгоцѣнной жизни, которую онъ сохранилъ. —

Король благодарилъ его, и показавши руку Гандольфа, сказала ему: „Прощай любезный избавитель; пусть благопріятный вѣсѣрь проводишь себя въ Барро и возвратишь опять ко мнѣ. Черезъ нѣсколько часовъ ты получишь актъ, возвращающій друзей твоихъ, и ты можешь тогда ѣхать.“ Онъ вспалъ и собраніе разошлось. Сиръ Александръ, Гандольфъ и Лордъ Рональда возвратились въ Спирлингъ; но передъ отъѣздомъ сей послѣдній просилъ у вдовствующей Леди Роскелинъ позволенія посѣщать ее. Будучи чувствительна къ понеченіямъ, которыхъ онъ имѣлъ о ней, она сказала.

ему, что рада будешь его видѣть. Онъ пошелъ за Рандольфомъ, говорилъ ему много о Леди Машильдѣ, и удивлялся, что онъ почти не видалъ ее; а между тѣмъ Рандольфъ гораздо болѣе еще удивлялся, чтобы можно было восхищаться Машильдою, покинувши и любивши Зину. Радость его, думая, что увидишь ее на нѣсколько времени и отвезешь въ Барро, щасливыя извѣстія не имѣли границы; онъ не могъ ее удерживать, смѣялся и пѣлъ. Едва только пріѣхали въ Спирлингъ, какъ онъ съ восхищеніемъ обнялъ Сиря Александра. „Почтенный другъ! говорилъ онъ ему: вамъ одолженъ я своимъ щасіемъ безъ вашихъ убѣжденій; я не видѣлъ бы Короля, не получилъ бы отъ него прощенія моему отцу и нашимъ храбрымъ товарищамъ!“

Сиръ Александръ съ живостию прижалъ его къ груди своей. — Рандольфъ! сказалъ онъ ему: ты превосходишь мои желанія и ожиданіе; не только ты восшоржесшвовалъ надъ непріятелями. Моя

шея, но также надъ нечувствительностью своей бабушки. Видѣлъ ли ты, какъ ея совѣсть говорила ей, какъ нѣсколько времени угрызенія ея превосходили надъ ея гордостью? Я видѣлъ минушу, въ которую эта самая гордость заставила бы ее признашь тебя за своего внука. —

„Я видѣлъ ее, сказалъ Рандольфъ, и съ трудомъ удержался отъ того, чтобы идти къ ней на помощь; мнѣ должно было вспомнишь, что прешерпѣлъ родителъ мой отъ ея несправедливостей.“

— Онъ не одинъ шерпѣлъ, сказалъ Сиръ Александръ, и я смѣю увѣришь, что мать его ни на минушу не наслаждалась щаспиемъ; мучимая своими угрызеніями, она не нашла въ сынѣ, ея признанномъ, чтобы могло льстившь ея щеславію и вознаградишь за то, чѣмъ она ему пожертвовала. Невѣстка сдѣлала мученіе ея жизни; одинъ изъ внуковъ ея похищенъ болѣзнію, а старшій похищенъ

шеями. Знаешь ли ты эту историю, Рандольфъ? —

„Только частію; Марія сказала мнѣ нѣсколько въ Замкѣ Валле; не узнали ли чтонибудь объ этомъ ребенкѣ?“

— Нѣтъ, даже донынѣ родственники его увѣрены въ его смерти; но я думаю что онъ живъ еще и скоро покажется.—

„Нащаспный молодой человекъ! сказалъ Рандольфъ: когда узнаешь онъ, кому одолженъ жизнию, то какъ будешь сожалѣть о своемъ незнаніи. Я бы не хотѣлъ ни за что на свѣтѣ быть на его мѣстѣ, и надѣюсь, что онъ умеръ.“

Сирь Александръ замолчалъ. — Еще, онъ возразилъ послѣ минушнаго молчанія: я завидую тебѣ, Рандольфъ, въ удовольствіи бытъ посланникомъ пріятныхъ извѣстій, которыя ты везешь въ Барро, и съ радостію бы соупствоваешь тебѣ, естлибъ повелѣнія Короля не удерживали меня здѣсь, и естли бы не хотѣлъ бытъ вѣрнымъ повѣствователемъ жизни Моншея, и не оставилъ этого пашна.

людямъ , не все знающимъ , или не такъ честнымъ. Но отвези въ Барро мои нѣжнѣйшія поздравленія; скажи Сенш-Клеру, что въ повѣствованіи , которое сдѣлаю Королю, я ограничу себя тѣсно въ томъ, что до него касается и что оставляю ему попеченіе о другихъ открытіяхъ, которыя онъ сдѣлаетъ со временемъ, если сочтетъ нужнымъ. —

Рандольфъ обѣщался исполнить; онъ ясно видѣлъ, что была нѣкоторая скрытая шайна въ этомъ посольствѣ; но онъ слишкомъ былъ занятъ своимъ щастіемъ и мыслию увидѣть друзей своихъ и любезную сестру, чтобы обратить на то вниманіе.

Рональдза простился съ своимъ братомъ по оружію съ умиленіемъ , поручивши ему поздравить его родителей и друзей его; онъ извинился, что не могъ ему сопутствовать, горестію, которую онъ могъ причинить Зинъ. Но Фразеръ, который слѣдовалъ за дю - Бургомъ, когда они обыскивали Монтея, просилъ

Рандольфа взявъ его съ собою, чтобы отвезти на островъ щасливое извѣстіе. Они приготоновились къ пути, ожидая объявленія о прощеніи, которое Король долженъ былъ имъ прислать.

Оно привезено вечеромъ, сдѣланное по законной формѣ; Рандольфъ скрылъ его въ груди своей, поцѣловавъ своихъ друзей, и не смотря на приближеніе ночи, уѣхалъ съ Фразеромъ.

Г Л А В А V.

Юный Государь по своему предположенію оставилъ жилище вдовспвующей Лади Роскелинъ въ слѣдующее утро и возвратился въ свой Замокъ Спирлингъ. Въ тотъ же день Сиръ Александръ разсказалъ ему вкратцѣ повѣсть о припадкѣ свеніяхъ Сенш - Клера. Король слушалъ его со вниманіемъ, вмѣстѣ и участіемъ; онъ совсѣмъ не сказалъ тогда своего мнѣнія; но благоволеніе, которое онъ

оказалъ Сирь Александру, подало ему лесныя надежды.

Лади Роскелинъ, оставшись въ Евдалѣ одна съ Машильдою, не была также спокойна. Видъ юнаго Рандольфа, представленнаго при Дворѣ за избавителя Короля, благородство его лица, его прекрасная физіономія, сыновняя любовь, которую онъ показалъ къ своему изгнанному родителю, сдѣлали глубокое впечатлѣніе въ сердцѣ ея. „Вошь, сказала она сама себѣ, каковъ бы теперъ былъ мой милой Монпрозь! Если бы Небо мнѣ его сохранило; но эшошь не такъ же ли мнѣ внукъ? И если бы я могла жаловаться на отца его, то онъ въ шомъ невиненъ! Увы! Сенш - Клеръ былъ невиненъ, когда я ошвергла его въ минушу рожденія; когда моими гоненіями я лишила себя возможности признашь его; онъ имѣешъ еще другихъ дѣшей; Рандольфъ наименовалъ сестру, брательевъ. Если они на него походяшь, то Сенш - Клеръ ешь щиспливѣйшій изъ опцевъ,

а я, Великій Боже! я мать его. Умру безъ попомковъ, не видя возобновленія благородной крови Роскелиновъ, — и я это заслужила. Небо правосудно; Оно меня наказало!“ Предавшись этимъ печальнымъ размышленіямъ, она удалилась въ свою комнату и сказала Леди Матильдѣ, что хочетъ отдохнуть; она была тамъ весь день, оставивши своей внукѣ попеченіе угощать.

Въ слѣдующее утро она показала въ залъ, чтобы просишься съ Королемъ предъ его опѣздомъ. Онъ не переспавалъ говорить о Рандольфѣ, хвалилъ его достоинства и говорить, что, не смотря на награды, которыя онъ назначилъ ему, этою молодой человекъ былъ сотворенъ къ тому, чтобы требовать всего. Онъ лукаво спросилъ Матильду, быдали она его мнѣнія. Она отвѣчала покраснѣвъ, что она соглашается въ этомъ съ мнѣніемъ своего Государя.

Юный Король говорилъ потомъ о Лордѣ Рональдзѣ также съ похвалою; но

не спрашивая мнѣнія Машильды, кошо-
рая покраснѣла гораздо болѣе, нежели
когда былъ вопросъ о Рандольфѣ, сей
последній возбудилъ ея удивленіе, а Лордъ
нѣжную признашельность за попеченія,
кошорыя онъ прилагалъ о ея бабушкѣ.
Рандольфъ, вмѣсто того чшобы ийти
къ ней на помощь, опошелъ и даже не
сказалъ ей ни слова; а между тѣмъ Ро-
нальдза говорилъ только съ нею одной и
самымъ лестнымъ образомъ. Можешъ бытъ
она не имѣла шакого вкуса, какъ Зина,
и предпочитала бѣлокурые волосы и го-
лубые глаза; какъ бы то ни было, но вѣ-
рояшно, что Лордъ Рональдза получилъ
предпочтеніе но, какъ всегда случается,
она мало говорила о немъ свсей бабушкѣ
и много о Рандольфѣ въ разговорѣ, ко-
шорой они имѣли послѣ опъѣзда Короля.

Они оспались вмѣстѣ въ большой
залѣ. Лади Роскелинъ старалась пока-
зывать наружно спокойствіе духа; и
чшобы Машильда не примѣшила ея без-

покойсва, она говорила съ нею о разныхъ предметахъ. Машильда; веселая и рѣзвая по обыкновенію, была въ этотъ день задумчива, мечпашельна и отвѣчала односложно. Лади Роскелинъ наконецъ это замѣпила. „Машильда! сказала она ей: милое дитя! что шебя такъ нынче занимаешь? ты не имѣешь своей обыкновенной веселости; или это замѣпашельство, причиненное пребываніемъ Короля, или безпокойство, которое ты имѣла о случившемся со мною? Слава Богу, я совершенно выздоровѣла.“

— Ни то, ни другое, Милади! отвѣчала Машильда: ешьли я не весела, то также совсѣмъ не печальна. Я радуюсь, что Король спасенъ и что ваша болѣзнь не имѣла слѣдствій. —

„Такъ ты признаешься, что была задумчива, дитя мое? Какая можетъ быть тому причина?“

— Все, что произошло въ послѣдніе дни, сказала Машильда, заставило меня много размышлять; юный Король

ешоль близко отъ смерти, такъ чудно сохраненный эшимъ мужественнымъ иностранцемъ, котораго Провидѣніе, кажешся, нарочно послало, чтобы спасти его, — и эшошь молодой человекъ, которой отказывается отъ всего для себя совершенно! О! когда бы мой братъ Монпрозь живъ былъ, онъ бы походилъ на эшого Рандольфа! съ какимъ бы удовольствіемъ я слышала прославляемымъ его мужество и всѣ уста повторяющими его похвалу! —

Лади Роскелинъ отворопилась, опирая слезы, которыя потекли при воспоминаніи о своемъ миломъ внукѣ. Машильда, не примѣчая эшого, увлекаемая своимъ удивленіемъ, продолжала и скачала съ жаромъ: — О, какъ родители должны гордиться такимъ сыномъ! шакъ молодъ, шакъ хорошъ и уже шакъ мужественъ! Между шѣмъ, какъ робкіе придворные предепали на берегу рѣки при видѣ опасности своего Короля, онъ повергается

въ воду и спасаешь его, опшваживаясь на свою погибель. —

„Надобно согласишься, сказала съ замѣшательствомъ Лади Роскелинъ, что онъ поступилъ благородно; знаешь ли ты, чей онъ сынъ?“

— Такъ, Милади! онъ сынъ Сенш-Клера Моншея, котораго всѣ вы называете Мак-Креемъ и о коемъ я такъ часно слышала презрительныя рѣчи у моего родителя. Я не хотѣла шому вѣришь; онъ имѣешь столь благородный видъ; но Лордъ его другъ кошорый такъ хорошо вамъ помогаль машушка, и кошорый не имѣешь обманчиваго вида, сказалъ мнѣ, что онъ точно былъ сынъ Сенш-Клера Моншея, и что отецъ имѣешь осанку такъ же благородную, какъ и онъ; и однако же онъ обманщикъ, не такъ ли? —

„Мудрость Иакова I такъ осудила его, отвѣчала она, стараясь скрышь свое смущеніе: потому что онъ изгнать его; но Государи не всевѣдуци; они также мо-

гущь обманываешься. Какъ я могу вспомнишь, онъ на него походишь. . . . Я безпокоюсь объ этомъ происшествіи. Эшотъ гордый молодой человекъ будетъ имѣть большое вліяніе на разумъ Короля; его опецъ врагъ своему, и онъ захочетъ смсшить за себя. Увы! свой опецъ не имѣетъ болѣе сына, чшобы защищать его.“

— Небойшесь этого, Милади! Рандольфъ далекъ отъ того, чшобъ быть гордымъ и злымъ. Милордъ. . . . Милордъ. . . . Рональдза, думаю я — не такъ ли онъ вазывается? сказывалъ мнѣ, чшо доброта и чувствительность его сердца превосходила его мужество; онъ сказалъ, чшо любилъ его какъ брата, и чшо вся ша фамилія опличалась самыми крошкими и любезными качествами. —

„Въ самомъ дѣлѣ, сказала Лади Роскеллинь голосомъ, изъясляющимъ удовольствіе, но воспринявъ опять мрачный и сердитый видъ: эши крошкія особы бу-

душь можешь бышь очень жестоки для меня.“

— Нѣтъ, нѣтъ, милая бабушка! сказала Машильда, сложивъ руки: не имѣйте этой мысли; Лордъ Рональдза сказалъ мнѣ еще. . . . —

„Онъ сказалъ тебѣ, прервала Лади Роскелинъ съ нешерпѣніемъ: ты бы должна была ему сказать, что они непріатели отцу своему, и принудишь его къ молчанію.“

— Я не осперегалась, Милади, и слишкомъ много имѣла желанія его слушать; всегда желала я знать исторію ссоры моего отца съ этимъ Моншеемъ; но меня бранили, когда я о чемъ говорила. Лордъ Рональдза не совсѣмъ ее знаетъ; онъ говоритъ только, что Король Іаковъ I былъ очень неправосуденъ къ Сенш-Клеру Моншего; мнѣ кажется, что вы также объ этомъ думаете. Будете ли вы такъ милосивы, что расскажете мнѣ, что произошло при этомъ случаѣ. —

Лади Роскелинъ смѣшалась. „Нѣтъ, Машильда, сказала она: ты ее опъ меня не услышишь; но какъ бы то ни было, ты не возмешь, я надѣюсь, спороны не-пріятелей твоей фамиліи.“

— Я бы желала, сказала Машильда покраснѣвъ, брашь другой спороны, кромѣ правосудія и мира. Я слышу часто ма-тушку, говорящую о ненависти, мще-ніи, и не могу ее понять; я не знаю, что это значить ненавиждѣшь. Естьли кто нибудь меня оскорбляетъ, я плачу; но ни за что на свѣтѣ не хочу возвра-щать зла, которое мнѣ сдѣлали; оно бы-едвое пало на мое сердце. Я читала въ священныхъ книгахъ, копорыя вы мнѣ дали, что *мщеніе принадлежитъ Богу*. Оставимъ его Ему; Онъ заставишь его пасть на испинно виновнаго; Онъ чи-шаетъ во глубинѣ человѣческаго сердца. —

При сихъ ужасныхъ словахъ внезап-ный ужасъ и опчаяніе начершалось на лицѣ Лади Роскелинъ; она воскликнула,

закинувши голову назадъ: „Оно пало мщеніе небесное! Молодость, проведенная въ обманѣ и боязни, зрѣдыя лѣта въ преступленіи и отчаяніи, старость въ угрызеніяхъ совѣспи и конецъ споль же спращный, какъ и жизнь!“

Машильда испугалась. — О, Боже мой! говорила она: милая бабушка! успокойтесь, прошу васъ; естли эпо ожидаетъ нашихъ непріятелей, то безъ сомнѣнія они очень достойны сожалѣнія. Но Богъ по милосердію Своему пронешъ сердца ихъ; они раскаются можешъ бышь, и вы знаете, Милади, что кающійся грѣшникъ лучше принимается Богомъ, нежели праведный, который не имѣетъ нужды въ покаяніи. —

„Машильда! сказала Лади Роскелинъ, спараясь сколько возможно придши въ себя: окончимъ эпотъ разговоръ; не говори мнѣ болѣе объ этомъ дѣлѣ; оно сдѣлало мученіе моей жизни.“

— Да возможешъ Небо, чшобы вы могли ихъ забышь, сказала Машильда,

цѣлуя руку своей бабушки : проспите мнѣ , прошу васъ . Если я возбудила ваши горести , то эптошъ Рандольфъ былъ шому причиною ; его послушокъ привелъ меня въ воспоргъ . —

„Опяшь эптошъ молодой человекъ !“ сказала она . Послѣ минушнаго молчанія она посмошрѣла внимательно на Машильду и сказала ей съ кротосшію : „Милое дитя ! скажи мнѣ правду , не сдѣлалъ ли онъ какого впечатлѣнія въ швоемъ сердцѣ ? ты кажешься очень заняшою“

При сихъ словахъ лице Машильды запылало . — Нѣшъ , право , возразила она : нѣшъ , не шакъ какъ вы думаете ; я удивляюсь ему , и больше , больше право ничего . . . Я думаю шолько , что желала бы имѣшъ шакого брата , какъ онъ , или , когда Небу угодно , чтошбы я сдѣлалась машерью , я буду просить Его , чтошбы сынъ мой былъ подобенъ Рандольфу мужествомъ , благородшвомъ и сыновнею любовью ; но не желаю , чтош-

бы онъ былъ моимъ супругомъ ; я никогда не имѣла этой мысли. —

„Довольно, Машильда ! сказала Лади Роскелинъ : я уйду ; забавляйся швою мопнею, или, естли предпочитаешъ, поди не много прогулятьса ; воздухъ возвращишь тебѣ мужество ; я имѣю нужду въ отдохновеніи.“

— Я очень хорошо употреблю праздное время , сказала Машильда : надѣюсь найсти васъ здоровѣе къ обѣду. Госни, бывшіе у насъ въ эти дни, васъ обезпокоили ; вамъ надобно отдохнуть. — Сказавши это, она подала ей руку, проводила въ ея комнапу, попомъ пошла одна въ церковь въ недалнемъ разстояніи Замка.

Характеръ Машильды былъ природно благочесливый. Будучи очень чувствительна и не находя никого вокругъ себя, коего сердце сошвѣтствовало бы ей, мысли ея обратились къ Высочайшему Существоу ; она нашла въ Религіи утѣшеніе и силу, въ коей она имѣла нужду,

чтобы сносить дурной нравъ своей матери, и зрѣлище продолжительныхъ споровъ между Графомъ и Графиней. Ея частное пребываніе у Лади Роскелинъ, которая, чтобы успокоить свои угрызения, занималась только благочестивыми дѣлами, усилило это расположеніе. Лишь только эта крошкая и благочестивая молодая дѣвица имѣла какую печаль, по у подножія олпая она свергала ее и всегда возвращалась оттуда спокойнѣе, веселѣе и рѣшительнѣе сносить жестокости своей матери, сиротливость бабушки и слабосильность отца, которой любила ее, но не защищала, когда быть долженъ это дѣлать. Матильда, у которой разумъ превосходилъ лѣша, видѣла ихъ безпорядки и сожалѣла о нихъ въ тайнѣ, прося безпрестанно Бога укротить ихъ мстительный духъ и вернуть миръ душамъ ихъ. На этотъ разъ болѣе обыкновеннаго смущенная разговоромъ, которой имѣла, шѣмъ, что произошло въ ея сердцѣ, будучи сли-

шкомъ занята своимъ новымъ знакомствомъ, Лордомъ Рональдзою, она почувствовала болѣе прежняго нужду въ молитвѣ. При подножіи олтаря въ маленькой церкви она умоляла Высочайшее Существо за своихъ родителей и ихъ непріятелей; она просила Его также проевѣпить собственное ея сердце, и не позволять, чтобъ оно перемѣнилось къ тому, который началъ занимать ее, естли это чувство должно быть достойно осужденія. Будучи спокойнѣе, она вспала, и видя себя подкрѣпленною этою молитвою, она возвратилась домой.

Между тѣмъ ея бабушка была жертвою ужасной сердечной поски. Каждое слово невинной Машильды наносило ужасной ударъ ея виновной совѣсти; ей казалось, что это былъ Ангель, который пришелъ ее уведомить, что минута раскаянія и вознагражденія не должна болѣе быть оплагана. Она ходила по своей комнатѣ, теряясь въ своихъ печальныхъ

размышленіяхъ до такой степени, что долгое время не могла собраться съ мыслями; наконецъ, кинувшись на спуль, она сказала задыхающимся голосомъ: „Невозможно, чтобы путь добродѣтели былъ навсегда для меня закрытъ! Эшопъ Ангель не сказалъ ли мнѣ, что есть блаженство на небесахъ для кающагося грѣшника? О! для чего не имѣла я мужества признасться въ моей слабости; давно бы уже она была забыта, и я бы тихо сошла въ могилу посреди полеченій и благословеній моихъ внуковъ, которые бы почтили мои сѣдые волосы и которые, можетъ быть, теперь порицаютъ меня. . . Я видѣла во взорахъ этого молодого Рандольфа ужасъ, съ коимъ онъ меня разсматривалъ, что онъ знаетъ зло, причиненное мною его отцу; и Матильда, сама Матильда была готова осудить меня, взявъ прошивъ меня его сторону; чтобы было, если бы она знала? . . . О, Боже мой! я, которая бы должна была примѣромъ моей внуки и

вещи ее по пути добродѣтели, и она заспавляетъ меня краснѣнь отъ себя самой! О если бы угодно было Небу, чѣобы мое сердце не было такъ нечувствительнѣно къ гласу природы, или чѣобы онъ никогда не возбуждался!“ Въ эту минуту взоры ея обратились на поршреть ея мужа, висящій въ ея комнагнѣ; ей казалось, чѣо онъ кидаль на нее взоры негодованія; невольное движеніе заставило ее уласнь на колѣна. Просперши руки къ этой нечувствительной живописи, Роскелинъ! воскликнула она, если бы ты могъ одушевиться и говоришь со мною, ты можешь быть упрекаль бы меня въ прекращеніи півоей фамиліи; а между тѣмъ ты оживаешь въ сыновьяхъ, достойныхъ этого имени, котораго они не знаютъ. Мои обманы, мои ложныя клятвы, зло, коимъ я обременила нашего невиннаго сына, первый залогъ любви нашей, во всемъ, чѣо влечетъ меня къ вѣчной гибели! и ты можешь быть - шакже получаешь наказаніе

твсей слабости, съ кошорою ты повѣрилъ безчеловѣчной машери противъ чистой истины, представленной моимъ почтеннымъ брашомъ. . . . Тщепная мечта почестей! какъ дорого заплашила я за твою наружность! Но прошедшее не можешь болѣе быть возвращено, и я погибла невозвратно!“

Машильда нашла свою бабушку еще болѣе разстроеною, нежели она ее оставила. Не подозрѣвая тому причины, она пробовала всѣми возможными способами ее успокоить, и наконецъ доспигла своими нѣжными попеченіями до того, что возвратила ей по крайней мѣрѣ наружное спокойствіе.

Г Л А В А VI.

Рандольфъ и Фразеръ ѣхали не останавливаясь до Арднамурхана, гдѣ, не смотря на то, что время было дурное, они наняли судно и поплыли въ Барро.

Судно привезло ихъ въ Ваперзу; откуда они немедленно доспигли Барро въ рыбацкѣмъ суднѣ. Они прѣѣхали поздно вечеромъ, сошли съ судна, не будучи примѣчены ни однимъ островишняниномъ, и подошедши къ крѣпости, Рандольфъ схватилъ рогъ и пропругилъ съ такою силою, что жишли крѣпости, въ то время ужинавшіе, запрепешали и взялись за оружіе. Тревога не долго продолжалась. Крикъ: *а! добро пожаловать! это нашъ молодой господинъ Рандольфъ!* раздался со всѣхъ сторонъ.

„Рандольфъ! невозможно! вскричалъ Моншей подошедши.“ Между тѣмъ какъ Зина неподвижная и удивленная обняла мать свою, не могши произнести ни слова, лишь только Моншей хотѣлъ выйти изъ залы, какъ дверь отворяется; Рандольфъ кидается въ его объятія, и прижалъ его къ груди своей съ такимъ восхищеніемъ, что Сенш-Клеръ боялся, не сошелъ ли онъ съ ума.

Слова : *милое дитя ! милой братъ ! добрый другъ ! храбрый Рандольфъ !* были безпресланно повтораемы; его окружили; каждый спрашивалъ , за чѣмъ онъ воровился , исключая Зины , не могшей еще говорить , и которая съ неперпѣніемъ ожидала , чшобы онъ подошелъ къ ней. Но не ошвѣчая никому , онъ освободился изъ рукъ Моншея; выхватилъ съ послѣдностію изъ кармана пергамень и съ важнымъ молчаніемъ подалъ его Сент-Клеру.

Всѣ онѣмѣли опть удивленія до того времени , какъ Сент-Клеръ пренециуцій , видя Королевскую печать на пакетѣ , распечаталъ и читалъ смущеннымъ голосомъ :

„Да будетъ извѣстно каждому по
 „этому акту , подписанному Мною Иако-
 „вомъ II , Королемъ Шотландіи , что Я
 „одолженъ жизнию Рандольфу Моншею ,
 „который сохранилъ Мнѣ ее своею пре-
 „данностію и мужествомъ. Когда онъ
 „показался опть всякой другой награды ,

„Я даю ему прощеніе его отца Сенш-
 „Клера Моншея и друзей его Жамеса Рос-
 „са, Аллана Гамильсона, Роберта Мак-
 „Грегора и Филиппа дю-Бурга, находя-
 „щихся теперь въ изгнаніи на оспровѣ
 „Барро, возвращая имъ всѣ ихъ шишла и
 „право гражданъ, и прося въ замѣнь по-
 „го службы вѣрныхъ подданныхъ.

„Дано въ Спирлингскомъ Дворцѣ 6 го
 „Апрѣля 1448 года.

„*Яковъ II, Король.*“

По прочтеніи акта радость обіяла
 всѣхъ присутствующихъ; они обнимали,
 поздравляли другъ друга, спрашивали Рандольфа, и не ожидая его отвѣта, спрашивали
 о подробностяхъ этого страннаго произ-
 шествія. Рандольфъ, не удовлетворяя ихъ
 любопытству, бросился къ ногамъ Лади
 Амбруазины; она прижала его къ груди сво-
 ей, испрашивая ему Небесное благослове-
 ніе; Зина, невинная и нѣжная Зина, бро-
 силась къ нему на шею; а Жамесь и Сенш-
 Клеръ обнимали его. Моншей, присоеди-

нясь къ этой группѣ, пожималь ему руку и говорилъ: „Милый Рандольфъ! сердце мое всегда мнѣ говорило, что тебѣ буду я одолженъ своимъ благополучіемъ!“ И такъ щасливый Рандольфъ, окруженный всѣмъ, что только онъ любилъ, почищаемый ими какъ Ангель хранишель, былъ въ эту минушу щасливѣйшую во всей его жизни избавишелемъ своей фамиліи, благодушелемъ своихъ друзей; душа его не была доснаточна къ этому излишеству радости. — Милые родители! любезные друзья! вскричалъ онъ наконецъ: нѣшь, я не промѣнялъ бы этой минушы на цѣлое спольшіе! Въ первый разъ я радуюсь, видя текущими слезы моей машери и сесприцы, — это слезы щастія. О ешьли бы вы никогда не проливали другихъ! —

„По чеспи, сказалъ Моншей, мы всѣ очень неразумишельны: перенеспи нещасстье какъ мущины, мы принимаемъ щасстье какъ дѣпи; посшараемъ успокоишься.“ Онъ подошелъ къ сполу, и

наполнивши спаканъ, „за здоровье Короля Иакова! вскричалъ онъ, и нашего избавителя Рандольфа!“ Всеобщій крикъ радости повпорилъ слова Сенп-Клера; всякой налилъ себѣ спаканъ, даже Амбруазина и Зина; попомъ они всѣ сѣли. — Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ дю-Бургъ: обливаніе холодною водою было бы лучше для меня въ сію минушу, нежели вино; кровь волнуется въ моихъ жилахъ, а сердце бьется съ такою скороснію, что я не знаю, гдѣ я. Прошу тебѣя, Рандольфъ, расскажи намъ все, что съобою случилось; я думаю, твое повѣствованіе возвратитъ намъ разумъ. —

„Я бы желалъ бытъ опъ этого избавленнымъ на сей вечеръ, отвѣчалъ Рандольфъ покраснѣвъ: радость оснимаешь у меня возможность къ изъясненію; вы знаете послѣдствіе по грамотѣ Короля; на что вамъ подробности?“

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ Моншей: такъ, дю-Бургъ, я буду въ лихорадкѣ до шѣхъ поръ, пока не получу изъясне-

нія такого чуда; я не могу ждать до завтра. Ни мать твоя, ни сестра, ни все мои друзья — мы умремъ все ониъ наперѣвнѣя, и ты не найдешь болѣе никого, кому бы рассказывать твою повѣсть. —

„И такъ, сказалъ Рандольфъ, я ссавляю это на поученіе Фразера; онъ все видѣлъ, и можешь васъ о томъ извѣстить.“ Все къ нему обратились, и онъ подробно извѣстилъ ихъ о всемъ, что случилось послѣ отпѣзда ихъ изъ Барро. Во время этого разговора Рандольфъ сидѣлъ между Амбруазиною и Зиною, держа руки ихъ въ своихъ и попеременно подносилъ ихъ къ губамъ своимъ въ отвѣтъ на похвалы, кошорыми его осыпали. Въ невинной радости онъ забылъ заблужденіе, кошорое въ себѣ замѣнилъ, что любилъ сестру свою болѣе, нежели сколько должно любить брата; въ эту минушу онъ раздѣлялъ чувства свои съ чувствами своей фамиліи и не чувствовалъ ничего пятосшнаго.

По окончаніи повѣспи поздравленія и похвалы возобновились. Рандольфъ установилъ ихъ, сказавъ: „Что чѣмъ скорѣе они явятся къ Королю, тѣмъ будешь лучше; чтожь до меня касается, прибавилъ онъ, я повѣду завтра. Послѣ такихъ милостей я буду очень виноватъ прошивъ Короля, если не докажу ему моей преданности, и надѣюсь, что мы не замедлимъ увидѣться въ Спирлингѣ.“

— Нѣтъ! сказала Моншей: я на это не согласенъ; мы не хотимъ шакъ скоро съ побою разсѣпаться, и желаемъ явиться при Дворѣ вмѣстѣ съ нашимъ избавителемъ; что ты на это скажешь, Амбруазина? не можемъ ли мы завтра съ нимъ ѣхать? Теперь никто изъ насъ не заснетъ въ эту ночь; шакъ не лучше ли провести ее въ приготовленіяхъ къ отъѣзду? —

„Они будущъ не продолжительны, сказала Амбруазина: жена воина всегда должна бытъ гопова. Придворныя Дамы

можешъ быть будущъ смѣяшься нашей шаринной одеждѣ; но естли они превосходящъ насъ въ эшомъ, то мы превзойдемъ ихъ въ благополучіи.“

— Всегда Лади Амбруазина будешъ самую просшою и любезнѣйшею изъ женщинъ, — сказалъ Гамильшонъ.

„Прибавь, сказалъ Моншей, что она естъ единственная женщина, надъ копорою время не имѣешъ никакого вліянія; оно почшило прелести ея ума, такъ какъ и лица; моя Амбруазина всегда должна бытъ въ модѣ; она почшиша же, какъ и наслѣдница Киншаля, когда она съ такимъ блескомъ показала на турнирѣ. . . .“

— Вопъ мой палисманъ, сказала она, приложивъ руку къ сердцу своего мужа: шупъ шолько я никогда не перемѣнюсь; но, прибавила она смѣясь, придворный воздухъ уже объялъ шебя и суровые оспровишяне сдѣлались льстецами. . . Ахъ! эшомъ ошровъ, эшомъ любезный осп-

ровъ! не ужели мы никогда не будемъ сожалѣть о немъ? —

„Мы найдемъ его вездѣ, гдѣ только будемъ вмѣстѣ, опивѣчалъ Моншей; уже время заставитъ завидовать моему щасію; пойдемъ пригошовляться; до завтра, друзья мои. Пусть всякой возьметъ съ собою, что онъ сочтетъ нужнымъ, и я желаю, чтобы наши мебели и провизія были раздѣлены бѣднымъ нашимъ сосѣдямъ, добрымъ оспровишянамъ; я оставляю для сего здѣсь Вилліама, и скоро самъ возвращусь сюда проспиться съ ними. Возьмемъ съ нами только пѣхъ людей, безъ коихъ мы не можемъ обойтись; оспальные же придутъ къ намъ послѣ въ Моншей, или Кинпаль.“

Амбруазина одобрила это распоряженіе. Брижешпа, не терпѣлива будучи видѣть своего сына, не покидала своей Госпожи, и помогала ей съ усердіемъ. Рандольфъ и Фразеръ пошли успокоиться; они только одни ложились спать въ эту ночь; но тысяча различныхъ чувствъ

слишкомъ много колебали молодого чело-
вѣка, чтобы позволишь ему предаться
ему. Испышывая самага себя, онъ опять
нашелъ въ своемъ сердцѣ виновное чув-
ство, его мучившее; онъ запрепешалъ;
и какъ жребій приближалъ его къ Зинѣ,
онъ разсудилъ, чего бы по ни стоило, за-
спавишь ее выйпи за-мужъ за Лорда Ро-
нальдза, а себя посвящитъ службѣ Коро-
лю и опечеству въ опасностяхъ сраже-
ній, загладишь споль виновную страсть
славною жизнію, или смертію. По упру
они собрались всѣ въ большую залу. Нѣ-
которые жителя, которые предпочли
остаться въ Барро, съ нѣжностію про-
спились съ благородными изгнанниками.
Вилліамъ остался, чтобы исполнить
приказаніе своего Господина.

Легкое судно и попушной вѣтеръ
щасливо привезло ихъ въ гавань. До-
ставши лошадей, они поѣхали прежде
въ Монтей, гдѣ приняты были какъ вос-
кресшіе всѣми крещьянами и оицемъ Го-

жасомъ. При щасливомъ извѣспіи о возвращеніи его воспитанника, онъ сдѣлалъ усиліе выше лѣтъ своихъ и вышелъ съ крестьянами на встрѣчу щасливой фамиліи; Монпей сошелъ съ лошади и обнялъ его, представляя ему жену свою и дѣшей. Снарискъ удивлялся имъ и благословилъ; потомъ обратясь къ Сенип-Клеру, сказалъ ему: «Благородной начальникъ и достойный другъ! несчастія твои были велики; но еще болѣе было благословеніе небесное; твоя фамилія вознаградила бы цѣлый вѣкъ спраданія; да превзойдушъ ихъ добродѣтели и щаспіе твои и мои желанія. Для меня теперь только остается соединиться съ твоимъ возлюбленнымъ дядею и взирашъ съ нимъ на васъ, какъ ваши Ангелы хранили.»

Одинъ день посвятили почтенному другу, а на другой поѣхали въ Спирлингъ, гдѣ Король съ неперпѣваемъ ожидалъ ихъ.

Г Л А В А VII.

По прїѣздѣ во Дворецъ съ ними соединился Сиръ Александръ Мак-Грегоръ. Послѣ продолжительныхъ обниманій онъ ихъ увѣдомилъ, что шеперъ былъ часть аудіенціи и что онъ шель извѣспить Короля о ихъ прибытіи. Монархъ сидѣлъ среди Бельможъ своего Двора, и принималъ Французскаго посланника, кошорой дѣлалъ ему поздравленія ошъ своего Государя по случаю брака его съ Марією, дочерью Герцога Гельдеонскаго.

Когда эшо дѣло было кончано и посланникъ ушелъ, Сиръ Александръ, подошедши къ престолу, сказалъ, что друзья его прїѣхали изъ Барро и испрашивали позволенія бышь ему представленными.

„Сію же минушу, сказалъ Король: я нешерпѣливъ видѣть моего друга Рандольфа, и желаю, чшобы онъ имѣлъ удовольствіе представить мнѣ свое фамилію.“

Сирь Александръ повиновался; и хотя Рандольфъ желалъ бытъ ихъ проводникомъ, но надобно было уступить приказаніямъ Короля; онъ вошелъ первый въ залу, послѣдуемый своею фамиліею и друзьями.

Подошедши къ престолу, они преклонили колѣна, и Рандольфъ сказалъ: — Ваше Величество! вотъ друзья, коихъ я вамъ предспавляю; наши дѣйствія лучше докажутъ, нежели слова, нашу признательность. —

„Я въ помъ не сомнѣваюсь, ошеъчалъ Король: сдѣлайте милость, вспанъше! Въ войнѣ, которая намъ угрожаетъ, я щаспливъ и благодаренъ, видя сполько мужеспвенныхъ воиновъ!“ И устремивъ взоры на Амбруазину и Зину. „Это безъ сомнѣнія мать швоя и сестра? сказалъ онъ Рандольфу: шы не сказалъ мнѣ; какъ Дворъ мой украсишя. Въ самомъ дѣлѣ я не понимаю, какъ ошець мой имѣлъ мужество изгнать васъ; развѣ сполько, чшобы опдалишь себя опъ опасности,“ ска-

заялъ онъ поклонясь Амбруазинѣ, которая съ скромностію пошупила глаза.

— Ваше Величество! возразилъ Моншей: вашъ родителъ не былъ столь жестокъ, ни столь благоразуменъ; онъ изгналъ воиновъ, оскорбившихъ его въ минуты опчаянія; но Лади Амбруазина по своей волѣ была изгнанницею въ продолженіи осьмнадцати лѣтъ. —

„Вы начальникъ Моншей, сказалъ Король, еспьли судишь о томъ по вашему сходству съ Рандольфомъ.“

— И какъ онъ голосый спважишь жизнь свою для спасенія моего Государя, сказалъ Моншей съ живостію: и дѣти мои скажутъ по же въ свою очередь, — прибавилъ онъ, заставляя подойти Жамеса и Сенш-Клера, коимъ Король съ дружесствомъ протянулъ руку; попомъ обратился къ Дамамъ: „Какъ это возможно, Сударыня, сказалъ онъ Амбруазинѣ, что вы раздѣляли осьмнадцать лѣтъ изгнаніе храбраго Моншея? Васъ бы можно считатьъ старшею сестрою этой мо-

лодой и прекрасной особы. Я нетерпѣливо ожидаю моей супруги, и вы очень меня обяжете, еслили поможете принять ее, милая Лади; она въ ваши лѣта, и еслили имѣеть только половину вашихъ прелестей, то я буду щасливѣйшимъ изъ мужей.“ Зина покраснѣла и опъ того еще сдѣлалась прекраснѣе. Рандольфъ, не могшій воспрепятствовать себѣ смотрѣть на нее, почувствовалъ такое смущеніе, что принужденъ былъ опъвратить взоры.

— Наша Государыня будетъ прекраснѣйшая, лучшая и щасливѣйшая изъ женщинъ, еслили мои желанія исполнятся, — сказала Зина съ робостію.

„Благодарю васъ, опъвчалъ Король.“ Ношомъ обращаеь къ другимъ изгнанникамъ, съ коими онъ еще не говорилъ; онъ сказалъ каждому изъ нихъ что-нибудь пріятное и благодарное. Онъ принялъ присягу и благодарность всѣхъ съ совершенною милостію, уведомилъ ихъ ношомъ, что Англичане начали военныя

дѣйствія на границѣ, и что не должно было медлить въ собраніи войска. — Ваше Величество! сказалъ Моншей: я прошу у васъ позволенія съѣздить мнѣ еще на оспрова, съ коихъ я уѣхалъ, не прошившись съ храбрыми моими оспрови-пянами; а между шѣмъ друзья мои посѣпятъ свои помѣстья, гдѣ споль долгое изгнаніе сдѣлало ихъ почти чужими. По возвращеніи опшуда наша жизнь будетъ посвящена вамъ. —

Король согласился, и Дворъ разошелся.

На другой день Россъ Мак-Грегоръ, Гамильшонъ и дю-Бургъ проводили Сенш-Клера и его фамилію въ Замокъ. Моншей осшавиль Равдольфа и Рональдза, копорые должны были идти съ Сиромъ Александромъ и его корпусомъ войска на границу.

Во время прощанія Зина, собравши всѣ силы, просшила съ братомъ съ довольною швердосцію и накинула ему на плеча превосходный шарфъ изъ бѣлаго

шпаса , шйшый золотомъ съ гербомъ и девизомъ Моншеевъ ; она сказала ему : „Прощай возлюбленный брашь ! да возможешъ Небо сохранишь тебѣ , управляшь шобою и возвращишь шебѣ ; но ешьли швоя безразсудная храбрость вовлечешъ шебѣ въ бесполезныя опасности , пусть эшотъ шарфъ напомнишь сеспру швою Зину , которая вышила его для шебѣ ! Клянусь не пережишь шебѣ !“

Рандольфъ молча прижалъ ее къ своему сердцу , попомъ вырвался оцъ нее съ усилиемъ . Подобно одеждѣ Геркулеса , эшотъ шарфъ , вышитой Зиною , данный ею , казался ему пожирающимъ пламенемъ ; онъ вознамѣрился кинуть его ; но минуша размышленія удержала его . — Эшотъ подарокъ сеспры ! сказалъ онъ : каждая почка , вышитая ея рукою , мнѣ напоминаетъ ее ; вошь золотой орель и прекрасный нашъ девизъ : *прославиться или умереть !* Такъ ! я превзойду эшу слабость ; я буду и хочу бышь достойнымъ и истиннымъ Моншеемъ ; и эшотъ шарфъ ,

напоминаая мнѣ ежеминутно мое имя, будешь единственныи узелъ, соединяющій меня съ Зиною; Моншей возвративъ меня на путь должности и чести.“

Друзья Сент - Клера оспались только одинъ день въ Моншеѣ для отдыха, исключая Рыцаря дю - Бурга, которой, не имѣя собственности въ Шотландіи, совершенно былъ привязанъ къ Сент - Клеру; прочіе поѣхали въ свои помѣстья, а Сент - Клеръ съ Рыцаремъ на острова и въ Киншаль.

Въ залогъ Моншея Амбруазина послѣ его отъѣзду возвратилась съ дѣшми своими въ Спирлингъ, гдѣ собрался весь Дворъ и всѣ Дворяне Королевства. Роскеллины должны бы были ихъ главою; но извѣстіе о возвращеніи Сент - Клера Моншея и фамиліи его удержало ихъ. Вдовствующая Леди Роскелинъ поручила Лорду Рональдзѣ, который часто посѣщаль ее въ Евдалѣ и возвращался оттуда всегда болѣе влюбленнымъ въ Машильду, засвидѣтельствовашъ ей почтеніе Коро-

лю и сказать ему, что лѣта и слабостъ преняшествовали ей ѣхать ко Двору. Дорду Жопу также было поручено опѣ жены его, гордой Елеоноры, извинить ее, что, будучи не здорова, осмивалась въ Замкѣ Роскелинѣ; но будучи всегда капризна въ своей волѣ, она прѣѣхала въ Спирлингъ. Лишь только узнала, что Септ - Клера шамъ не было, она имѣла тайное любопытство увидѣть эту Амбруазину, коей она была пожертвована. Она прѣѣхала съ надеждою, что лѣта, скука уединенія и бурной воздухъ Барро разрушили, или по крайней мѣрѣ помрачили ея красоту, и имѣла неудовольствіе найти ее почти столь же прекрасною, какъ и въ то время, когда распалась съ нею. Ея милая фізіономія имѣла печать благополучія, и только одинъ станъ ея, не столь тонкой, показывалъ, что она была мать прекрасн хъ дѣтей, ея окружавшихъ, которыя обѣщали наследовать мужество своего отца и прелести своей матери. Елеонора еще

болѣ имѣла неудовольствіе найти ихъ въ споль великой милоспи у молодого Государя, что всегда желалъ онъ имѣть близъ себя одного изъ сыновей Сенш-Клера, и говорилъ всегда съ воспоргомъ о красотѣ и добродѣтели Амбруазины и Зины. Такое зрѣлище безъ сомнѣнія должно было расперзатъ мспипельное сердце завистливой Елеоноры; она не могла долго этого сносить, и объявила своему мужу, что желаетъ возвратиться въ Роскелинъ и увезти съ собою дочь свою Машильду..

Слабый Графъ нашель однакожь въ своей сыновней и родительской нѣжности силу пропивихся своей женѣ; онъ зналь, что огорчилъ бы мать свою, взявши отъ нее Машильду въ то время, когда лѣша ея и здоровье дѣлали нужными пособія ея внука; зналь также, какъ бы сдѣлалъ несчастною эту послѣднюю, подвергнувъ капризамъ ея мащери, и объявить женѣ своей съ швердосшію,

къ которой она не привыкла, что ихъ дочь останеться въ Евдалѣ. Елеонора, разсерженная эшимъ отказомъ, уѣхала съ бѣшенствомъ въ сердцѣ, клянясь отмстить за себя мужу, ей сопротивляющемуся; свекрови, которая ссорила его съ нею, и невинной дѣвицѣ, которая безъ сомнѣнія предпочитала остаться у своей бабушки. Что бы она сказала, если бы знала истинную причину, для которой Графъ Роскелинъ оставлялъ Машильду въ сосѣдствѣ Спирлинга и не отдавалъ ее Графинѣ? Съ самой смерти своего сына ненависть его къ Моншею очень уменьшилась; онъ походилъ на отца своего; характеръ его былъ болѣе слабый, нежели злой; онъ разкаивался въ жестокости, съ какою гналъ этого благороднаго непріятеля, и поведеніе Лади Роскелинъ въ продолженіи сполькихъ лѣтъ; угроженія совѣсти, которыхъ она не могла скрыть, заставили его думать, что не невозможно было Сенш-Клеру быть его братомъ; но онъ слишкомъ

много имѣлъ пользы отъ него отрицанья, чшобы когда-либо согласиться на это. Онъ удовольствовался только, говоря громко, что какъ бы ни было мрачно его рожденіе, усыновленіе Генерала Моншея давало ему право носить это имя и быть наравнѣ съ первѣйшими Вельможами Государства. Онъ былъ на охотѣ, гдѣ Король избѣжалъ споль великой опасности, будучи свидѣтелемъ мужества, съ которымъ Рандольфъ спасъ его; онъ былъ также свидѣтелемъ признательности Короля, и жару, съ какимъ эпошъ молодой человекъ просилъ возвращенія своего отца. Если возсало въ сердцѣ его чувство ревности къ счастью Сейн-Клера бытъ отцемъ такого сына, то другая мысль скоро послѣдовала за эпошю и совершенно овладѣла его разумомъ; она была — сдѣлаться отцемъ Рандольфа, соединивъ его съ Машильдою, и получивъ чрезъ эпошъ бракъ имѣніе Моншея въ свою фамилію, съ условіемъ, чшобы ихъ старшій сынъ носилъ фамилію Роскелинъ.

Возвращеніе Сенип - Клера, милоснѣ Короля, съ каждымъ днемъ умножавшаяся къ этой фамилии, но всего болѣе невольная привязанность, привлекавшая его къ Рандольфу, дали болѣе дѣйстви- тельности этому предпріятію, коимъ онъ безпрепятственно былъ занятъ; жестокая ненависть Елеоноры ко всему, что только носило имя Монпея, а наиболѣе къ Рандольфу, которой похитилъ у нее своего отца, была слишкомъ велика, чтобы Лордъ Жонъ не боялся оставивъ съ нею Матильду. Онъ даже не осмѣливался говорить объ этомъ женѣ своей, будучи увѣренъ, что она придетъ въ бѣшенство; но онъ обѣщаль себѣ воспользо- ваться первымъ случаемъ, чтобы со- общить его вдовствующей Леди Роске- лиль, и многія замѣчанія увѣрили его, что съ этой стороны онъ не встрѣ- щивъ сопротивленія, и она одобритъ его видъ. Къ несчастію любовь, кошо- рую онъ имѣлъ къ Рандольфу, не бы- ла имъ раздѣляема, чтобы повинувшись

своему отцу и Сиру Александру. Рандольфъ не искалъ случая показашь свою ненависть ко всему, что носило имя Роскелина; но онъ также не искалъ его дружбы и избѣгалъ его, сколько было возможно. Въ одинъ день, когда онъ прогуливался верхомъ съ Лордомъ Рональдзою въ окрестностяхъ Спирлинга, ихъ догналъ Лордъ Роскелинъ, который спарался приблизиться къ молодому Моншею. Рандольфъ, расширенный эпою вспрѣчею, хранилъ молчаніе и оставлялъ говорить своего друга, который напрошивъ того желалъ понравиться отцу Манильды. Лордъ Жонъ, погруженный въ своихъ мысляхъ и болѣе занятый средствами укротить сердитаго молодого человѣка, нежели своею лошадыю, не примѣнилъ одного пня, о которой лошадь такъ сильно споткнулась, что Графъ былъ бы опрокинутъ, естлибъ Рандольфъ движеніемъ, быспрѣйшимъ мысли, не схватилъ его рукою поперегъ, чтобы поддержашь, а другою поднאלъ

его лошадей, не примѣчая, чтобы могло случиться съ нимъ самимъ; ибо онъ опустилъ поводъ лошади своей и употребилъ обѣ руки свои на поддержаніе Графа. Лордъ Жонъ покраснѣлъ болѣе отъ удовольствія, нежели отъ испугу; невольное движеніе заставило его прижать къ своему сердцу руку молодого человѣка. „Какъ щасливъ, сказалъ онъ, отецъ такого сына.“

Эти слова напомнили Рандольфу, кому онъ оказалъ услугу; сердце его было слишкомъ добро и человѣколюбиво, чтобы на то осердиться; но онъ не могъ воспрепятствовать себѣ сказать ему съ нѣкоторымъ огорченіемъ: „Мой родителъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ нужду, Милордъ, найди въ сыновнемъ сердцѣ любовь, почтеніе, правосудіе, которое онъ заслуживалъ, и въ которыхъ часто ему отказывали; онъ бы одобрилъ меня, этакъ доброй родителъ еспьлибъ увидѣлъ меня оказавшимъ малую услугу его непрямымъ; онъ смиршилъ мнѣ мщеніе,

и я желаю его только одобренія.“ Онъ понудилъ свою лошадь и удалился, прежде нежели Графъ могъ ему отвѣчать.

Лордъ Рональдъ остался съ нимъ нѣсколько времени; онъ сдѣлалъ ему прогашельную прохвалу о Рандольфѣ; сказалъ также нѣсколько словъ о Машильдѣ; потомъ наснигъ своего друга и оставилъ Графа желающимъ бѣлѣе, нежели когда-либо, исполненія своего предположенія, и несомнѣвающимся, чѣмъбы сердце дочери его не раздѣляло эшого. Увы! эно сердце принадлежало уже совершенно Лорду Рональдзѣ. Не смотря на усилія и сопрощивленіе свое, Машильда ежедневно чувствовала любовь свою возрастающею, и каждое посѣщеніе молодого Лорда дѣлало ее слабѣйшею, а его опаснѣйшимъ. Молодой Лордъ съ своей стороны былъ привязанъ къ ней такъ страстно, что не могъ скрышь шого отъ своего друга. Рандольфъ удивился, что его милая Зина была такъ скоро за-

была, что есть многіе роды любви. Зина открыла сердце Рональды къ чувству любви; но онъ ни къ кому не чувствовалъ, кромѣ Машильды, этой симпатіи, которая рѣшается въ одну мишу жребій цѣлой жизни.

По возвращеніи съ прогулки они нашли Сира Александра Мак - Грегора, уведомившаго ихъ, что они должны пригосовляться ѣхать съ нимъ, чтобы соединиться съ Сиромъ Жюномъ Дугласомъ, шедшимъ къ Англинскимъ границамъ съ корпусомъ войска; въ ночь же вечеръ они простились съ Королемъ, надѣясь отправиться на другой день. Яковъ былъ тронутъ. „Я надѣюсь, сказалъ онъ, пожимая имъ руки: надѣюсь, что мы скоро увидимся; моя корона слишкомъ будетъ драгоценна, еслили будетъ сполна такихъ друзей, каковы вы;“ и обратившись къ Амбруазинъ и Зинъ, снравшимся удержатъ свои слезы: „я раздѣляю и упрекаю себя въ вашей горести, сказалъ онъ имъ, и пошому, что я чув-

ствую шеперь, разсѣваясь съ Рандольфомъ, заключаю о томъ, что должны шерифъшъ мать и сестра споль нѣжныя.“

— Надежда преодолеваетъ страхъ, отвѣчала Амбрузина, и слезы мои гораздо бы были горчѣ, ешьли бы мой Рандольфъ не слѣдовалъ по пупи, назначенному ему честію и любовію къ Королю; сыновья мои Жамесъ и Сенш - Клеръ съ завистью смотряшъ на его опѣздъ, хопя онецъ ихъ и обѣцалъ имъ поже въ свою очередь. —

„Вы достойны, Сударыня, бышъ матерью героевъ, копорые прославяшъ вашу знаменитую фамилію. Ешьли бы я имѣлъ сыновей, то желалъ бы поручишъ ихъ вашему руководству; вы бы ихъ сдѣлали жаждущими славы, добродѣтели и красоты.“

Амбрузина съ кромносшію приняла эши ласкашельсва и не сдѣлалась ошь нихъ щеславнѣе. — Ахъ! думала она, для чего нѣшъ здѣсь Сенш - Клера;

онъ былъ бы щаспливъ , слыша похвалы своей Амбруазины.

Г Л А В А VIII.

Между тѣмъ какъ щаспливая и любезная Амбруазина снискивала всеобщую любовь при Дворѣ Шотландскомъ , Еленора одна въ своемъ Замкѣ пробѣгала обширныя залы въ волненіи и бѣшенствѣ , которыхъ ничто не могло успокоить. Будучи добычею всѣхъ ненавистныхъ спраспей , которыя не оставляющъ ни минуны спокойствія душѣ , ихъ ощущающей , она лишила бы себя мучительной жизни , есльи бы надежда мщенія ее не поддерживала. Составляя планы , она ихъ отвергала шопчасъ , или по невозможности ихъ исполнить , или пошому , что они приводили ее въ ужасъ ; она не знала , на что рѣшишься , и эта нерѣшимость была прибавленіемъ къ ея мученію. Не имѣя сна ночью и покоя днемъ , она

чрезвычайно похудѣла: щеки ея ввалились, прелесныя формы рукъ ея и стали совершенно исчезли, глаза ея ввали и не имѣли никакого блеску, взоры ея показывали ошчаянiе, румянецъ лица перемѣнился въ смершную блѣдность, уста ея поперяли цвѣтъ свой и улыбка изьявляла горесшь.

Она не могла скрыть опъ самой себя сшоль ужасной перемѣны, и бѣшенство ея сщъ шого умножилось. „Эпо ли, говорила она сама себѣ, проходя передъ зеркаломъ: эпо ли, прекрасная Елеонора? Нѣшь, я не прибавлю къ шоржесшву ихъ своего униженiя! я сама не могу сносить своего виду;“ и закрывши лице руками, она уходила въ самую опдаленную комнату, боясь показываться слугамъ своимъ, копорые не шакъ много любили ея, чшобы сожалѣшь о ней. Одна шолько добрая Марiя ходила къ ней иногда, когда могла осшавляшь свою больную мать, и сама Елеонора разсѣвѣла часшо свое безпокойство въ шшь

просомъ жилищъ. Она думала, дѣлая имъ помощь, укрощать свою совѣсть; но дѣлала это съ гордостью и тщеславіемъ, копорья опнимающъ всю цѣну у благодарнй; и старая Сарра Грантъ говорила своей дочери, что она желала бы имѣть въ чемъ нибудь недоспашокъ, нежели имѣть посѣщеніе отъ гордой Лади.

Они имѣли другое посѣщеніе, которое лучше приняла, и оно принесло имъ удовольствіе. Рандольфъ и Рональдза проѣзжали близъ Роскелина; первый не могъ пропившись желанію посѣпить Марію; онъ предложилъ это своему другу и просилъ его освѣдомиться о ней въ деревнѣ Роскелина, куда не хотѣлъ ѣхать, если ея тамъ нѣтъ. Рональдза спросилъ въ первой жилищѣ объ Маріи Грантъ, бывшей горничной Графини; ему сказали, что она ходила теперь за своею матерью и показали ихъ жилище неподалеку отъ Замка; онъ пошелъ къ своему другу и проводилъ его туда. Рандольфъ тихо по-

стучался въ дверь и съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ узналъ голосъ Маріи, просившей его войши; онъ отворяетъ, и Марія, раздѣляемая между радостію, удивленіемъ и замѣшательствомъ, вскрикнула и испугала мать свою. Сія послѣдняя не могла встать съ большихъ кресель, на которыя упала она въ слабости при крикѣ своей дочери.

„Милая Марія! сказалъ Рандольфъ: не ужели ты не узнаешь своего друга? Чпожъ до него касается, то онъ не забылъ тебя и радуется оянь, увидя тебя. . . . Но не эптоли мать швоя? Бѣдная женщина! я боюсь, не испугали ли мы ее?“

— Добрай Господинъ! сказала Марія — ибо не смѣю болѣе называть васъ другомъ и прошу прощенія: я не знала вашего достоинства; но еспли взяла смѣлость имѣть дружбу, когда я думала, что могу почищать васъ другомъ, то какovy должны бышь мои чувства къ великодушному благодѣтелю! Машушка ско-

ро опомнишься, когда узнаешь, что вы шопъ, о которомъ я ей споль часто говорила. Машушка! сказала она ей подхоя: не бойтесъ; это великодушный Рандольфъ, который былъ такъ добръ ко мнѣ, когда я была у Графини, и который, какъ вы видите, не забылъ бѣдную Марию; я также его не забыла, и узнаю шеперь всѣ его чершы, которые споль живо начертаны въ моей памяти; но онъ сдѣлался такъ великъ, что я сначала не узнала его. —

Старуха открыла глаза и устремилз ихъ на Рандольфа, о которомъ споль часто слыхала опъ своей дочери, и удовольшвіе, видя его, казалось услаждало ея горести. „Благородной молодой человѣкъ! сказала она: давно уже ваше имя произношится и благословляется въ этой жижи въ. Зодопомъ, которое вы дали моей дочери, содержались мы и донынѣ; Мария могла покинуть свою гордую госпожу, помогашъ своей больной матери и не

позволяшь ей имѣть ни въ чемъ недо-
спашка.“

— Благодаря вашимъ милостямъ, я
очень щасливъ, что о мнѣ такъ гово-
рятъ, — сказала Рандольфъ, садясь на
стуль близь ея, а Марія просила садить-
ся Лорда Рональдзу; — но сожалѣю, что
нашелъ себя такъ больною; видъ свой
не показываетъ, чтобы ты была очень
стара. —

„Нѣтъ, нѣтъ! не лѣта дѣлають
меня такъ слабую, добрый Господинъ —
мнѣ шелько сорокъ пять лѣтъ, и долго
еще буду справашь — печаль и испугъ,
которыя я имѣла за двадцать лѣтъ, ко-
гда разбойники похищили моего питомца
Лорда Моншроза, старшаго сына Гра-
фа Роскелина; бѣдное дитя спало у
меня на колѣняхъ въ коляскѣ вдов-
спвующей Лади Роскелинъ, какъ эши
злодѣи ошановили насъ и заспавили ме-
ня опдашь его. Никогда не могла я о
томъ ушѣшишься. Бѣдный малютка! они
вѣрно убили его! Онъ былъ прекрасенъ

какъ Ангель, и молодшой бранъ Маріи. Есшьли бы онъ былъ живъ, по безъ сомнѣнія даль бы ей приданое. Богъ знаетъ; однако же не для эптого я о немъ сожалѣю.“

— Ваша правда, сказала Рандольфъ, взявши ее за руки: я замѣняю его; Марія мнѣ не молочная, но названная сеспра, и подь эптимъ названіемъ я осмѣлился подарить ей свѣтлы, и предлагаю вамъ обвить прѣхать въ Моншею къ машушкѣ, кошорая приметъ васъ какъ друзей. Не вашей ли дочери одолженъ я не шолько жизнию, но пѣмъ, что мнѣ во епо крашъ дороже жизни моего родителя? Здоровой воздухъ въ Моншеѣ и попеченіе машушки и сеспры васъ выльчашъ, и когда найдешся добрый мужъ, то дочь ваша не будетъ имѣшь недоешанка въ приданомъ. —

Старуха Граншъ принялась плакать опъ радости. Марія благодарила покра снѣвъ; попомъ сказала: „Есшьли бы Вилліамъ Ральфъ зналъ, что господинъ

Рандольфъ здѣсь, но скоро пришелъ бы сюда.“

— Вилліамъ! сказалъ Рандольфъ: сынъ доброй Брижешпы! Онъ безъ сомнѣнія у своего дѣдушки; я радъ бы былъ видѣть его; онъ поварищъ моего дѣтства; но я не желалъ бы идти въ Замокъ. —

„Я пойду позову его, сказала Марія: мы скоро будемъ здѣсь; онъ живетъ въ первомъ дворѣ; Лордъ Роскелинъ далъ намъ одну комнату его дѣдушкѣ; онъ бы осердился на меня, если бы не увидѣлъ своего милаго господина Рандольфа,“ и выбѣжала изъ комнаты. Лордъ Рональдъ пошелъ за нею, чтобы видѣть шутъ и помышлять безъ сомнѣнія о своей любезной Машильдѣ въ мѣстѣ ея рожденія. Когда она вышла, то старушка начала рассказывать Рандольфу о любви своей дочери къ Вилліаму. — Отъ него узнали мы, кто вы шаквы; и говоря о васъ хорошее, онъ намъ понравился; они были бы уже обвиняны, ибо и сосѣдъ Ральфъ желаетъ этого; но эти добрыя

дѣши не хопяшъ насъ покинуть, а эпопъ домъ не шакъ великъ, чшобы всѣхъ насъ вмѣспить. —

„Замокъ Моншей довольно великъ, сказалъ Рандольфъ, и“ дверь съ прескомъ опворилась, и Графиня Елеонора вошла, спрашивая, гдѣ была Марія. Лице ея было закрыто большимъ покрываломъ; оно помѣшало ей сначала видѣшь Рандольфа, кошорый узналъ ее по звуку голоса, и желалъ бы бышь далеко опшуда. Онъ опспунилъ на нѣсколько шаговъ, и подошелъ къ окну, надѣясь, что она выйдеть, не нашедши Маріи. — Она скоро возвратишся, Милади, сказала бѣдная старушка: мнѣ очень досадно, Милади; что я не могу подняшъся, чшобы подашъ вамъ кресла; не угодно ли вамъ, Сударь, подашъ спуль?“

Рандольфъ, не могши болѣе скривашъся, хопѣлъ подашъ ей спуль и выдши. „Кшо у тебя здѣсь? сказала она, поднявъ покрывало: Боже! Ран-

дольфъ Моншей! . . .“ и упала безъ памяти къ нему на руки; ибо видя ее падающею, онъ не могъ отказатьсь отъ поданія ей помощи; посадивъ ее на стуль, онъ поддерживалъ ее; тогда только примѣшивъ онъ ея чрезвычайную перемѣну, и сожалѣніе заступило мѣсто ужаса, который она ему внушила въ Замкѣ Уперлонѣ. Онъ почувствовалъ къ ней привязанность по красотѣ ея; теперь онъ былъ пронухъ ея горестнымъ видомъ и перемѣною; онъ удивился, что слезы поехали изъ глазъ его. — Она очень не здорова, сказалъ онъ старушкѣ: давно ли это? Какая ужасная перемѣна! она была такъ прекрасна! —

„Ахъ, очень прекрасна! этого у нее не недоспавало, но все въ свое время. Боже мой! что мы спанемъ дѣлать! я не могу встать съ мѣста.“ Она сказала Рандольфу, въ которомъ шкапу найши уксусъ; онъ далъ ей нюхать его, какъ Марія и Вилліамъ вошли и очень испуга-

лись. Онъ поручилъ имъ Графиню, будучи увѣренъ, что видъ его привелъ ее въ такое соспоянiе, вышелъ и соединился съ Рональдзою въ паркѣ. Вилліамъ побѣжалъ въ Замокъ за людьми Графини и носилками, въ кошорыхъ и вынесли ее спуспя полчаса. Рандольфъ, увидя ихъ прошедшими, возвратился къ Маріи, и нашель ее въ слезахъ. Пришедши въ память, Графиня осыпала ругашельствами и упреками посѣщеніе Рандольфа, и которое было, говорила она, вѣрнымъ знакомъ ихъ связи въ Замкѣ Валлей; Марія была его сообщницею и причиною бѣгства плѣнника; она ушла въ бѣшенствѣ, говоря, что не хочешь болѣе ее видѣшь.

— Я этому радуюсь, сказалъ Рандольфъ: вы поѣдете теперь въ Моншей; я поручаю васъ туда отвезши Вилліаму; больная машъ ваша можешъ ѣхать въ коляскѣ; а вопъ, сказалъ онъ, положивши кошелекъ въ руки, на пушевыя издержки. —

„Какъ вы добры и великодушны!“ сказала Сарра, пожимая ему руки. Въ этомъ движеніи конецъ шарфа Гандольфа повисъ на ручкѣ кресель доброй женщины. „Простите мою смѣлость, сказала она, взявши его: позвольте мнѣ посмотретьъ это шитье?“

— Охошно, отвѣчалъ онъ: это подарокъ и труды сестрицы, которая дороже мнѣ жизни. —

„Такъ это почти то же, сказала она, разсматривая его: вошь золошой орель, вошь прекрасный девизъ, вошь липеры Р. М., это то же самое; прошу васъ, простите мое любопытство; не гербъ ли это Моншея?“

— Такъ; но я также любопытенъ знать, скажите мнѣ, по чему вы это знаете? —

„Я вамъ скажу это, возразила она: я получила въ наслѣдство отъ своей матери прекрасный шелковый плашокъ, шитый золошомъ, такъ какъ вашъ шарфъ: тошъ же орель, девизъ; только вмѣсто

одной литеры рцы было другое мышление; эшошь планокъ достался ей чуднымъ образомъ.“

Любопытство Рандольфа еще болѣе возбудилось. — Покажите мнѣ его, прошу васъ, — сказалъ онъ ей.

„Увы! возразила она: у меня уже нѣтъ его; я имѣла глупость уступить его эшой злой Графинѣ, которая непременно хотѣла имѣть его, когда я рассказала ей, откуда мать моя его получила.“

— И мнѣ также расскажите это. —

„Ожочно. Мать моя была бабкою и жила въ Единбургѣ; мнѣ было двенадцать лѣтъ, и я была съ нею, какъ въ одно утро человекъ, одѣшый по манвросски, пришелъ просить ее помочь женѣ его, жившей въ предмѣстїи; она пошла за нимъ и была введена въ комнату такъ темную, что едва можно было различать предметы; на постелѣ лежала родильница, которая, не смѣря на муки, не произнесла ни слова. Не взирая

на темношубу, мать моя довольно видѣла, что она была не жена мапрроса; онъ даже не входилъ; бѣлье ея было очень спонко; маншилья, бывшая у нее на плечахъ, была изъ бархата, и эшопъ прекрасной платокъ былъ на нее накинущъ. Она родила мальчика, котораго другая женщина, бывшая шупъ и называвшая ее сестрою, пошчасъ унесла, не показавши мапери; мою мапушку выслали и заплашили ей, сказавши, что ее больше не нужно. У ней на головѣ былъ бѣлый шелковый платокъ, которой она положила, пришедши, въ ногахъ постпели. Пришедши домой, она сняла и бросила въ сундукъ. По прошествіи мѣсяца примѣнила свое неумышленное воровство; но не знала имени мапрроса. Вспомнивши его жилище, она хотѣла опнести шуда платокъ; но тамъ никого не было; сосѣди сказали ей, что онъ назывался Мак-Крей и что уѣхалъ съ женою и сыномъ своимъ, не зная въ какое мѣсто. И такъ она опять принесла къ себѣ эшопъ

плашокъ, которой всегда щцательнѣ хранила, думая, что онъ могъ служить къ полезному опкрышю какой нибудь благородной фамиліи. По смерти мапушки я вышла за мужъ за одного челоука изъ этой деревни; онъ умеръ, оставивъ мнѣ Марію, которой не минуло тогда еще и году. Будучи бѣдною и вдовою, я нанялась въ Замокъ Роскелинъ кормилицею маленькому Лорду Монпрозу; однажды я рассказала по довѣренности Графинѣ исторію о плашкѣ; она хопѣла его видѣшь, сказала мнѣ, что знаетъ, чей онъ, и не давала мнѣ покою до шѣхъ поръ, пока я ей его не уступила; часно я объ эшомъ сожалѣла и подумала о немъ, нашедши на вашемъ шарфѣ по же шипье.“

Рандольфъ былъ увѣренъ, что эшопъ плашокъ принадлежалъ вдовствующей Леди Роскелинъ; онъ удивился случаю, или лучше сказать Провидѣію, опкрывающему свѣшу тайны самыя сокровенныя, и думалъ, что эшо было по дока-

зашельство, которое имѣла Елеонора и котораго не хотѣла выпустить изъ рукъ.

Рональда напомнилъ Рандольфу, что уже время было ѣхать; онъ поцѣловалъ добрую кормилицу Лорда Монпроза сполъ нѣжно, какъ бы зная, что она самаго его кормила грудью, и Марію, заставивши и хъ обѣщаться потчасъ ѣхать въ Моншей и рассказать повѣсть о плашкѣ его опцу. „Прощай, милая Марія, сказалъ онъ еще: я надѣюсь скоро найши тебя соединенною бракомъ съ Вилліамомъ возлѣ добрыхъ родителей, съ которыми я радуюсь, что скоро увижусь.“ Сказавши это, они сѣли на лошадей, сопровождаемые благословеніями мащери и слезами дочери; они поскакали, чпобы не потерять времени; въ шопъ же день пріѣхали въ Спирлингъ, гдѣ нашли Сира Александра; опшуда они поѣхали на границу, гдѣ назначено было соединеніе войска.

Г Л А В А IX.

Ненависть Англии къ Шотландіи, возбужденная вновь союзомъ этого Королевства съ Франціею, не ограничивалась въ однихъ угрозахъ, и нападенія со стороны Англии начались жестокимъ образомъ. Несчастный городъ Думфрїи вторично обращенъ въ пепель Графомъ Салкебургскимъ; вскорѣ и Дунбларъ претерпѣлъ равную участь отъ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ Герцога Нортумберландскаго.

Шотландцы въ опмщеніе подъ предводительствомъ Сира Жона Дугласа вшорглись въ Англию, преврапили въ пепель городъ Алавію и раззорили всѣ сосѣдственныя Графства. Новые наборы были необходимы съ обѣихъ сторонъ, почему и заключено краткое перемиріе. Войско Александра Мак-Грегора возвратилось въ Спирлингъ, гдѣ Король Іаковъ имѣлъ пребываніе. Всѣ Вельможи, не

бывшіе въ арміи, соспавляли Дворъ его. Графъ Роскелинъ съ удовольствіемъ видѣлъ возвращеніе Рандольфа; онъ просилъ мать свою оставить Евздаля; и шакъ она и Машильда пріѣхали въ Спирлингъ; Лордъ Жюнь открылъ мапери своей отчасти свое предположеніе, что не было опвергнуто; она хвалила Рандольфа и Сент-Клера и часто говорила о мужешвенномъ молодомъ чловѣкѣ внучкѣ своей. Эпоцъ предметъ разговора, казалось, ей нравился; она радовалась всему, что только говорили о немъ хорошаго, и другъ Лорда Рональдзы казался много ее занимающимъ. Слабое здорье бабушки не позволяло ей являться ко Двору; она не имѣла случая видѣться съ Амбруазиною и Зиною; но Лордъ Рональдза, продолжавшій посѣщать Лади Роскелинъ, наказыль молодымъ особамъ сполько другъ о другѣ хорошаго, что они были расположены любить другъ друга.

Моншей и друзья его еще не возвращались, как въ одно утро весь городъ былъ объятъ уныніемъ; спрѣжа на башняхъ донесла, что войско, казавшееся многочисленнымъ, приближалось быспросъ сѣверной стороны съ высоты башень; оно примѣпно было по блеску оружія: занимали то холмы, то равнины. и казались въ это разстояніе блестящею, движущеюся массою.

Будучи испуганъ этимъ извѣстіемъ, каждый принялъ его по своему характеру. Нѣкоторые взшли на холмы, чинобы своими глазами видѣть опасность; другіе старались скрыть свои драгоценности; храбрѣйшіе обнажили мечи, собрались поснѣшно и приготовились къ оборонѣ; между сими послѣдними были Рандольфъ и Рональдза, которые не понимали спокойствія Сира Александра, обыкновенно споль послѣднаго брашья за оружіе. На этошь разъ онъ оставилъ дѣлашь молодыхъ людей, что хотяшь;

емѣлся ихъ пригошовленіямъ и общему спраху.

„Это страшное войско, говорилъ онъ, еще далеко; наше совершенно готово къ сраженію; позволимъ ему приближиться. Лордъ Рональдза и Рандольфъ уже доказали, что они опытные воины и храбрые Рыцари; пусть они поѣдутъ узнать непріятеля и возвращаясь скажутъ намъ, чего намъ должно бояться и какъ мы должны принять его.“

Король на это согласился, и два друга съ удовольствіемъ поѣхали исполнить это порученіе. Вечеръ уже наступилъ; они могли надѣяться достигнуть прежде наступленія ночи этого войска; но обѣщали поспѣшь возвратиться и знать число и назначеніе этого корпуса войскъ, переговоривши съ начальникомъ онаго.

На другой день рано по утру они возвратились и нашли собранный совѣтъ для принятія ихъ; они вошли шудра, уславши и будучи шокрышы дылю;

прежде нежели они начали говорить, всѣ уже ободрились.

„Я вижу по глазамъ Рандольфа, что мнѣ нечего бояться, сказалъ Король: скажи, сколько человекъ въ эшомъ войскѣ? откуда оно? прошивъ кого? и кшо имъ предводительствуешь?“

— Ваше Величество! возразилъ Рандольфъ съ увѣрительностію: корпусъ состоить изъ шести сотъ человекъ жителей Киншала и Моншея, изъ тысячи жителей сѣверныхъ острововъ; эти два корпуса имѣють предводителями моего родителя и Рыцаря дю-Бурга. Правое крыло состоить изъ пяти сотъ человекъ, изъ помѣшій Росса, и предводительствуется своимъ начальникомъ Сиромъ Жамесомъ. Левое крыло имѣеть по же число, подъ начальствомъ храбраго Аллана Гамилыпона, и аррьергардъ, состояцій изъ шести сотъ человекъ, предводительствуемыхъ брашомъ Сира Александра, доспойнымъ другомъ моею юности, Робершомъ Мак-Грегоромъ. И

такъ , Ваше Величество , вмѣсто того чтобы спрашиваться непріятельской войска , можете считашь при тысячи двѣсти чѣловѣкъ подданныхъ храбрыхъ вѣрныхъ и готовыхъ пролить послѣднюю каплю крови для защищенія своего Короля и ошечества. —

Юный Государь былъ распроганъ до слезъ и не смарался ихъ скрышь. „Говорили ли вы съ ними?“ спросилъ онъ его.

— Такъ , Ваше Величество , лишь только я увидѣлъ ихъ распущенныя знамена , то узналъ ихъ , подѣхалъ къ начальникамъ ; они поручили мнѣ сказашь Вашему Величеству , что они станушь лагеремъ въ большой долинѣ за чешыре мили ошь города , и будушь тамъ ожидашь вашихъ повелѣній. —

„Хорошо , сказалъ Король : я самъ хочу ихъ опвести. Сирь Александръ ! сказалъ онъ , оборопясь къ храброму воину : вы хотѣли пріятно удивить меня ; ибо я думаю , что вы участвовали въ шайнѣ.“

— Такъ, Ваше Величество, для эшо единственно цѣли друзья мои оставил эшоль поспѣшно Дворъ; но даже Гардольфъ не зналъ ихъ намѣренія —

„А Лади Амбрузина знала ли эшо? спросилъ Король.

— Знала, Ваше Величество. Сени Клеръ ничего опъ нее не скрываетъ, въ случаѣ распространенія слуха, что мужъ ея дѣлаешъ наборъ, которымъ бы воспользовались непріятели его, что бы васъ обезпокоишь, она прѣѣхала бы въ Шпирлингъ съ дѣшми своими как аманантъ. —

„Благородная и достойная женщина сказалъ Король: она соединяешъ все что мы читаемъ въ романахъ о героиняхъ. Поѣзжайте, Сиръ Александръ, в домъ ея и спросите ее опъ меня вмстѣ съ дѣшми сопроводивовашъ намъ в посѣщеніи, которое мы хотимъ сдѣлать начальникамъ.“

Почтенный воинъ принялъ эшо порученіе съ удовольствіемъ. Нѣкошоръ

изъ придворныхъ , робкіе или завистливые , хотѣли - было воспрепятствовать Королю ѣхать собственною особою въ лагерь Моншея; но онъ былъ глухъ къ ихъ предсказаніямъ ; и когда извѣстіе пришло , что они расположились въ долину , то собралась блестящая толпа всадниковъ и поѣхали. Лордъ Роскелинъ не могъ въ ней быть ; записка отъ матери увѣдомила его , что пріѣхала Графиня Еленора. Будучи больна шѣломъ и душою , она просила его пріѣхать къ женѣ своей , чтобы поспаяраться ее успокоить ; волненіе душевное заставило ее пріѣхать въ Спирлингъ ; встрѣча съ Рандольфомъ совершенно ее разстроила ; она была увѣрена , что онъ пришелъ сюда нарочно , чтобы скорбить ее , опечалить , можетъ быть , аплѣненіе Моншея ; и преслѣдуемая экою оязнію , она думала быть въ безопасности въ Спирлингѣ ; ея несчастіе хотѣло , чтобы она пріѣхала бытъ свидѣтельницею торжества фамиліи Моншея. Тогда проѣзжала мимо окошекъ вдовству-

ющей Лади Роскелинъ ; и не смотря на бѣшенство, ею обладающее, любопытство превозмогло : она не могла воспретя спивовашь себѣ смолрѣшь на зрѣлище, бывшее для нее совершенною казнію и справедливымъ наказаніемъ. Кровли домовъ въ Спирлингѣ были покрыши народомъ, и улица съ обѣихъ сторонъ была наполнена зрителими ; впереди шествовала стража, чшобы очищашь путь ; за нею военная музыка ; потомъ первые Офицеры Королевскіе предшествовали своему Государю, сидѣвшему на прекрасной лошади, имѣя Лади Амбруазину по правую, а Лади Зину по лѣвую сторону ; за ними Рандольфъ между своими братьями Жамесомъ и Сенш-Клеромъ ; потомъ Сиръ Александръ и Лордъ Рональдза, и наконецъ всѣ придворные Вельможи и многочисленная свита.

Эпо дѣйствіе имѣло различныя дѣйствія надъ Роскелинами. Графъ смолрѣлъ молча съ чувствомъ зависти, но думая о средствахъ сдѣлать примире-

ніе между имъ и фамилією Моншея и заключишь бракъ, долженствующій возстановишь его фамилію.

Мать его, вопреки самой себѣ, чувствовала гордость, видя славу своихъ попомковъ, и съ эпой можетъ бышь минушы намѣреніе признашь ихъ было рѣшено въ ея сердцѣ. Чшожь касается до Графини, по никакой языкъ не можетъ выразишь всего ея бѣшенства. Она желала бы имѣшь силу испребишь однимъ взглядомъ все поколѣніе Моншеевъ, и опскочивши опъ окна, съ движеніемъ ужаса она сѣла посреди залы, чшобы не видѣшь по крайней мѣрѣ зрѣлица, копорое гордость и безпорядочныя спраспи сердца дѣлали для нее несноснымъ.

Невинная и чувствительная Машильда также имѣла свою тайну. Сначала она видѣла только Рональдза, однакожь попомъ поражена была красою Амбрузины и Зины. „О, какія прекрасныя женщины! сказала она: посмотрите, по“

омотрите, какъ Король улыбається, смотря на нихъ! какъ онъ говоритъ съ нами! Я этому не удивляюсь; еспьли бы я была на его мѣстѣ, то спдала бы мою руку, сердце и корону эшой прекрасной молодой дѣвицѣ!“

— Нещаспная! закричала Графиня съ яростію: какъ ты смѣешь такъ говорить объ эшой ненавистной фамиліи! Я проклинаю ихъ всѣхъ и себя съ ними, еспьли ты не спанешь со мною вмѣстѣ проклиная ихъ. —

Машильда запрепешала, сложа руки и молча подняла глаза. „О чемъ ты думаешь, Елена? сказала Лордъ Роскелинъ: ты забываешься; въ Машильдины ли лѣша знать ненависть.“

— Очень хорошо, Милордъ; унижайся также и ты предъ новыми любимцами; соединишь съ эшой безумною, дабы желашь, чшобы дочь твоего непріателя сдѣлалась твоею Государынею. —

„Эшо дѣшское желаніе, сказала Графъ: Король женился на Гелдернской

Принцессѣ ; а дочь Монпея должна выйти за-мужь за друга брата ея Лорда Рональдзу.“ Бѣдная Машильда ! она такъ поблѣднѣла , что отецъ ея подумалъ , что грубыя слова ея матери произвели это дѣйствіе , приказалъ ей уйти въ свою комнату , чему она съ удовольствіемъ повиновалась.

— Недостаешь только, сказала Елеонора съ горькою насмѣшкою : отдашь свою единственную дочь за этого Рандольфа , незаконнаго сына Сенш - Клера ; и я не сомнѣваюсь , чтобы ты не имѣла подлости имѣшь это намѣреніе. —

Графъ покраснѣлъ , и сказалъ съ довольнымъ спокойствіемъ : „Если угодно Небу , чтобы это былъ храбрый юноша , или сдѣлался моимъ сыномъ , его мужество прославило бы даже имя Роскелина.“

Елеонора съ бѣшенствомъ топнула ногою. — Лучше бы , сказала она : чтобы я умерла въ эту минуту , когда приняла это ненавистное имя , или когда

сдѣлалась женою человѣка столь подлаго, чтобы имѣть подобное желаніе. —

„Сударыня! сказала тогда вдовствующая Лади Роскелинъ съ важностію: подумайте, что онъ вашъ супругъ, что онъ сынъ мой, и почишайте человѣка священнаго вашего выбора.“

— Я выбрала, Сударыня, вашего старшаго сына, а не младшаго; ваши обманы, ваше коварство вовлекли меня въ эту погибель. . . . —

„Ты лучше сдѣлаешь, Елена, если уйдешь въ свою комнату, сказала Роскелинъ: шы виѣ себя; уединеніе и спокойствіе упишишь швой духъ. Поди, я тебя опведу шуда.“ Она опшолкнула его съ гнѣвомъ и презрѣніемъ.

— Вопъ слѣдствіе вашей слабости, сынъ мой, сказала вдовствующая Лади Роскелинъ: заспавыше хошя одинъ разъ почишанъ себя и машь свою; покажите этой женщиѣ. . . . —

„Прошу васъ, машушка, сказала Графъ: не умножайте своей горести

Елеонора больна, вы сами не здоровы, и это можешъ бышь вредно вамъ обѣимъ.“
Лади Роскелинъ замолчала, приложивъ руку къ головѣ.

— Еспъли у васъ болишь голова, сказала ей ея невѣспка спокойнѣйшимъ голосомъ, но съ дьявольскою улыбкою: то мы можемъ подвязашъ ее довольно любопытнымъ плашкомъ, кошорый имѣю и кошорый приведетъ васъ въ память; онъ шелковый бѣлый, съ пурпуровыми краями, съ гербомъ и девизомъ Моншевъ, и замѣченъ двойнымъ мыслешемъ. Я получила его ошъ одной повивальной бабки, кошорая принимала у Каши Мак-Крей, или шой, кошорая ее представляла, когда Сенш-Клеръ произошелъ на свѣшъ. —

Лади Роскелинъ шакъ была поражена этими неожиданными словами, что ничего не могла ошвѣчашъ. Не смопря на шолько протекшихъ лѣтъ, она вспомнила о пошерѣ этого плашка и безпокой-

ствѣ, которое она отъ него имѣла. Въ сію минушу это открытіе не такъ ей было стыжительно; но приведенная въ негодование дерзостью своей невѣстки, она оборотилась къ своему сыну и сказала ему: „Ваша правда; Роскельнъ! жена ваша очень больна, она бредитъ; позовите Лѣкаря, я хочу оставить ее въ покоѣ.“ Она вышла, и несчастный Графъ, попробовавши, но тщетно, успокоить бѣдную Елеонору, также вышелъ, пославши къ ней служанокъ. Удручаемая собственною жестокостью и бореніемъ страстей, она получила конвульсіи и пошомъ обморокъ.

Лишь только Машильда узнала ея состояніе, то ничто не могло воспрепятствовать ей идти туда и подавать ей помощь. Елеонора, казалось, была этимъ пронута, и поспешенно успокоилась; но не хотѣла согласиться лечь въ постель, или пойти въ свою комнату.

Король и его свита приближались уже, какъ за милою отъ лагеря они при-

мѣпили пѣшь человѣкъ верховыхъ, копорые къ нимъ подѣвжали и копорыхъ они скоро узнали; они были: Моншей, Россъ, дю-Бургъ, Гамильшонъ и Мак-Грегоръ, безъ всякой свипы.

Подѣхавши къ Королю, они сошли съ лошадей и съ почщеніемъ поклонились Государю.

„Добро пожаловать, сказалъ онъ имъ: но для чего вы насъ не подождали; мы ѣдемъ къ вамъ въ лагерь.“

— Ваше Величество! сказалъ Моншей: мы узнали съ живѣйшею благодарностію честь, копорую вы хоупѣли намъ сдѣлать; но боясь, что эта благосклонность Вашего Величества не всѣми одобряется, и чтобы не было сомнѣній о нашей вѣрности, мы рѣшились опшратить всѣ подозрѣнія, сами предавшись во власть вашу. —

„Храбрые Начальники! возразилъ Король: эшошъ поступокъ и всѣ ваши дѣйствія приводятъ васъ въ безопасность ошъ клеветы. По истинѣ, не очень ве-

село будетъ тѣмъ, которые захопятъ повредитъ вамъ: я полагаю на васъ всю мою довѣренность и самъ предаюсь въ вашу; проводите меня въ лагерь.“

Моншей и друзья его поклонились, и сѣвши на лошадей, поѣхали въ лагерь, гдѣ были приняты съ повсоряющимися восклицаніями: „Да здравствуйтъ Іаковъ II! да погибнутъ враги его и Шотландіи! да здравствуютъ наши храбрые Начальники! Предводителъствуйтъ мые ими, мы хотимъ побѣдить, или умереть!“

Король прохаживался по всему лагерю, засвидѣтельствовалъ свою благодарность всѣмъ этимъ храбымъ защитникамъ, и далъ повелѣнія, чшобы они были снабжены на его счетъ всѣмъ, чего только недоставало имъ въ аммуниціи, оружіи и одеждѣ.

Проведши тамъ нѣсколько часовъ, Король и его свита возвратились въ Спидлингъ. Моншей, сдавшій главное начальство до завтра дю-Бургу, провожалъ

свою фамилію и Короля. Они опять проѣзжали мимо оконъ вдовствующей Лади Роскелинъ, и Елеонора еще хошѣла, такъ сказать, усилить свою ненависть и бѣшенство, смотря на нихъ, не взирая на прозѣбы своего мужа и дочери. Порядокъ мѣстивія перемѣнился: Король былъ между Сиромъ Александромъ и Рандольфомъ; за ними слѣдовали Амбруазина, Моншей, а по сторонамъ ихъ сыновья. Зрѣлице ихъ взаимной любви, видимое въ ихъ взорахъ и эшомъ прекрасномъ семействѣ, копорымъ они были окружены, поразили сердце несчастной Елеоноры гораздо болѣе, нежели когда ея соперница была возлѣ Короля. Сердце невинной Машильды шакже получило чувствительный ударъ: за Амбруазиною и Моншей ѣхали Зина и Лордъ Рональда. Сей послѣдній поднялъ голову, проѣзжая мимо оконъ; но Машильда эшого не видела: она опошла съ глубокимъ вздохомъ.

Графиня смотрѣла съ глубочайшимъ молчаніемъ; когда они проѣхали, она

вспала, и оборотясь къ своему мужу, „Милордъ! сказала она ему: я шеперь же хочу ѣхать въ Роскелинъ; я не могу больше дышать тѣмъ воздухомъ, кошорымъ дышетъ эша гордая фамилія.“

Машильда подошла. — Позволили вы мнѣ, машушка, ѣхать съ вами? Вы нездоровы; я не могу васъ оставишь. Бапюшка! прошу вашего на то согласія. — Лордъ Роскелинъ такъ былъ обрадованъ намѣреніемъ своей жены, что не сдѣлалъ ни малѣйшаго возраженія; онъ боялся ежеминутно какой нибудь новой сцены съ своею матерью и пошелъ уведомишь ее о разлукѣ на нѣкошорое время съ ея внучкою. Она не такъ была къ тому чувствительна, какъ онъ боялся; однако же, спрашась за милую свою Машильду жестокости ея матери, она упростила сына своего слѣдовать за ними въ Роскелинъ, чтобы защищать ее и возвратишь къ ней, ешлы она „будетъ несчастна. Онъ согласился и приказалъ все пригото- вишь къ отъѣзду.

Елеонора казалась удивленною его намѣреніемъ за нею слѣдовать; но не имѣя ни права, ни власпи въ томъ ему воспретяшествовать, она принуждена была уступить. Машильда проспилась съ своею бабушкою, и сядясь на лошадь, она удалилась отъ Сиирлинга и Лорда Рональда за съ швердымъ намѣреніемъ постараться забыть его.

Вдовствующая Лади Роскелинъ не огорчилась, оставаясь одна; она имѣла нужду подумать о своемъ насюящемъ положеніи и намѣреніи, которое ежеминутно укрѣплялось — признашь публично своего старшаго сына Сенш-Клера Монтея, и старалась удалить Лорда Жона, которой заставлялъ ее еще колебаться, опняшь ли у него все права рожденія, коими онъ обладалъ уже споль долгое время. Но она была приведена въ негодование слабостию его къ женѣ своей, и шѣмъ, что онъ принудилъ замолчать мать свою во время ихъ утренней ссоры. Гнѣвъ ея прошивъ не-

вѣспки также заставлялъ ее найти удовольствіе въ томъ , чѣмъ ее унижалъ , опивши у нее однимъ словомъ ея шипла и богатство , кѣими она столько щеславилась. Она помышляетъ , думала Лади Роскелинъ , удержишь меня въ боязни и почтеніи эшимъ плашкомъ , о которомъ она мнѣ говорила и которой былъ противъ меня доказательствомъ ; лучше мнѣ самой тысячу разъ обвинишь себя , нежели бышь обвиненною ею. Жребій рѣшенъ ; уже время поправить заблужденіе , которое сдѣлало меня очень виновною , вознаградишь добродѣтели Сент-Клера и накажешь Жона за его презрительную слабость , а гордую жену его за ея дерзость ; одна только Машильда прогала ее , хотя характеры ихъ никакого не имѣли сходства. Кротость , набожность , истинная чувствительность этой молодой особы нечувствительно укрепили жестокость ея бабушки и снискали всю привязанность для одной Машильды ; она бы еще опложила свое признаніе , но

въ ея власти было вознаградишь ее богатствомъ, котораго она хотѣла лишиться ея; и тѣснѣли предпріятіе брака съ Рандольфомъ могло совершиться, по она ничего не теряла.

Различіе фамилій Роскелина и Сент-Клера заставило ее рѣшиться. Сей послѣдній мужественный, всѣми вообще почитаемый и споль нѣжно любимый всѣми своими друзьями, которые взирали на него какъ на существо высшее; жена, обожаемая своимъ мужемъ, заставляющая всѣхъ себѣ удивляться и споль превосходящая всѣхъ другихъ женщинъ; эпомъ первенецъ, уже покрытый славою, избавитель своего Государя и надежда своего опечесства; юный Жамесъ, подобіе отца своего, который горѣлъ желаніемъ шесшвовать по его слѣдамъ; эпомъ милый маленькой Сент-Клеръ, которой такъ походилъ на самое ея, что она была эшимъ поражена, когда видѣла его проѣзжающимъ; прекрасная Зина, которая была знавшѣйшею

невѣстою въ Королевствѣ: — эпа картина безпреспанно представлялась глазамъ ея и давала ей мужество и силу, въ коихъ она имѣла нужду, чшобы признашь свои слабости; ночью даже самыя сны способствовали къ ушверженію ея намѣренія: она видѣла по своего мужа, по брата, укоряющихъ, что колебалась идти къ подножію престола; иногда видѣла она все семейство Сент - Клера въ видѣ Ангеловъ, провожающихъ ее въ небесное жилище; она проснулась болѣе спокойною и расположенною къ этому тягостному признанію, которое она рѣшилась не оплагать болѣе въ продолженіе отсутствія Лорда Жона и Машильды.

Г Л А В А X.

Войско Моншея, отдохнувь нѣсколь-ко дней, пригошовилось къ походу на границу. Тайный совѣтъ собирался ежедневно, чшобы расположишь дѣйсствія

этой кампаніи; и Король скоро узналъ, что новые друзья будущь ему полезны нѣкогда въ правленіи Государства, какъ теперь были полезны къ защищенію его.

Передь самымъ походомъ Король, бывши въ кабинетѣ съ однимъ только Канцлеромъ, былъ увѣдомленъ однимъ изъ шѣлохранищелей, что одна женщина въ глубокомъ праурѣ, съ благородною осанкою, но лице коей закрыто было частымъ покрываломъ, просила позволенія бытъ къ нему представленною. Король приказалъ ввести ее; выслалъ своего Канцлера, попросилъ сѣсть эту женщину, кошорая, казалось, была опляч-наго достоинства и чрезвычайно препенала. Онъ ожидалъ, чтобы она начала говорить; но въ продолженіе нѣсколькихъ минушъ слышалъ только вздохи. Упомленный этою нѣмою сценою, онъ просилъ увѣдомишь его о дѣлѣ, кошорое заставило ее желашъ говорить съ нимъ особенно.

„Ваше Величество! сказала она удивляющимъ голосомъ, кошорый, казалось удивилъ Короля: я пришла открышь вамъ то, что вмѣстѣ составляетъ мое поношеніе и славу обвинишь себя въ непроспипельномъ просшупкѣ, въ коемъ одни только угрызенія моей совѣспи зашавляющъ меня признашься.“

— Сударыня! сказалъ ей Король: вашъ голосъ мнѣ знакомъ; однакожь я не вѣрю своему слуху; онъ безъ сомнѣнія меня обманываетъ; прошу васъ позволить увидѣшь мнѣ ваше лице! —

„Ваше Величество! я уже къ тому приготовилась, и вы будете удовольствованы. Спрахъ, сужденія свѣта, непреодолимая гордость, жаркое желаніе бышь почишаемою образцомъ женщинъ, догрузили меня въ преступленіе и зашавили меня опринуть гласъ природы; съ того времени ни одну минушу не вкушала я щасстья; но естли я хочу надѣяшься получитьъ его въ другой жизни и спа-

сти душу мою отъ вѣчной погибели
по время уже мнѣ раскаясь и попра-
вить мое заблужденіе Вы не обманулис
Ваше Величество, думая слышать голос
Маріанны Роскелинъ. Такъ, это я, ска-
зала она, опкинувъ свое покрывало : я
пришла къ стопамъ своего Государя сдѣ-
лать признаніе въ преспуупленіи, скры-
ваемомъ съ толикимъ трудомъ въ продол-
женіи сорока пяти лѣтъ. Избавьше ме-
ня, Ваше Величество, отъ подробностей
но я клянусь предъ Богомъ, Коего я ос-
корбляла споль долгое время своимъ мол-
чаніемъ, и милосердія Коего я осмѣлива-
юсь еще испрашивать, что Сент-Клеръ
Моншей сынъ мой и покойнаго Лорда Ро-
скелина. Въ одну минушу слабосши я ему
позволила воспользоваться правами су-
пруга предъ нашимъ бракомъ. Онъ при-
нужденъ былъ оставить меня, ѣхать въ
Францію; отсутствіе его продлилось,
я не могла снести спыла быть матерью,
не бывши женою. Чтобы скрыть это
отъ всего свѣща, я отвергла моего пер-

венца, опдалаила его опъ себя, подвергла его подлости рабскаго состоянiя, сказавши Лорду Роскелину, что онъ умеръ опъ рожденiя, и никогда я не могла приняшь на себя опмѣнить эптошь обманъ. Я слишкомъ была увѣрена, что его родишельскiя чувства заставляють его признашь въ слабости, копорую спрогосшь моихъ правилъ и слава о добродѣтели дѣлали во мнѣ болѣе осужденiя доспойною, нежели во всякой другой женщицѣ. Если бы я не имѣла другихъ сыновей, то можетъ бышь имѣла бы мужество признашь эптого; но Лордъ Жонъ имѣлъ всю мою нѣжностъ, и я не могла донынѣ рѣшишь лишить его наслѣдства для сына, коего преждевременное рожденiе покрывало меня стыдомъ.“

— Мнѣ рассказывали эпу испорiю, сказалъ Король: но признаюсь, что безъ вашего объявленiя я съ трудомъ могъ шому повѣришь. Моншей носить пишла благородства своего въ сердцѣ, и для меня онъ не имѣлъ нужды бышь чѣмъ-

либо другимъ, какъ только храбрѣйшимъ, и наилучшимъ изъ моихъ подданныхъ, и опцемъ Рандольфа; но я радуюсь, что вы сами собою рѣшились вознаградишь зло, которое вы ему причинили. —

„Увы, Ваше Величество! вознагражденіе невозможно! Я была мучительницею жизни его и никогда не осмѣлюсь на него смотрѣть; я лишила его права спаршинства и безъ достойнаго моего брата, коего Небо послало къ нему на помощь, наследникъ Роскелиновъ безъ всякаго воспитанія былъ бы рыбакомъ въ Левсѣ; я не переславала гнать его; я лишила его женщины, которую онъ полюбилъ, чтобы отдать ее его брату; но и шущъ еще Небо покровительствовало ему противъ его матери: я избавила его Фуріи, а онъ нашель Ангела. Не будучи довольна тѣмъ, что опняла у него имѣніе Роскелиновъ, принадлежавшее ему по праву рожденія, я оспорила у него полученное имъ отъ дяди, моего достойнаго брата, и опняла его для шого, чтобы опянь отдать

его брата; наконецъ я преслѣдовала его съ жестокостію въ присутствіи Короля, вашего Родителя, который изгналъ его въ Гебридскіе острова, вовлекши друзей въ его несчастіе. Безъ своего сына онъ былъ бы намъ и теперь; наилучшій защитникъ вашего престола жилъ бы и умеръ въ неизвѣстности и изгнаніи. Ахъ, Ваше Величество! думаете ли вы, чтобы такія преступленія могли быть прощены? Это было бы усиліе выше человѣчества; и я не надѣюсь получить никакого прощенья, кромѣ Божьяго, который знаете мое раскаяніе.“

— Монсей имѣетъ благородный характеръ, Милади, и я не думаю, чтобы онъ былъ мститель. —

„Ахъ, Ваше Величество! не все еще знаете! Лишенный имѣнія, оставленнаго ему дядею, заключенный на островѣ, онъ долженъ былъ по крайней мѣрѣ считать себя въ безопасности; но моя невѣстка, не знаю подь какимъ предлогомъ, нашла средство схватить его и

держашь плѣнникомъ въ своемъ Замкѣ. — Но благодареніе Небу и сыну его Рандольфу, онъ бѣжалъ и предупредилъ ударъ, который палъ бы на мою голову; жизнь его была пощажена, и я вижу его окруженнаго дѣтьми прекрасными и мужественными, между шѣмъ какъ мой второй сынъ имѣеть только одну дочь, которая не можетъ возстановить его имени и благородной фамиліи.“

Король пошчасъ понялъ, что гордость Роскелиновъ, такъ какъ и раскаяніе, учаспвовали въ признаніи Графини, — Милади! сказалъ онъ: должно оказашь правосудіе; Моншей и друзья его ѣдутъ завтра по ушпру; я провожу ихъ до Эдинбурга; они предполагають пребыть шамъ нѣскольکو дней, и шамъ мы кончимъ эшо дѣло. Я ошвѣчаю за его почтеніе къ вамъ; но шребую вашего присущспвія. Естѣ средства согласить пользы обѣихъ вашихъ сыновей. Естѣли на примѣръ Лади Мамильда выйдешь за-мужъ за друга

моего Рандольфа, хотя она и двоюродная сестра ему, но легко испросишь разрѣшенія. —

„Само Небо внушило эту мысль Вашему Величеству; эшотъ бракъ будетъ предметомъ моихъ желаній; одобряемъ же Вашимъ Величествомъ, онъ не можетъ имѣть никакихъ препятствій.“

— Я едѣлаю все, что будетъ отъ меня зависѣть, сказалъ Король: но не первый разъ довольно вашего присутствія въ Эдинбургѣ. Теперь, Милади, изволите выйши, укрѣпите духъ свой; никогда не бываетъ поздно дѣлать добро; чрезъ три дни мы увидимся въ Эдинбургѣ. Дайте царское слово, что все будетъ по вашему желанію. —

„Я буду тамъ, сказала Лади Роскеллинь, поклонившись: и чувствую себя уже гораздо спокойнѣе.“ Она встала вышла.

По благоразумію, превосходящему его лѣта, Король не говорилъ ничего общаго ни Моншею, ни кому. Они вы

вхали на другой день, и прїѣхавши въ Столицу, Король разсудилъ, не теряя времени, устроишь это дѣло; Лади Амбруазина съ дѣшми пажке провожала своего супруга до Эдинбурга; опшуда она хотѣла возвратишь въ Замокъ Моншей съ дочерью и младшимъ своимъ сыномъ; Жамесъ испросилъ позволенія слѣдовать за опцемъ своимъ.

На другой день послѣ ихъ прїѣзда посланный опъ Короля былъ опправленъ въ Замокъ Роскелинъ, съ приказаніемъ Графу, Графинѣ и Лади Машильдѣ прїѣхашъ въ Эдинбургъ въ Королевскій Дворецъ для нужнѣйшаго дѣла.

Вдовствующая Лади Роскелинъ уже прїѣхала; Моншей, Амбруазина, Рандольфъ и Зина пажке были приглашены; никто изъ обѣихъ фамилій не имѣлъ ни малѣйшей догадки о причинѣ этого собранія, исключая Лади Роскелинъ; она шренешала, но не опказывалась.

Всѣ повиновались приказанію Графини Елеоноры, удерживаемой въ своей по-

стелъ нервическою лихорадкою, слѣдствіемъ ея бѣшенства; надлежало быть Королевскому приказанію, чшобы заставить Машильду рѣшиться ее оставить. Моншей и фамилія его пріѣхали первые; они нашли въ большой дворцовой залѣ Короля, Канцлера и трехъ главныхъ судей Королевства; но на это время не получили никакого изъясненія. За ними пріѣхала Лади Роскелинъ въ глубокомъ траурѣ, которая очень удивила фамилію Моншея, шакъ какъ и видъ Короля, который, подошедши къ ней, взялъ ее за руку и посадилъ возлѣ себя. Они боялись, чшобы она какими ухищреніями не нашла оцашь способа ихъ оклеветашь.

Наконецъ показали послѣдніе, Лордъ Роскелинъ и дочь его; первый зашрепешаль, видя это собраніе; но опомнившись, онъ подошелъ и принесъ Королю извиненіе отъ Графини, которую болѣзнь не допустила пріѣхашь. Потомъ воспослѣдовало глубокое молчаніе, наполнив-

шее всёхъ ихъ невольнымъ ужасомъ ; наконецъ Король прервалъ его.

„Благородные друзья мои ! сказалъ онъ , вспавши : мы имѣемъ разсуждать о важномъ дѣлѣ , которое не потребуешь другихъ свидѣтелей , кромѣ тѣхъ , которые въ немъ участвуютъ , и нѣсколькихъ особъ , знающихъ законы своего общества , у коихъ мы спросимъ мнѣнія о семъ . Мое почтеніе къ знаменитому дому Роскелиновъ велико , а благодарность моя къ Моншею и сыну его Рандольфу безпредѣльна ; и такъ я надѣюсь въ этомъ дѣлѣ бытъ совершенно безпристрастнымъ .

„Вдовствующая Лади Роскелинъ , предстоящая здѣсь , почтенная лѣшамъ и раскаяніемъ , желаетъ передъ своею смертію оказатъ справедливость и правосудіе ; и такъ она объявляетъ предъ Богомъ , Коего беретъ въ свидѣтели въ истиннѣ своего объявленія , что Сени-Клеръ , извѣстный прежде подъ именемъ Мак-Крея , и потомъ подъ именемъ Моншея , есть старшій сынъ ея и покойнаго Гра-

фа Роскелина, ея супруга; что опъ стыда, и чпобы сохранишь славу своей добродѣтели, она позволила себѣ скрыть его рожденіе, въ чемъ и просить прощенія у Бога, въ память покойнаго ея супруга, у этого отвергнутаго сына и даже у того, котораго она привела въ заблужденіе. Мнѣ кажется, благородные Лорды, что свидѣтельство мащери въ такомъ случаѣ не можешь быть подвержено ни малѣйшему сомнѣнію; ея признаніе было предшествуемо, сказывали мнѣ, признаніемъ повѣренныхъ ея и сообщниковъ, коимъ ввѣрено было дитя. Говорите, Лади Роскелинъ, подтвердите или опречитесь отъ того, что я сказала.“

Лади Роскелинъ вспала, подняла свое покрывало и съ пошупленными взорами, но швердымъ голосомъ, сказала, положивши руку на Распятіе, которое она принесла :

— Ваше Величество сказали правду: Сенш-Клеръ есть первый сынъ мой и Лорда Графа Роскелина и наслѣдникъ все-

го его имѣнія по законамъ моего отечества. —

Что можешь описать дѣйствіе этихъ словъ надъ тѣми, которые ихъ слышали! Лордъ Жонъ сначала казался смущеннымъ, такъ что не могъ произнести ни одного слова. Монцей вскричалъ: — „О, мапушка! и такъ я могу произнести это имя!“ Онъ подошелъ на нѣсколько шаговъ и сказалъ съ благородствомъ: „Какое благополучіе ощущаешь мое сердце, найдши мать! Будучи столь долгое время лишень ея, я досажую, что Ваше Величество были обезпокоены этимъ предметомъ; я не имѣю никакого сомнѣнія, чтобы я не былъ сыномъ Графа Роскелина; но мой великодушный дядя, управляемый Небомъ, извелъ меня изъ неизвѣстности, къ которой я былъ осужденъ, и далъ мнѣ имя драгоцѣннѣйшее для моего сердца, признаюсь въ томъ, нежели то, которое природа назначила мнѣ носить, имя знаменитое его добродѣтелями, которое производишь

во мнѣ мужество имъ подражашь и котораго я не покину во всю мою жизнь. И такъ милоспи моего дяди и, смѣю съ гордостію сказать, любовь наследница Киншала сдѣлали меня богатымъ выше моего желанія; я имѣю большое помѣстье въ Моншеъ, еще большее въ Киншалѣ, имѣю крестьянъ; вы ихъ видите, Ваше Величество, гошовыми умереть за своего начальника, а наипаче за Государя; имѣю жену и дѣшей выше всего, что я могу шолько объ этомъ сказать; чего же мнѣ оспается болѣе желать? Любовь моей машери, естли сердце ея даетъ мнѣ имя сына, то я ничего болѣе не желаю. Оставьте Лорду Роскелину его шипла и имѣнія; я ихъ не пребую, и никшо не имѣеть права войши въ наши семейственныя распоряженія. И такъ я объявляю за себя и дѣшей своихъ, что навсегда опказываюсь опъ шипловъ, имени и богатства фамиліи Роскелиновъ, и что гошовъ подписашь это оприцаніе. Лордъ Жонъ Роскелинъ можетъ еще

имѣшь сына, которъй прославишь его имя и наслѣдника своего имѣнія.“

— Никогда, никогда! сказала Лордъ Роскелинъ. Небо наказало меня. Оно поразило въ помъ, что у меня было драгоценнѣйшаго. Великодушный Сент-Клеръ! я не смѣю сказать братъ мой; вашъ поступокъ покрываетъ насъ стыдомъ; возьми же, что принадлежишь вамъ по праву, и оставь же меня жить въ неизвѣстности. —

Моншей бросился въ его объятія. Братецъ! сказала онъ ему: забудемъ прошедшее; я не могу на себя пожаловаться; ты долженъ былъ почищать меня за обманщика; горе сыну, которъй безъ досповѣрнѣйшихъ доказательствъ осмѣлился бы подозрѣвать мать свою!“

Вдовствующая Лади Роскелинъ чувствовала себя готовою упасть въ обморокъ. — Сынъ мой Сент-Клеръ! сказала она шепчущимъ голосомъ: не оставь же меня умереть безъ твоего прощенія... — Она не успѣла кончить, какъ онъ уже

быль у ногъ ея. „О, матушка ! сказала онъ : эшо прощеніе , клянусь вамъ , предшествовало вашему признанію ; простите меня также въ невольныхъ дерзостяхъ , въ кои вовлекла меня безразсудная пылкость юности ; я не долженъ былъ забывать , что вы мать моя , и достоинъ за эшо упрековъ.“

— Ваша правда , Ваше Величество , сказала она ободрившись : мой сынъ въ самомъ дѣлѣ благороденъ и добродѣтеленъ , и обнявши его , сынъ мой ! сказала она : прими мой первый поцѣлуй , первое мое благословеніе ! да пребудешь оно на главѣ твоей , и да простятся пресупленія твоей матери ! Ужасъ , который преслѣдовалъ меня безпрестанно , кажется теперь удаляющимся отъ меня ; уже сердце и душа моя успокоились ! Подведи ко мнѣ твою супругу , дѣшею твоихъ . О , какъ я радуюсь , что окружена твоею , моею фамилією ! —

Амбруазина встала и упала къ ногамъ ея , шакъ какъ Рандольфъ , Зина ,

Жамесь и Сенш-Клеръ; Лади Роскелинъ поцѣловала ихъ всѣхъ, одного послѣ другаго, съ маперинскимъ чувствомъ. — Запущенныя вѣтви прекраснаго дерева! сказала она: да возможете вы произрастать, распространить свои вѣтви и возвратишь славу имени, которое одни только мои пресупленія обезславили, и которое добродѣтели ваши возснаномятъ! Вы возрасти въ пущыни, но тѣмъ не менѣе достойны блистать въ жилищахъ вашихъ предковъ. Сенш-Клеръ! сказала она, оборотясь къ нему: я одобряю и благодарю себя, что ты оставляешь младшему своему брату имѣние, которымъ онъ владѣлъ осьмь моихъ обмановъ ошоль долгое время; но здѣсь, въ присутствіи Короля, я прошу, хотя ты и отказался осьмь имени и богатства Роскелиновъ, ешлы сынъ мой Жонъ умретъ безъ наследника, то какъ то, такъ и другое возвращается къ тебѣ и къ твоимъ дѣтямъ, какъ къ законнымъ наследникамъ. Надобно, чшобъ ты шеперь согласился и подписалъ эшо; ибо я

увѣрена, что сынъ свой никогда не захочетъ принять ихъ безъ своего согласія. — Сент-Клеръ, взявъ тогда Рандольфа за руку, подошелъ къ своему брату; уста его отворились, и онъ хотѣлъ произнести: *вотъ сынъ твой, твой наследникъ*, котораго я тебѣ возвращаю! Сердце Амбруазины крѣпко билось; но, къ величайшему ея удивленію, мужъ ея, казалось, былъ пораженъ мыслию, которая заставила его поблѣднѣть и перемѣнить свое намѣреніе. „Я повпоряю, сказалъ онъ, что для себя и для дѣтей моихъ я навсегда отказываюсь отъ имѣнія Роскелиновъ, и беру свидѣтелемъ этой порже-спвенной клятвы Рандольфа; но уже время, прибавилъ онъ: намъ пора ѣхать, и семейственные дѣла должны быть оставлены для пользы отечества. — Братецъ! благословите этого молодого человека, сказалъ онъ, представляя ему Рандольфа: онъ хочетъ подвергнуться опасностямъ сраженій; кто знаетъ, увидимся ли мы опять въ этомъ мірѣ? Ранд-

дольфъ ! обoими моего брата, -и почитай его вшорымъ опцемъ. — Лордъ Жонъ видѣль въ эсихъ словахъ исполненія своего желанія ; онъ обняль Рандольфа , сказавши смущеннымъ голосомъ : „Я благословляю швоего сына ; да сдѣлаешся онъ также и моимъ по своемъ возвращеніи ! да сохранишь его Небо и возвратишь къ намъ!“

— Такъ! сказалъ Король: по возвращеніи опшуда все успроинся ; союзъ между обѣими фамиліями , сказалъ онъ , смотри на Машиледу и Рандольфа , мнѣ кажется лучшимъ средствомъ. Чшо вы объ эшомъ думаете , Лордъ Роскелинъ ? а вы , мой храбрый другъ ? —

„Давно уже сердце мое эшого желаетъ ,“ сказалъ Графъ.

— Ваше Величество ! сказалъ Моншей : въ свободное мирное время мы спанемъ говорить о бракѣ ; а шеперь , прошу васъ , не ослабляйте мужества Рандольфа мыслями о любви. —

„И такъ мы подождемъ шого времени, когда будемъ въ соспоянїи соединить миршты съ лаврами, сказалъ Король: подите, Лади Роскелинъ, ободритесь; все сдѣлается по вашему желанію; вы увидите себя возрожденною въ вашихъ внукахъ; не смущайтесь болѣе; вы должны еще гордиться, давши жизнь Герою.“

— Ваше Величество слишкомъ много дѣлаете мнѣ чести, сказала она вздыхая: я спыжусь, чю такъ долго опвергла его; шеперь же, когда я уже призналась въ моихъ поступкахъ прошивъ него, хочу всшунить въ монастырь. —

„Нѣшъ, нѣшъ, любезная мапушка! сказала Амбруазина, взявши ее за руку: вы должны намъ материнскою любовію, а мы вамъ покорностью и дѣтскою любовію; просимъ васъ ошдашь намъ преимущество и жить у насъ. Жилище вашихъ предковъ, въ которомъ вы родились, должно быть вамъ драгоцѣнно; поѣзжайте съ нами въ Моншей. Во время оп-

существовiя моего Сентъ - Клера попеченiя о его манери убавяшъ половину моей печали, а мои дѣшпи избавяшъ васъ ошъ вашей горести.“

— Амбруазина! сказала Лади Роскелинъ: дочь моей [прiятельницы! и шакъ я могу назвашъ тебя своею дочерью! Доброша твоя пронзаешъ мое сердце; возможно ли, чпобы ты могла забыть. . . —

„Я думаю только о наспоющемъ моемъ щаспи, прервала Амбруазина: оно будешъ несовершенно, ешпи вы откажете въ моей прозьбѣ; Моншей прибавишъ къ моимъ свои убѣжденiя, и ешпи вы намъ откажете, шо я осмѣлюсь попросишъ въ нашу пользу самого добраго нашего Государя.“

— Я уже совершенно вамъ покорень, прекрасная Амбруазина! сказала ей Король: ваши взоры и слова имѣюшъ непреодолимую силу, и Лади Роскелинъ будешъ тому доказательствомъ. —

„Прошу васъ, мапушка, сказала Моншей, познакомьшесь съ моимъ семей-

снвомъ; я ручаюсь жизнию, что по возвращеніи найду васъ совершенно къ нему привязанными и расположенными баловать вашихъ внучекъ.“

— Я и теперь уже люблю ихъ, сказала Лади Роскелинъ, пропянувши руки къ своимъ внучкамъ: какого благополучія я лишала себя! Ахъ, дѣшпи мои! вы очаровываеше и раздираете мое сердце! Такъ, я пойду жить съ вами, естѣли вы того желаете. —

„Всѣмъ сердцемъ, сказалъ Монтей, поцѣловавши руку ея съ нѣжностію и почтеніемъ: я знаю очарованіе моей волшебницы Амбруазины, и сколько вы будете съ нею щасливы! Съ шой минушы, какъ она пріѣхала на Барру, изгнаніе мое сдѣлалось раемъ, дни проходили какъ часы, а годы какъ дни.“

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Король, вы производите во мнѣ желаніе быть женатымъ; ибо по прошествіи сполькихъ лѣтъ вы ощущаете то же очарованіе. —

„Да будете вы сполько же щаспливы, какъ я, сказала Моншей, и да найдете другую Амбруазину! — Поди, брашець, сказала онъ Лорду Роскелину, поди, чшобы любовь моя и любовь швоей свояченицы и дѣшей нашихъ ушѣшили тебя о шомъ, чшо ты не наслаждался эшимъ благополучіемъ; Небо можешь сохранишь для тебя еще одно, о кошоромъ ты и не думаешь; допусти надежду въ швое сердце. Машильда, любезная племянница! покажите вашему родителю, что для него еще остающся радости.“

Машильда подошла. Она была блѣдна и чрезвычайно смущена всѣмъ произшедшимъ; она поняла намѣренія, кошорыя имѣли вразсужденіи ея, и хопя удивлялась Рандольфу, но сердце ея не было къ нему расположено. Однакожь, превозмогши себя, какъ шолько было возможно, она поцѣловала руку своего дяди и Лади Амбруазины. — Любезнѣйшая шешушка и милая сесприца! сказала она:

я любила и удивлялась вамъ, не знаяши еще родства, насъ соединяющаго.“ Зина также оказала ей ласки. Совершенное примиреніе обѣихъ фамилій заснуило мѣсто ненависти и зависти, копорья споль долго ихъ раздѣляли.

Король прекратилъ засѣданіе, поздравляя ихъ всѣхъ. „Клянусь жизнью! сказалъ онъ: если бы люди всегда поступали по своей совѣсти, то судьи и законы были бы бесполезны; мы окончили дѣло, копорое могло бы занять всѣ судилища въ Европѣ до тѣхъ поръ, пока имѣніе обѣихъ фамилій не впало бы въ руки Адвокатовъ.“

Всѣ простились съ Государемъ и поѣхали каждый въ свое мѣсто. По возвращеніи въ свой домъ, Моншей нашель друзей своихъ собравшимися и ожидающими его нешерѣливо; они любопытствовали знать, для какой причины Король его спрашивалъ. Можно судить объ удивленіи ихъ при повѣствованіи о всемъ про-

изшедшемъ шамъ; всѣ обняли начальника своего и одобряли его поспулки. Рональдъ и Рандольфъ вышли вмѣстѣ, чтобы пригосовишься къ ошѣзду; Амбруазина ушла съ дѣшми въ свои комнаты.

„А Рандольфъ! сказали друзья всѣ вмѣстѣ, когда оспались одни съ Сенш-Клеромъ: знаетъ ли онъ шеперь свое рождение? . . . ушѣшилъ ли ты своего брата, предспавивъ ему сына?“

— Очень малаго къ тому недоспало, отвѣчалъ Сенш-Клеръ: я подвель уже Рандольфа къ ошцу и хопѣлъ говорить; но быспрая мысль оспановила меня и многія другія причины шакже присоединились, чтобы заспавить меня молчашь; я вамъ ихъ ошкрою. Вы всѣ знаете чрезвычайное мужештво Рандольфа и эшопъ воинской жаръ, ввергающій его въ опасность; вы знаете, друзья мои, хопя я и скрываю ошъ Амбруазины, что эша война будешъ кровопролишна и смертносна; можешъ бышъ кто нибудь изъ

насъ опшуда не возврашися. Естѣли Рандольфъ долженъ погибнуть на полѣ чеспи, не лучше ли будетъ, чшобы несчастной спець его оплакивалъ только своего племянника, а не въ другой разъ сына? И какъ бы жестока была эша понеря пенерь! ибо мы ѣдемъ завтра, и такъ я возврашилъ бы ему щасстье бышь опцемъ для того только, чшобы въ шу же минушу опять лишись онаго! Кшо знаешь, могъ ли бы онъ просишь мнѣ споль долго скрываемую шайну? Я хочу дашь ему время укрѣпиться и оспавляю попеченіе о шомъ моей волшебницѣ Амбруазинѣ; шогда, по возвращеніи нашемъ, естѣли Небу угодно и естѣли Оно сохранишь Рандольфа и позволишь мнѣ съ нимъ возврашиться, клянусь возврашшь его фамиліи покрышаго славою, шогда я не буду болѣе бояшься ея гнѣва. Естѣли же я погибну, шо поручаю это шѣмъ, которые переживуть меня; естѣли же мы всѣ падемъ, шо мой Амбруазинѣ; естѣли самъ Рандольфъ

будеть жерпвою своего мужества, о друзья мои! пусть отецъ его никогда не узнаеть, кого онъ потерялъ; онъ и то довольно будеть о немъ печалиться: ибо онъ видишь въ немъ супруга, назначеннаго для его дочери; но я думаю, что Рандольфъ сдѣлаеть щасливою мою Зину. —

Всѣ друзья согласились, что Моншей имѣлъ справедливую причину молчать, всѣ удивлялись его благоразумію. „Что касается до гнѣва Лорда Роскеллина, сказалъ дю-Бургъ: я думаю, что ты обманываешься; удовольствіе его, нашедши такого сына, и собственная его польза превозмогутъ все.“

— Такъ отецъ его . . . но мать его, что она скажеть? —

„Можеть быть, сказалъ Россъ, она умреть, пошому что теперь такъ больна, и это было бы благополучіе; никогда она не будеть въ состояніи думать о Замкѣ Уперлонѣ и видѣть сына своего не покраснѣвъ: въ разсужденіи этого

ты очень хорошо сдѣлалъ, что опло-
жилъ свое признаніе.“

Въ продолженіи этого проис- дилъ
другой не менѣе занимательный разго-
воръ между Рандольфомъ и Зиною въ за-
лѣ. Вошедши туда, онъ нашель ее одну
въ задумчивости и не могъ вопрошивишь-
ся желанію сѣсть возлѣ нее. — Эполи,
сказала она, щасшь, котораго я ожи-
дала опъ возвращенія моего родителя?
Лучше бы было, Рандольфъ, ешьли бы мы
еще были на нашемъ островѣ Барро.
Матушка, не смотря на свои усилія,
препещеть, я это очень вижу, о жизни
башюшки; ешьли онъ погибнеть, то я
знаю, что она не можетъ пережить его;
одинъ ударъ можетъ сдѣлать насъ сиро-
тами. Боже! какая мысль! я могу по-
терять вмѣстѣ башюшку, матушку,
братцевъ, все, что я люблю на этомъ
свѣшѣ! —

„Какія ужасныя слова ты произне-
сишь, милая Зина! не предавайся этимъ
печальнымъ мыслямъ; лучше думай о

минушѣ, въ которую ты увидишь наше возвращеніе, когда мы всѣ, собравшіеся дома, ³¹будемъ смѣяться твоей боязни.“

— Собравшись . . . всѣ . . . ишь, Рандольфъ, не всѣ. Если ты возвратишься, то будешь намъ чужой; не слышала ли ты ошъ Короля? Ты женишься на нашей двоюродной сестрицѣ, будешь сыномъ Лорда Роскелина. —

„Я не знаю, какая власть, милая сестрица, можешь испоргнуть меня изъ дому, изъ фамиліи, которую я люблю. Это правда, что Король говорилъ о союзѣ между обѣими фамиліями; но прежде нежели онъ спаненъ приказывашъ, потребуюшъ моего согласія, и я клянусь тебѣ, что никогда Машильда и я не будемъ соединены другими узами, кромѣ дружбы, которая всегда должна быть между родственниками. Я признаюсь однако же, что нахожу ее совершенно прекрасною, но не хочу на ней женишься, и думаю, что и она шакже этого не желашъ.“

— Какая мысль, Рандольфъ! Не уже ли ты думаешь, что еси на свѣтѣ женщина, которая бы не согласилась бытъ своею супругою? —

Добрая сестрица! дружба приводитъ тебя въ заблужденіе; найдепся болѣе одной, увѣряю тебя, и Машильда болѣе будетъ любить, я думаю, Лорда Рональдза; она смолришь на него не такими глазами, какъ ты, или я обманулся.“

— Лорда Рональдза! . . . такъ ты вразумляешь меня; онъ часто говорилъ объ ней съ такою похвалою . . . милая, милая Машильда! какъ я желаю ее также любить! —

„Такъ ты не сердисься, Зина, что она похипила у тебя своею побѣду?“

— О, нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ! съ всѣмъ напропивъ увѣряю тебя, что я еще очень ей за то благодарна. Всѣ люди для меня одинаковы; я ни о чемъ не сожалѣю, ничего не желаю, какъ прошедшаго благополучія моего дѣшпва и моей юности: никогда, никогда уже не

возвращишься это щастливое время! Помнишь ли ты, Рандольфъ, наши прогулки на морѣ или на горахъ, нашу прекрасную музыку по вечерамъ, когда твой голосъ сливался съ моимъ, наши откровенные разговоры, наконецъ всѣ эти дни, споль весело проведенные? не сожалѣешь ли нынѣ о всемъ этомъ, Рандольфъ? —

Этотъ вопросъ слишкомъ много дѣлалъ воспоминаній сердцу молодого человека; онъ чрезвычайно былъ смущенъ и ушелъ отъ Зины, сказавши ей дрожащимъ голосомъ: „Забудемъ это время, любезная сестрица! время пріятнаго бездѣйствія уже прошло, и другія нужды призывающъ меня.“ Онъ оставилъ ее съ расперзаннымъ сердцемъ, оставивши ее споль же смущенною.

Г Л А В А XI.

Между тѣмъ какъ въ жилищѣ Монтея всѣ предавались пріятнѣйшимъ чувствованіямъ, Лордъ Роскелинъ возвращался съ дочерью въ свой Замокъ; онъ спросился объявишь женѣ своей о томъ, что происходило во Дворцѣ, хотя и былъ увѣренъ, что дерзость ея къ Лади Роскелинъ ускорила минушу этого происшествія, но зналъ, что бѣшенство ея будетъ безпредѣльно. Машильда того же боялась и очень печалилась, узнавши, что она назначена была за своего двоюроднаго брата Рандольфа. Отецъ говорилъ ей объ этомъ очень ясно, и при томъ какъ о вещи, коюрой онъ желалъ болѣе всего на свѣтѣ, и многократно повторялъ ей, что только этошъ одинъ союзъ могъ утѣшить его во всѣхъ печаляхъ и привязать къ жизни. Крошкая Машильда рѣшилась тогда употребить всѣ усилія, чтобы только ему повиноваться и изгладить изъ сердца своего

Лорда Рональдза, которому, слышала она, также назначена была супругою ея двоюродная сестра, и просила Бога подашь ей на то силы.

По прїѣздѣ въ Замокъ имъ сказали, что Графиня многократно спрашивала, возвратились ли они, и что она просила ихъ поспѣшь къ ней идти. Подошедши къ ней, они нашли ее вспавшею и съ неперпѣніемъ ожидающею ихъ, чшобы узнать, за чѣмъ спрашивалъ ихъ Король. И такъ не возможно было онъ нее этого скрыть; хотя Графъ Роскелинъ въ самомъ дѣлѣ и не такъ былъ виноватъ, какъ жена и мать его, но сказали бы, видя его шрепешъ, что онъ хотѣлъ обвинить себя въ какомъ-нибудь важномъ преступленіи.

Повѣспованіе его въ самомъ дѣлѣ имѣло то дѣйствіе, котораго онъ ожидалъ. Графиня едва могла его слушать; съ первыхъ словъ она впала въ такое ужасное бѣшенство, что не помнила себя; она излила шьму ругательствъ про-

его мужа, Моншеевъ, а наиболѣе прошивъ свекрови. „И такъ эта цѣломудренная, говорила она, дочь и сестра Моншеевъ призналась публично въ своей невѣрности, пошудной слабости, нечувствительности, въ своемъ обманѣ и подломъ коварствѣ, коимъ она принудила меня поссориться съ ея старшимъ сыномъ, который обожалъ меня, и выйти замужъ за младшаго, который по своей слабости всегда былъ недостойнъ этой чести; какъ я была безумна! Теперь я одна, одна только спрадаю ошъ ея ухищреній!“

— О, машушка! прошу васъ, сказала Машильда препенца: успокойте ваше волненіе; вы не теряете ни имѣнія, ни шишуловъ ошъ этого опкрышія. Дядя мой Моншей опказался ошъ нихъ и опсавиль ихъ башюшкѣ. —

„Дядя твой! недостойная дочь! какъ ты смѣешь произносишь это слово? Проклинай этого дядю, я шебѣ это приказываю, или ты не будешь моею дочерью.“

— Нѣшь, нѣшь! никогда я не сдѣлаю этого. . . . О, Боже мой! сказала она, упавши на колѣни; благослови всѣхъ моихъ родственниковъ и успокой бѣдную мою мамушку! —

Елеонора ошъ ярости была внѣ себя и доходила уже до крайности, какъ вдругъ мужъ ея, бывшій молчаливымъ зришелемъ ея бѣшеныхъ поступковъ, подошелъ, поднялъ дочь свою и опшелъ ее ошъ Елеоноры. „Выйди, Машильда, сказалъ онъ ей: я приказываю тебѣ; молодая дѣвица не должна быть свидѣтельницею такихъ поступковъ. Поди, еслили будешь въ тебѣ нужда, то тебя позовушь.“

— Я хочу, чтобы она осталась, закричала эта бѣшенная женщина, спараясь къ ней приближиться, и приказываю ей это! —

Тогда Лордъ Жонъ съ швердостію, къ которой она не почиала его способнымъ, остановилъ ее, сказавъ: „Елеонора! твои недѣстойные поступки приводятъ

меня наконецъ въ себя; они возбуждаютъ во мнѣ должности мужа и опца; я одинъ господинъ здѣсь. Выйди, Машильда, и не входи до щѣхъ поръ, пока я не прикажу. “

Машильда повиновалась, а Графиня осталась нѣсколько времени какъ бы ошолбенѣвшею; но скоро воспріявши свою гордоспъ, — ты господинъ здѣсь? сказала она съ презрѣніемъ: ты, копорой зависишь теперь онъ милоспней своего брата? Если бы ты имѣлъ мужество и чувспва муцины, то лишилъ бы его жизни въ присуспствіи Короля и ненавистной вашей машери. — Графъ шрепеча приказалъ ей молчашь. „Ты приводишь меня въ ужасъ, Елеонора, сказалъ онъ ей: царшвованіе лвое уже прошло, и тебѣ ничего не оспазается болѣе, какъ шолько повиновашься.“

— Повиновашься! вскричала она внѣ себя: повиновашься! . . . тебѣ, Жонъ? никогда! никогда! Походи, если мо-

ешь, на Моншея, тогда ты можешь
риказывать. —

„А ты, безчувственная и безумная
женщина, будь подобна, если можешь,
тронкой, добродѣтельной Амбруазинѣ;
дѣлайся, подобно ей, славою и утѣшені-
емъ своего мужа, любовью и примѣромъ
воей дочери. Если бы ты на нее по-
ходила, Елена, то сохранила бы преле-
сти молодости и сердце своего мужа,
вмѣсто того что ты все потеряла; од-
нако же шеперь еще время, и раскаяніе,
копя и позднее, но можешь еще побѣ-
дить это сердце, если справедливо про-
шивъ себя огорченное, и заспавишь про-
спавишь если виновное поведеніе.“

Ничто изъ всего говоренаго не про-
нуло шакъ Еленору, какъ это сравненіе
съ Амбруазиною; она хотѣла ошвѣчать,
но слова замерли на устахъ ея, глаза по-
мушились; она шо краснѣла, шо блѣднѣла,
и наконецъ умала на спуль свой обогрен-
ная кровію. Одна жила порвалась ошъ
чрезвычайнаго ея бѣщенства, Лордъ Ре-

скелинъ чрезвычайно испугался; нѣжності его пробудилась; онъ просилъ помощи и ушелъ, не могши перенести этого зрѣлища. При первомъ извѣстїи объ опасности своей матери, Машильда прибѣжала и не оставляла ее во всю ночь. На другой день по утру Лордъ Роскелинъ, узнавши, что ей было получше, приказалъ позвать дочь свою. „Дитя мое, сказалъ онъ: я оставляю на время Замекъ Роскелинъ, и рѣшился также присоединиться къ защитникамъ Короля и опечесива. Братъ, достойный братъ, подаешь мнѣ примѣръ, и я хочу ему послѣдовать. Я иду, такъ какъ и онъ, собрать своихъ вреснявъ и идти съ ними на границу, оставляя тебя съ матерью. Я слишкомъ знаю свое сердце, милая Машильда, чтобы не быть уверена въ пожеланїяхъ, копорыя ты будешь о ней имѣть; но я болѣе беспокоюсь о тебѣ, любезная дочь. Если здоровье ея поправится, и она опять предастся жестокостямъ, я приказываю тебѣ ѣхать къ своей баушкѣ

и шепкѣ Амбруазинѣ; онѣ примуть ше-
 бя и стануть покровительствовать.. Не
 пренебреги этого приказанія для лож-
 ной нѣжности къ своей матери; я пору-
 чилъ двумъ вѣрнѣйшимъ моимъ служеб-
 нымъ смотрѣть за тобою и примѣчать
 за всею, что будешь происходить, и
 такъ меня не легко обмануть. Еслили
 ты хочешь получить мое благословеніе,
 то сдѣлаешь мнѣ повинностья.“

Машильда упала къ ногамъ своего
 отца. — О! заклинаю васъ, сказала она
 ему: для любви единственной вашей до-
 чери не предавайтесь опасностямъ сра-
 женій; подумайте о горестномъ состоя-
 ніи несчастной мапушки; это будетъ,
 я увѣрена въ томъ, сильнымъ для нее
 урокомъ; еслили она выздоровѣетъ, она
 сдѣлается доброю. Башюшка, не оста-
 вляйте насъ! —

„Милое дитя! это необходимо, да
 и я этого желаю; будь увѣрена, что
 мое присущіе замедлило бы выздоро-

вленіе швоей матери, вмѣстѣ того чшобы ускоришь его. Дай ей знашь о моемъ отвѣздѣ, когда ей будетъ легче; скажи, чшо я послѣдовалъ ея совѣшу; она приказала мнѣ подражать Моншею, и Моншей ощущаешь любезную супругу и дѣшей споль же нѣжыхъ, какъ и ты, Матильда, чшобы легче для защищенія своего опечесшва; у меня нѣшь другихъ, кромѣ тебя, милая дочь, и ты должна возбуждашь во мнѣ мужество къ исполненію моей должности. Еслии я погибну, то написалъ уже нынѣшнею ночью завѣщаніе, въ коемъ утвердилъ за шобою имѣніе, и мой храбрый племянникъ Рандольфъ будетъ швоимъ супругомъ и покровителемъ.“

Никогда Матильда не видала опцы своего споль рѣшишельнымъ. Не будучи въ состояніи ничего возразить, она опвѣчала ему однѣми слезами и поручил его въ молчаніи Богу, Который присоединень былъ ко всѣмъ ея мыслямъ.

„Я поручаю тебя, сказалъ онъ ей еще, до твоего брака этому дядѣ, который, могши лишить всего человѣка, сдѣлавшаго ему столько зла, сколько можно сдѣлать, оставляешь его владѣтелемъ онаго. Еслили же Сенш-Клеръ также погибнетъ отъ непріятельскаго оружія, то супругъ его, добродѣтельной Амбруазинъ, поручаю я мое дитя, единственное мое благо въ этомъ мірѣ. Но чпобы я былъ совершенно спокоенъ, обѣщай мнѣ, что бы ни случилось, выйши за-мужъ за твоего двоюроднаго брата Рандольфа.“

Машильза затрепетала; она еще не побѣдила чувствъ, занимавшихъ ея сердце; а обѣщаніе выйши за-мужъ за другого казалось ей обманомъ.

— Бапюшка! сказала она запинаясь: я обѣщаюсь вамъ не выходить за-мужъ ни за кого на свѣшѣ безъ вашего позволенія; но могу ли я обѣщати мое сердце и руку моему брату, когда не знаю, захочетъ ли самъ онъ принять ихъ? Возвра-

типесь съ этой ужасной войны, куда съ чрезвычайною горестію вижу васъ опъѣзжающими, и вы найдете дочь вашу не менѣе щасливою и покорною. —

„Я у тебя большаго не прѣбую, сказала онъ, цѣлуя ее: прощай, дочь моя, возвратись къ матери, да почувствуешь она благополучіе имѣть такое, какъ ты, дитя; да возможетъ Небо сдѣлать ее достойною нашей любви!“ Машильда сложила руки, обративъ къ небу глаза свои, орошенные слезами; она поцѣловала многократно руку отца своего и вышла. Онъ устроилъ все дѣла на время своего отсутствія, собралъ поснѣшно крестіянъ своихъ, и предводительствуя двумястами человекъ, чрезъ три дни выѣхалъ изъ Замка Роскелина, соединившись скоро съ войсками, его предупредившими.

Машильда, скрывши свою горесть, хранила тайну опъѣзда своего родителя во все время опасности своей матери,

и сказала ей объ этомъ со всѣми возможными приготовлениями, когда уже она могла оставить постелю. Елеонора не столько любила своего мужа, чтобъ быть огорченною его опьѣздомъ, или чтобъ беспокоиться о его опасности; но живо была пронуса, что онъ оставилъ Замокъ, не проспаясь съ нею и когда она была въ столь опасномъ состояніи. Она видѣла, что горячность слишкомъ далеко завлекла ее, и что опъ этого потеряла власть свою надъ мужемъ, до того времени совершенно ей покорнымъ; она узнала также съ чрезвычайною досадою, что Лади Роскелинъ жила въ Замокъ Монтебелъ, и ежедневно болѣе чувствовала привязанность къ семейству старшаго своего сына; она бесполезно употребляла все усилія, чтобы возбудить чувство зависти въ сердцахъ своей дочери, повторяя ей безпрестанно, что ея бабушка, до того времени столь нѣжно ее любившая, предпочитала шеперь Зину и ея братьевъ.

Машильда опвѣчала ей, что она радовалась, зная, что имѣють столько же хорошее попеченіе о ея бабушкѣ во время ея отсутствія, какъ бы то было при ней; что она была увѣрена въ ея вѣжності и довольна, что раздѣляла ее съ семействомъ, которое имѣло на то одинакое съ нею право.

Графиня, взбѣщенная эпитимъ опвѣщомъ, искала только въ одномъ своемъ зломъ сердцѣ независимыя чувства, кои она отчаялась видѣть раздѣляемыми своею дочерью: она даже убѣгала Машильды, коей крепость и чувствительность возбуждали гнѣвъ ея. Терзанія или болѣзнь окончили разрушеніе остатка красоты ея, и эта женщина, будучи жертвою собственныхъ пороковъ, оставалась одна съ своею горестію и угрызеніями совѣсти, и была самое несчастное на свѣтѣ твореніе.

Амбруазина также имѣла свои горести во время отсутствія своего мужа и сыновей; но она услаждалась надеждою

опять ихъ. увидѣшь и увѣренностью быть
ими любимого. Во время разлуки съ ними
никакая слабость не измѣнила ей; она
обняла Сенш - Клера, Рандольфа и Жаме-
са. „Да хранишь васъ Небо и опять къ
намъ возвратитъ, сказала она имъ: естъ-
ли вѣришь предчувствію моего сердца,
что мы скоро соединимся и забудемъ въ
минуту возвращенія все, что эта имѣла
пятигоснаго. Рандольфъ! я поручаю тебѣ
Жамеса, а тебѣ, Сенш - Клерь, ихъ
обоихъ.“

Моншей, оспавивши жену свою, съ
обоими сыновьями пошелъ проспиться
съ своею матерью; она была тронута
этимъ вниманіемъ, и подарила ихъ до-
ротими вещами; обѣщала также своему
сыну провести все время его отсутствія
въ Моншеѣ. Амбруазина съ обѣими осва-
вавшимися у ней дѣтьми уѣхала въ тою
же самый день, какъ Сенш - Клерово вой-
ско пошло въ походъ. Пріѣхавши въ
Моншей, она нашла тамъ Сарру, Марію
и Билліама. Перевздъ и щасливое со-

ешояніе уже много помогли въ здоровьѣ доброй Рандольфовой кормилицы. Амбруазина приказала пригошовишь ей хорошую комнашу; обвѣчала Марію съ Вилліамомъ, къ величайшему удовольствію Брижешшы, и приняла ихъ къ себѣ въ служилели. Сарра не замедлила, шакъ какъ обвѣчала, разсказашъ исторію вышитаго платка; ее выслушали слетка, сказавши, что диня, столь тайно рожденное для фамильныхъ причинъ, послѣ было признано.

Нѣскольго дней спустя вдовешвую, щая Лади Роскелинъ пріѣхала; сначала штысячи шерзающихъ воспоминаній угнетали ея душу; но попеченія и любовь Амбруазины усладили ихъ и совершенно изгладили; съ нею поступали съ вѣжнъмъ почшеніемъ, котораго ей никогда не оказывали у Роскелиновъ, и которое засшавляло ее ежеминутно ощущашъ новое удовольствіе. Зина раздѣлила скоро сердце ея пополамъ съ Машильдою; она носшавляла себѣ за удовольствіе ихъ

сравнивать и находила въ различныхъ чертахъ ихъ лицъ одинакую степень красоты и великое сходство въ нравахъ и характерѣ. Маленькой Сенш - Клеръ сдѣлался ея любимцемъ; она находила въ немъ шу красоту, копорою она сполько щещеславилась, и объявила его своимъ наслѣдникомъ; ибо его старшіе братья были богаты — Рандольфъ помѣщиками Моншея, а Жамесъ Киншала.

Между шѣми, копорые радовались раскаянію и признанію Лади Роскелинъ, не надобно забывать ошца Томаса, копорый, не смотря на свою старость, не только пришелъ поздравить всѣхъ жителей Замка, но даже въ продолженіи нѣсколькихъ дней приходилъ съ братьями монастыря служить въ церкви Замка, къ величайшему удовольствію Лади Роскелинъ, набожность коей умножилась ошъ благополучія, пришедивъ къ тому живѣйшую признательность ко Всевышнему, подавшему ей силу признать свои заблужденія.

Г Л А В А XII.

Моншей и друзья его, предводительствуя своимъ корпусомъ, едва достигли Графства Думфрисъ, какъ, къ великому своему удивленію, увидѣли прибытіе Лорда Роскелина съ малымъ отрядомъ, который просилъ позволеніе присоединиться къ нимъ съ смѣлостію, причинившею удовольствіе всѣмъ, а наипаче Сенш - Клеру, который не могъ довольно изъявить радости своей, помирившись съ своимъ братомъ. Они продолжали свой путь къ большой арміи, бывшей подъ начальствомъ Георга Дугласа, Графа Ормонскаго, и Вадаса де Крежи, и узнали, что Англичане прошли и опустошили Солвейскую провинцію; но до приближенія Шотландской арміи непріятель решировался и спалъ лагеремъ на берегахъ рѣки Саркъ: ихъ передовые форпосты были подъ предводительствомъ Магнуса, самаго главнаго воина того времени; онъ долгое время сражался во Франціи; его

исполинской роспшь, темно - красный цвѣтъ лица волосъ и бороды придавалъ ему страшный видъ, и въ Шотландской арміи не иначе называли его какъ рыжимъ Магнусомъ. Онъ былъ наемный воинъ, и не требовалъ другой награды отъ Англіи за свои заслуги, какъ только чтобы онъ могъ счищать своею собственностію все то, что приобрѣнешь въ Шотландіи; центръ Англинской арміи находился подъ начальствомъ Герцога Норшумберландскаго, а арріергардъ Сира Жона Пенникшна.

Шотландцы раздѣлены были на три части: правое крыло было управляемо Баласомъ, центръ Графомъ Ормонскимъ, а лѣвое крыло Лордами Максвелемъ и Жонстономъ; корпусъ Моншея также былъ раздѣленъ: одна часть подъ начальствомъ самого Моншея, сыновья его и Лордъ Роскелинъ присоединялись къ правому крылу, Россъ и Мак-Грегоръ были въ центрѣ, Гамильшонъ, дю-Бургъ и Рональдъ на лѣвомъ крылѣ.

Ръшительное сраженіе было назначено съ обѣихъ сторонъ, и все къ нему приготовились. Графъ Ормонскій говорилъ рѣчь своимъ солдатамъ; онъ возбуждалъ съ ревностію ненависть ихъ къ Англіи, которая обвиняла ихъ въ измѣнѣ и въ невѣрности, между тѣмъ сама первая совершенно нарушила мирные договоры съ Шотландіею.

Предъ сраженіемъ Моншей далъ нѣкоторыя главныя наставленія Рандольфу и Жамесу; онъ первому назначилъ предводительствовать сошею ошборнѣйшихъ воиновъ, приказалъ впрочему, которой былъ еще такъ молодъ, не оставлять его. „Рандольфъ, юный другъ мой! сказалъ онъ, обнимая его: сердце мое говоритъ мнѣ, что ты славно сегодня оплочишься; но помни, что благородіе есть добродѣтель столь же необходимая для воина, какъ и мужество; во время сраженія не думай обо мнѣ, прошу тебя; хотя опъ столькихъ лѣтъ

бездѣйствія мое оружіе и заржавѣло, однако же сегодня я опять найду всю силу моей молодости; но я спращусь за моего брата, Графа Роскелина: онъ не привыкъ, такъ какъ мы, къ сраженіямъ; все недавно имъ претерпѣнное можешь возбудить въ немъ презрѣніе къ своей жизни; наблюдай за нимъ; если онъ слишкомъ будетъ подверженъ опасности, защищай его такъ, какъ бы ты защищаль своего отца.“

Сигналь былъ данъ; правое крыло, предводительствуемое Валасомъ, уснремилось на непріятеля; но споль ужасно встрѣчено Англинскими стрѣлками, чшо было бы жертвою своего мужества, если бы начальникъ не опозваль ихъ и не приказаль сражаться дрошиками и мечами, и слѣдовать за нимъ, ударивъ на непріятеля споль близко, что луки слѣлались ему бесполезными. Моншей съ поварищами послѣдоваль его примѣру. „Пойдемъ, храбрые друзья мои! вскричалъ

Сенш-Клеръ своему войску; Англичане искусные въ стрѣляннн изъ лука, всегда побѣждаютъ издали; нападѣмъ на него ближе и побѣдимъ его.“ Сказавши это, весь корпусъ успремился на авангардъ, предводительствуемый спрашнымъ Магнусомъ, и смертоносное сраженіе началось. Обѣ стороны сражались съ одинакою ненавистью. Валасъ дѣлалъ чудеса храбрости; Моншей равнялся съ нимъ въ искусствѣ и мужествѣ; ужасъ и смерть слѣдовали за ними, и скоро мѣла непріятелей, поверженныя кучами, вокругъ ихъ служили имъ подножіемъ. Во время замѣшательства Лордъ Роскелинъ былъ раненъ и былъ бы убитъ, естълибъ Рандольфъ, примѣпившій его опасность, не сдѣлалъ усилія его избавить; онъ подскакалъ къ нему въ ту самую минуту, когда его противникъ хотѣлъ удвоить ударъ. Вознесши мечъ свой, онъ отрубилъ руку, успремленную противъ опца его, котораго все еще почиталъ онъ своимъ дядею. Сенш-Клеръ и Рональдъ

шакте прибѣжали къ нему; первой взялъ его въ свои объятія и отдалъ его солдатамъ. „Отнесите Лорда Роскеллина въ лагерь, сказалъ онъ имъ: онъ раненъ; но я надѣюсь, что рана не смертельна; не спрашивай, братецъ, и поспарайся спасти жизнь свою; она драгоценна для всѣхъ насъ и самому тебѣ едѣляется любезна. Послѣ сраженія я изолью на твою рану бальзамъ, который скоро ее залѣчишь. Пойдемъ, храбрые товарищи! слѣдуйте за мною: побѣда или смерть!“

Говоря сіи слова, Моншей, послѣдуемый своими товарищами, бросился въ самое жаркое сраженіе; онъ увидѣлъ съ великимъ удовольствіемъ, что сыновья его исполняли свою должностъ какъ опытѣйшіе воины. Проѣзжая близъ Рандольфа, Моншей примѣнилъ, что онъ потерялъ свой шлемъ и что его голова была открыта; но не обращая на это вниманія, юный герой преслѣдовалъ неприятеля съ неутомимымъ мужествомъ, и ничто не останавливало его на пути

славы. Онъ встрѣтился съ страшнымъ Магнусомъ, который съ своей стороны спарался пробиться сквозь непріятельское войско; ни пошь, ни другой не хотѣлъ оступити ни на шагъ. Магнусъ вознесъ мечъ свой, и ударивъ имъ въ щипъ Рандольфа, произвелъ громкой звукъ. „Посторонись, молодой человекъ, скажь войнѣ, презиравшій споль слабого непріятеля и хотѣвшій шолько отдалить его; дай дорогу моимъ воинамъ, или я умерщвляю себя!“ Мюншей увидѣлъ этого гордаго врага, угрожающаго его сыну, и въ первый разъ зашрепешалъ. Онъ поспѣшилъ къ нему на помощь; но прежде нежели достигъ шуда, уже началась смертоносная битва между молодымъ человекомъ и шарымъ воиномъ. Сент-Клеръ остановился; не смотря на опасность своего любезнаго Рандольфа, ни на ужась, который чувствовалъ, онъ не хотѣлъ уменьшить его славы, присоединясь къ нему, и остался зрителемъ сраженія, неравнаго силою и опытно-

спію, которое заставляло его содрогаться при всякомъ разѣ, какъ мечъ Магнуса возносился надъ шѣмъ, коего онъ любилъ какъ сына.

Между шѣмъ Рандольфъ защищался съ неуспрашиваемостію и хладнокровіемъ, которое дѣлало побѣду сомнительною. Удары Магнуса были сильны и полновѣсны, а Рандольфа быстры и часты. Съ невѣроятною ловкостію онъ прошивупоставлялъ щитъ свой всѣмъ ударамъ своего сопротивника, и поражалъ его въ то же время. Магнусъ превосходилъ его своимъ ростомъ; онъ былъ приведенъ въ смятеніе быстротою движеній Рандольфа и вѣрностію его ударовъ; ихъ дрошки вспрѣшались и раздробились; они обнажили мечи; лошади были убиты, но сраженіе продолжалось съ равною жестокостію. „Не уже ли, вскричалъ Магнусъ, побѣда будетъ сомнительна между дияшаею, которой безъ сомнѣнія въ первой разъ сражаеися, и

няхъ?“ Пораженный удивленіемъ при видѣ споль мужеспвеннаго сопротивленія „молодой человекъ“, сказалъ онъ Рандольфу: я отдаю справедливость своей храбрости; я буду сожалѣть, если убью себя. Удались отъ меня; ты можешь это сдѣлать безъ стыда; послѣ такого защищенія ты долженъ получить славныя условія, и я даю тебѣ жизнь.“ Магнусъ, говоря это, хотѣлъ идти; но Рандольфъ, переводя духъ, напалъ на него снова, говоря: Нѣтъ, храбрый Магнусъ, ты не пойдешь далѣе; ктонибудь изъ насъ долженъ погибнуть въ этой встрѣчѣ; должно, чтобы срагой воинъ убилъ юношу, или юноша побѣдилъ срагаго воина. — Тогда сраженіе сдѣлалось ужаснымъ, и каждой ударъ казался послѣднимъ. Кольчуга, прикрывавшая правую руку Рандольфову, была изрублена, и Магнусова также во многихъ мѣстахъ. Тщешно ужасной Магнусъ старался, взявъ въ обѣ руки оружіе свое, поразить имъ открытую голову юнаго героя и шѣмъ окон-

чить сраженіе; но проворный Рандольфъ, опъравивъ ударъ и воспользовавшись искусно этою минутою, нанесъ ударъ въ грудь воина и распростеръ его у ногъ своихъ. Магнусовы воины наполнили воздухъ печальными криками, Шотландцы же побѣдоносными. Молодой Рандольфъ имѣлъ руку обнаженную по локоть, и природной знакъ, копорой онъ имѣлъ, казался ранюю.

„Погибель! несчастье! кричали Англичане: нашъ храбрый полководецъ, убишь, и съ нимъ вся наша надежда; убѣжимъ, убѣжимъ! мы погибли!“

„Побѣда! побѣда! кричали Шотландцы: рыжій человекъ убишь; окровавленная рука шоржесивуетъ! Побѣда! Шотландцы не боятся болѣе тирана, слава Англичанъ. Слава молодому побѣдипелю! слава непобѣдимой Шотландской арміи!“

„Поднимите вашего начальника, сказалъ Рандольфъ Англичанскимъ солдатамъ, съ горестію окружавшимъ шѣло: я думаю

что онъ живъ еще, и спыдъ шому, кто сдѣлаешь плѣнникомъ сего храбраго воина; опнесише его шихо. Еспьли бы я не сполько любилъ свое опечештво, я бы могъ плакать о сей побѣдѣ.“ Гандольфъ операшилъ глаза свои опъ споль печальнаго зрѣлица, и обернувъ свою руку шарфомъ, возврашилъ на сраженіе, которое еще продолжалось съ равнымъ упорствомъ съ обѣихъ споронъ; оно скоро было кончано совершеннымъ поражениемъ корпуса, предводительствуемаго Сиромъ Пенингтономъ. Центръ, бывшій подъ начальствомъ Герцога Норшумберландскаго, имѣлъ шуже участь. Сиръ Жонъ Пенингтонъ и Лордъ Перси взяты были въ плѣнъ; шакже Робертъ Гарингтонъ и многіе другіе знашные воины. Англичане, совершенно пораженные потерею своихъ Начальниковъ, обратились въ безпорядкѣ въ бѣгство къ рѣкѣ Солей, и бросились въ нее вплавъ; но она шогда была въ разлитіи, и многіе изъ нихъ пошонули. Ихъ уронъ во время

сраженія по крайней мѣрѣ состоялъ изъ трехъ тысячъ человекъ, и это была величайшая побѣда, которую Шотландцы одержали надъ Англичанами послѣ знаменишаго сраженія Баннокбургскаго.

Со стороны Шотландцовъ уронъ простирался до шести сотъ человекъ; но въ числѣ ихъ не было ни одного достойнаго примѣчанія, кромѣ храбраго Балласа, который умеръ чрезъ три мѣсяца отъ ранъ.

Война была кончана выиграннымъ сраженіемъ, и взаимныя поздравленія заступили мѣсто страха и безпокойства. Никто сколько не наслаждался славою, какъ Моншей и друзья его; многіе изъ нихъ получили раны, но ни одинъ не былъ раненъ смертельно.

Побѣда надъ Магнусомъ помѣстила Рандольфа въ число героев; и Сент-Клеръ наслаждался заранѣе щастіемъ, которое почувствуетъ онъ, предсавя брата наследника и сына столь знаменишаго.

Рана Лорда Роскелина была тяжела, и болѣе мѣсяца прошло, прежде нежели его можно было везти. Въ продолженіи сего времени Моншей и Рандольфъ не хотѣли его оставить и опложили свое возвращеніе также, какъ и друзья его, которые не хотѣли возвратиться безъ своего Начальника. Они рѣшились въ дружескомъ собраніи, что ежели Лордъ Роскелинъ будетъ въ опасности, не дасть ему умереть, не открывши ему о его сынѣ; но въ противномъ случаѣ оставивъ это объясненіе до ихъ возвращенія. Чрезъ три недѣли ему спало легче, и они приготовились къ отъѣзду; въ эпошъ вечеръ Моншей и братъ его, находясь одни, разговаривали такимъ образомъ:

„Твои благодаренія и милости, любезный братъ, сказала Лордъ Жонъ: приводящъ меня въ спыдъ; одна вещь можешь примиришь меня съ самимъ собою: возьми имѣніе, шибъ принадлежащее, и

оставь меня довольствоваться частію меньшаго брата.“

— Роскелинь! отвѣчалъ Монтей: мнѣ должно съидишься и просишь у тебя прощенія; обѣщай мнѣ простишь меня, когда я тебѣ то открою. —

„По чесни, я не знаю, что ты хочешь сказать; ты никогда меня не огорчалъ, хотя бы и желалъ также имѣть щастіе простишь тебя.“

— Я получилъ твое слово, и хочу тебѣ напомнить, сколько я былъ разсерженъ и какъ друзья мои чувствовали мои обиды, также какъ и я самъ. —

„Они правы, сказала Графъ: жена моя умножила икъ негодованіе, когда она тебя держала плѣнникомъ въ своемъ замкѣ.“

— Какъ! сказала Монтей, покраснѣвъ: ты знаешь это обстоятельство! Отъ кого ты узналъ? —

„Отъ самой Елеоноры; и клянусь тебѣ, я за это бранилъ ее, и радовался, что ты ушелъ.“

— Я никогда не почиталъ себя въ помѣ виновнымъ, сказала Моншей: но это одно обстоятельство я съ трудомъ могъ простить по причинѣ ужасныхъ послѣдствій, которыя мое заключеніе могло произвести: неизвѣстность моей участи могла повергнуть мою Амбруазину въ гробъ, и вѣрно я не былъ бы въ состояніи пережить ее. —

„Боже! сказала Роскельнъ: какихъ несчастій могла быть причиною ея безразсудная ревность къ моей пользѣ! Послупокъ ея не прощипелень, и она говорила мнѣ объ немъ чрезвычайно смѣшаннымъ образомъ. Прошу тебя, расскажи, какъ ты былъ схваченъ и освобожденъ.“

Моншей согласился, рассказалъ ему, какъ былъ взятъ Дашчанами и Мак-Лелланомъ, и какъ наконецъ освобожденъ молодымъ Риндольфомъ. Въ этомъ повѣствованіи онъ тщательнѣе избѣгалъ всего того, что могло возбуждать ревность

Росклетна и подашь ему подозрѣніе о точномъ намѣреніи Графини:

Графъ слуцалъ съ удивленіемъ; онъ никакъ не думалъ, чшобы заключеніе Моншея было споль жестоко и продолжительно, и увѣрялъ его снова въ своемъ незнаніи. „Ахъ, Моншей, сказалъ онъ ему: моя любовь къ Рандольфу, швоему храброму и благородному сыну, еще болѣе теперь умножилась! Щаспливой смершной! сколько благополучія находишь ты въ своемъ семействѣ! Чего не далъ бы я, чшобы быть шолько опцемъ такого сына! Короли съ высоты прешола должны тебѣ завидовать.“

— Ты говоришь правду, брашець; ежедневно я благодарю Небо за мою участь; съ моею Амбруазиною и съ дѣшми, копорыхъ онъ нее имѣю, я не могу ничего болѣе желать. Амбруазина всегда въ глазахъ моихъ ешь не шолько прекраснѣйшая, но и лучшая изъ женщинъ; никогда я не любилъ и не буду любить никакую женщину, кромѣ ея. —

„Любезный братецъ! (сказаль Лордъ Роскелинъ смѣясь: я согласенъ, что для Амбруазины можно забыть все; но позволь мнѣ напомнить тебѣ вопервыхъ мою прекрасную Елеонору, которую ты нѣсколько любилъ, а потомъ неизвѣстную мать Рандольфа, которой не сынъ наслѣдницы Кияшала.“

— Ты еще не исповѣдникъ мой, отвѣчалъ ему Моншей: но однако же я скоро открою тебѣ, кто такова мать Рандольфа; но между тѣмъ я хочу тебѣ сказать два слова: первое, въ ту минуту, какъ полюбилъ Амбруазину, я почувствовалъ, что никого, кромѣ ея, не любилъ; второе, клянусь тебѣ, что рожденіе Рандольфа есть законно, и онъ будетъ наслѣдникомъ моего имѣнія. —

, И онъ съ честью предастъ имя свое потомству; отвѣчалъ Графъ: но мое, увы! оно окончится со мною, и я надѣюсь только на свою дружбу. Король говорилъ о союзѣ между нашими фамиліями;

мое сердечное желаніе естъ, чѣшобъ Рандольфъ женился на Машильдѣ. Ты имѣешь двухъ другихъ сыновей, и пакъ согласишь, чѣшобы епаршій сынъ Рандольфа носиль имя Роскелина, попому чѣшо эпо имя шебѣ принадлежишь опъ рожденія, и дѣшвы швом должны бы были его носить.“

— И шебѣ эпо обѣщаю, сказала Моншей, пропянувъ ему руку: союзъ между нашими фамиліями ешь пакже и мое желаніе. Миѣ бы хошѣлось, чѣшобы швоя супруга согласилась опшусшишь къ намъ Машильду на нѣсколькo времени; она познакомилась бы съ моею милою Зиною. —

„Но возвращеніи моемъ къ шебѣ ее привезу, хотя бы Милади и не позволила, опшѣчалъ Роскелинъ: я не хочу болѣе гношишь ее капризы.“

Въ эту минушту нѣкоторыя изъ друзей вошли, и разговоръ сдѣлался общимъ. Дордъ Роскелинъ чрезъ нѣсколькo дней

могъ уже сѣсть на лошадь, и они поѣхали всѣ вмѣстѣ въ столицу.

Г Л А В А XII.

Вѣстникъ, посланный Сент-Клеромъ въ Замокъ Моншей послѣ сраженія, разсѣялъ безпокойства его семейства; онъ уведомилъ Амбруазину о ихъ побѣдѣ и ранѣ Графа, копорая задерживала ихъ возвращенія. Подвиги Рандольфа были извѣстны уже всѣмъ, и ему приписывали большую часть побѣды. Самъ Король пріѣхалъ въ Замокъ Моншей поздравить мать его; эти похвалы ея внуку, и посѣщеніе Короля польстили маперинской гордости Лади Роскелинъ, чего не случилось съ нею во всю жизнь, и болѣе нежели когда-либо она радовалась, что признала Сент-Клера. Чрезъ нѣсколько времени курьеръ отъ Двора уведомилъ ихъ, что армія, предводительствуемая начальниками, была на возвращномъ пу-

ши. Амбруазина предложила своей свекрови ѣхать въ Эдинбургъ, чтобы встрѣшивъ тамъ друзей своихъ и увидѣвъ ихъ нѣсколькими днями прежде; она согласилась, и все семейство отправилось въ Эдинбургъ.

Черезъ три дни послѣ ихъ прїѣзду получили прїятную новость, что армія была уже недалеко; они рѣшились ѣхать ей навстрѣчу, и приказали приготовить лошадей. Лади Роскелинъ, Амбруазина, маленькой Сент-Клеръ и Зина поѣхали, сопровождаемые множествомъ слугъ. Не успѣли они отъѣхать чепырехъ миль, какъ, къ великому удовольствію, они увидѣли съ горы армію; приближающуюся къ долину. Музыканты шли впереди, играя маршъ; послѣ ихъ шли разные корпуса, предводительствуемые Начальниками, передъ которыми несли знамена и трофеи, опятыше у непріятелей.

Рандольфъ первый примѣшилъ ихъ и показалъ Монтею. „Сердце говоритъ мнѣ

больше, нежели глаза, что эту мамушка и сестрица, сказала онъ: бапюшка! какъ пріятна минуша соединенія съ милыми сердцу, когда мы распались съ мыслию, что можешь быть никогда не увидимся.“

Моншей и Рандольфъ; движимые одинакими чувствами, пришпорили своихъ лошадей, и скоро приблизилась къ нимъ Амбруазина, бросилась въ объятія своего супруга; и только могла произнести любовное имя *Сент-Клера*. Зина обняла Рандольфа, и склонивъ голову на грудь его, проливала радостныя слезы.

„Дражайшая Амбруазина! сказала Моншей: сердце мое лезло къ тебѣ навстрѣчу; но ты всегда предупреждаешь его желанія!“ — Попомъ онъ подошелъ къ своей матери, и благодарилъ ее за любовь, ему оказываемую. — *Сент-Клеръ!* сказала она: я желала бы всѣми возможными средствами умножить свое счастье; но ты мнѣ кажешься самымъ счастливымъ

изъ людей, и дѣлаешь меня щаспливѣйшею маперью. Любовь швоей супруги и дѣтей возвращаютъ мнѣ молодость; я теперь на пути къ миру и щасію: естли швой домъ не рай, такъ дорога къ нему. —

„Я говорилъ вамъ, возразилъ Сент-Клеръ съ радостію: что моя Цирцетъ васъ навсегда очаруетъ, и это очарованіе никогда неисчезнетъ.“

— Я надѣюсь на это, сказала Лади Роскелинъ: сердце мое ничего не ощущало сладостнѣ этого! — Моншей съ чувствомъ взялъ руки своей жены и мапери, и прижалъ къ своему сердцу. Лади Роскелинъ проливала слезы. — Сынъ мой! милая дочь! сказала она имъ: сколько долго не знала я истиннаго щасстья! Вѣчнось, кажешся, не можешъ загладитъ моего пошупка! —

„Это давно уже прошло, сказалъ Моншей: и я позабылъ прошедшее; шѣ, которые привыкли къ маперинской вѣж-

носпи, не могушь чувствовашь ея цѣну, сколько я чувствую.“

Пощлловавъ дѣшею своихъ, онъ представилъ Рандольфа, какъ знаменишаго героя, а Жамеса какъ воина, который съ честью въ первый разъ сражался. Сент-Клеръ вытянувшись, сказалъ отцу своему, что онъ также готовъ сражаться. Графъ Роскелинъ, еще слабый, прибыль съ друзьями Сент-Клера, и участвовалъ въ ласкахъ и поздравленіяхъ, и Лади Роскелинъ была очарована и удивлена дружбою брашневъ. Всѣ сѣли на лошадей и присоединились къ арміи, которая отдыкала, чшобъ войши въ лучшемъ порядкѣ въ столицу.

Амбуразина и ея дѣти вошли въ ряды войска, чшобъ благодарить храбрыхъ воиновъ Моншея. Жители Киншала обрадовались Госпожѣ своей; они окружили ее съ рукоплесканіями и выражали радость повпоряемыми восклицаніями; она съ трудомъ могла заспавить ихъ на минушу замолчашь.

„Храбрые друзья мои! сказала она имъ: я не могу выразишь всей моей признательности за ревность, которую вы оказали моему возлюбленному Моншею во время сраженія при Саркѣ; но будьте увѣрены, что этого не забуду никогда, и что я буду находить единственное удовольствіе, занимаясь вашимъ благополучіемъ! Правосудіе нашего добраго Государя опмѣнило приговоръ, заключившій насъ на Барро, и потому, друзья мои, вы насъ будете часто видѣть въ Киншалѣ, гдѣ мы проведемъ нѣсколько времени; вы найдете во мнѣ истинную мать, готовую всегда помогать вамъ, и которая проситъ васъ прибѣгать ко мнѣ въ случаѣ бѣдности болѣзни и (во всѣхъ обстоятельствахъ, гдѣ дружба можешь быть полезна. Я вижу съ удовольствіемъ, что немногіе изъ васъ погибли въ сраженіи; но жены и дѣши шѣхъ, которые погибли на полѣ брани, не будутъ имѣть ни въ чемъ недосадка. А вы, дѣши мои! подите

успокойсья въ нѣдрахъ семейства. Я знаю собственнымъ опытомъ, сколь пріятна на минуша, въ которую увидѣлъ свою супругу и дѣшею поелъ столь опаснаго отсутствія.“

Радостные крики снова наполнили воздухомъ. Моншей представилъ мать свою солдатамъ, и благородная Лади Роскелинъ получила такое почтеніе, которое польстило ея гордому сердцу.

— Да здравствуетъ мать нашего благороднаго Начальника! кричали со всѣхъ сторонъ: да здравствуетъ давшая жизнь храбрѣйшему и наилучшему изъ людей достойной оспрали знаменишыхъ фамилій Моншея и Роскелина! —

„Посмотрите, говорили многіе изъ воиновъ, видя ее идущею: посмотрите, какъ Начальникъ на нее похожъ: та же благородная походка, такіе же большіе черные глаза и брови. Да здравствуетъ мать храбраго Сенш-Клера!“

Лади Роскелинъ не имѣла во всю жизнь свою такіхъ чувствъ, какія имѣ-

да въ сіи минуты. Щастіе матери, которая слышнѣ похвалы сыну, есть самое величайшее благополучіе; она забыла свои гордости, и сама благодарила воиновъ съ чрезвычайною чувствительностію; дала солдатамъ Моншея такое же обѣщаніе, какъ Амбрузина жителямъ Киншала. — Я должна эшо сдѣлать, сказала она: въ память моего отца и брата; изъ любви къ моему сыну опнынѣ я хочу быть вашей матерью. —

Радостные крики снова повторились, когда она умолкла. Моншей сказалъ воинамъ: „Машушка предупредила меня въ исполненіи моей должности; но я радуюсь, что дочь и сестра знаменитыхъ Моншеевъ, которая родилась при семъ, захошѣла бытъ вашею покровительницею; она мнѣ доставитъ чрезъ то способъ засвидѣтельствовать мою признательность храбрымъ островитянамъ, друзьямъ и вѣрнымъ поварищамъ въ моемъ изгнаніи, которыми я сподлько обязанъ, что вѣчно того не забуду.“

Оспровившіе также изъявили жгучѣйшую признательность и любовь къ фамиліи Моншея. Всѣ Начальники спарались подражать Моншею; они обѣщали своимъ вассаламъ, отпускаая ихъ, дружбу, покровительство и особенныя попеченія о семействахъ погибшихъ на сраженіи. Потомъ они отправились въ совершенномъ порядкѣ въ столицу; шуть вся армія разступилась передъ Дворцемъ. Самъ Король ожидалъ ихъ на балконѣ, и изъявилъ свою благодарность. Начальники пошли пошломъ отдать ему свое почтеніе. Онъ ихъ принялъ съ опличіемъ, которое заслуживало ихъ мужество, особливо Рандольфа, которой представленъ какъ побѣдитель Магнуса Рыжаго и избавитель Короля и опечесства.

При выходѣ изъ Дворца Лордъ Роквеллинъ сказалъ своему брату, что ему надобно ѣхать въ свой Замокъ, откуда не имѣлъ извѣстія во все время своей сплочки; онъ шоль неперѣливо желалъ

увидѣвъ дочь свою и освѣдомишься о своей супругѣ, что Моншей не могъ его удержавъ; но онъ заставилъ его дать обѣщаніе возвратиться какъ можно скорѣе въ Моншей. „Я хочу, сказалъ Сенип-Клеръ: объявить тебѣ важную тайну, коей не могу долго откладывать.“ Лордъ Жонъ, ничего не подозрѣвая и думая, что онъ говорилъ это о бракѣ Зины и Рональдазы, обѣщавшись непремѣнно пріѣхать; онъ въ томъ увѣрился еще болѣе, когда Моншей, не могши самъ ѣхать съ своимъ брашомъ въ Роскелинъ и не желая оставлять его одного по причинѣ слабаго его здоровья, просилъ Лорда Рональдаза ему соуправлявать. „Я буду спокойнѣе, сказалъ онъ, когда оставлю при немъ друга.“ Рональдаза былъ чрезвычайно радъ этому порученію, которое приближало его къ Машильдѣ, и Лордъ Жонъ, видя въ немъ будущаго племянника, принялъ его съ удовольствіемъ, и они вмѣстѣ еще правились.

Машильда, узнавши отъ курьера посланнаго Королемъ о побѣдѣ, ожидала всякой день прїѣзда своего опца; къ ея неперпѣннѣю присоединилось еще желаніе узнать подробнѣе о войнѣ, не убить ли кто изъ ея знакомыхъ. Слабость и мрачная меланхолія ея мапери съ каждымъ днемъ умножалась. Запершись въ своей комнатѣ, она никого къ себѣ не пускала, даже сама Машильда по цѣлымъ днямъ ее не видала. И такъ она имѣла свободное время предаваться печальнымъ мечпаніямъ, молишься и прогуливалась въ уединенномъ паркѣ, съ намѣреніемъ забыть Рональдзу, который безпрестанно занималъ ея мысли. Съ того времени какъ она ожидала своего опца, всякое утро и вечеръ всходила на башню и смотрѣла на дорогу къ Эдинбургу, ожидая кого-нибудь увидѣшь.

Наконецъ въ одинъ день облако пыли подало ей нѣкоторую надежду; она посмотрѣла, и скоро примѣчаетъ двухъ

всадниковъ. Перья волнуются на ихъ
 шлемахъ, позлащенные шпоры блестятъ
 ошь солнца, и на обѣихъ бѣлые шарфы;
 они ѣдутъ рядомъ; эти два воина . . .
 одинъ . . . ошець ея: она его узнала и
 сердце ея бьется ошь радости . . . но
 другой . . . не уже ли Рандольфъ? . . .
 нѣтъ, онъ не покажется въ домъ, едѣ
 живешь Графиня. Между тѣмъ они еще
 ближе . . . уже на мосту, тогда съ вы-
 соты башни Машильда различаетъ бѣло-
 курые волосы и узнаетъ черты Рональда-
 зы. Какая нечаянность! какая радость!
 Треница сходитъ съ башни, бѣжитъ на
 дворъ и находишься уже въ объятіяхъ
 ошца; теперь она не думаетъ ни о чемъ
 другомъ, кромѣ шаспія, что его видишь;
 но поражена его блѣдностію и слабостію.
 Онъ ей рассказываетъ о своей ранѣ, о по-
 печеніяхъ брата, племянника и друзей.
 „Лордъ Рональдза, сказалъ онъ, пред-
 ставляя его своей дочери: помогаль мнѣ
 во время болѣзни; онъ хотѣлъ мнѣ со-
 нущствовать, и я прошу тебя принять

его какъ друга своего отца.“ Машильда плакала при повѣствованіи объ опасностяхъ его и въ то же время, съ признапельностію смотря на Лорда Рональдзу, улыбалась; онъ едва могъ скрыть свое восхищеніе, что увидѣлъ ее, и его взоры показывали Машильдѣ, что онъ не любилъ Зину. Они вошли въ Замокъ, Графъ пошелъ къ своей супругѣ и оставилъ своей дочери попеченіе о угощеніи своего гостя; она оспалась одна съ Рональдзою, и ихъ взаимное замѣшательство заставило хранить молчаніе. Наконецъ она прервала его, спрашивая его о своей бабушкѣ, теткѣ, сестрѣ и щасливомъ Рандольфѣ. „Не онъ ли болѣе всего васъ занимаетъ?“ сказалъ Рональда вздохнувъ.

— Онъ безъ сомнѣнія занимаетъ меня; но для чего называете вы его щасливымъ? —

„Попому что онъ таковъ, и достоинъ быть щасливѣйшимъ изъ людей; все ему удается: онъ спасъ Короля, по-

бѣдилъ Магнуса и болѣе всего этого . . . онъ долженъ быть супругомъ Машильды! Ахъ! Небо свидѣтель мнѣ, что я не завидоваль ему ни въ какомъ благополучіи. . . . Но это О щасливый, пышечекратно щасливый Гандольфъ! —

„А знаете ли вы, сказала Машильда покраснѣвъ и пошупивъ глаза: сдѣлаешь ли эпошь бракъ его щасливымъ, и буду ли я также щаслива? Онъ еще нерѣшенъ, и. . . Кпо вамъ сказалъ, что бапюшка имѣешь такое намѣреніе, прошу васъ?“

— Онъ самъ; онъ ни о чемъ другомъ и не говорилъ со мной дорогою; онъ не предвидишь никакого препятствія. —

„Какъ! не уже ли не говорилъ вамъ о Зинѣ? Это нехорошо; онъ могъ бы также сказашь вамъ нѣсколько словъ и о вашемъ бракѣ.“

— О моемъ бракѣ! что вы хошите сказашь? —

„Развѣ вы не помолвлены съ моею двоюродною сестрицею Зиною? Къ чему такая скромность и удивленіе!“

— Кто вамъ сказалъ, сдѣлайте милость? —

„Кто! самъ бапюшка. Я вижу, что это правда, по вашему смущенію; вы покраснѣли.“

— Ваша правда! сказалъ Рональдза: прежде нежели я увидѣлъ Машильду, я думалъ, что люблю Зину, и просилъ ея руки. . . . —

Онъ остановился смѣшавшись, что опиралъ шайну. Машильда, больше смущенная, нежели онъ, его излишнею довѣренностію, сказала ему запинаясь: „Итакъ для чегожъ?“

— Зина мнѣ опказала, я не имѣлъ щаспія ей понравиться, и чувствую, что она имѣла на то причину. —

„Это не возможно,“ сказала Машильда. Она остановилась, смѣшавшись еще словъ, которыя выговорила.

Лордъ Рональдъ узналъ къ ея ногамъ. — Что я слышу! сказала онъ: возможно ли, Манильда! кто повѣритъ, чѣмъ я могъ быть любимъ! Ахъ! если для того, чѣмъ ей понравилась, должно обожать ее, то кто можешь больше меня въ томъ быть увѣренъ. —

Смущенная и распротанная Манильда ничего не отвѣчала, и не ощущала руки своей, которою онъ покрывалъ поцѣлуями. Въ эту минуту они услышали шаги Графа Роскейна; Лордъ Рональдъ всмат, а Манильда побѣжала навстрѣчу къ своему отцу; онъ былъ столько смущенъ, что не примѣшилъ замѣшательства своей дочери. „Поди къ матери, сказала онъ ей: она имѣетъ нужду въ твоихъ попеченіяхъ; постарайся ее успокоить.“

Чрезвычайная перемѣна Елеоноры поразила ея мужа; и заставила его задремать; онъ ее очень любилъ, чѣмъ не быть пронухимъ, видя слѣдствія ея болѣзни въ столь короткое время; онъ

подошла къ ней съ нѣжностію, изъявила свою горестъ о ея положеніи, просилъ ее забыть непріятности, бывшія между ими до его ошъзда.

— Какъ я могу это забыть, сказала она съ бѣшенствомъ: фамилія Моншей заражаетъ воздухъ, коимъ я дышу; даже въ своей комнатѣ я слышу шумные крики о ихъ побѣдахъ. Этого Рандольфа, гордой щастливца, незаконный сынъ Сенп-Клера Мак-Крея, сдѣлался любимцемъ Короля, и ширани ему общаетъ, какъ говорятъ, руку моей дочери; я скорѣе погибну вмѣстѣ съ нею, нежели соглашусь на такое безчестіе. —

Лордъ Жонъ ужаснулся, видя, что эта ненависть и жестокость усилились въ ней еще болѣе; онъ хотѣлъ успокоить ея бѣшенство и поговорить съ нею голосомъ разума. „Елена, сказалъ онъ ей: знаешь ли ты, съ какимъ благородствомъ Моншей уступилъ мнѣ имѣніе, которое ему принадлежало по признанію маущ-

ки; ты сама была уверена, что онъ сынъ ея, а мой братъ: по чему же теперь называешь его Мак-Креемъ? Что касается до Рандольфа, то онъ мнѣ клялся, что его рожденіе законное. Эпошъ храбрый молодой человекъ сдѣлался героемъ; ему мы обязаны выиграньемъ сраженія; безъ него я бы лишился жизни; могуль я чѣмъ инымъ заплашить ему, какъ не рукою Машильды? Я уже рѣшился.“

— Какая подлость! — вскричала она съ горячностію: лучше бы ты умеръ, нежели былъ ему одолженъ жизнью. Съ какою бы радостію я порабла, если бы только могла, умирая, испребить весь родъ Монтел! —

Лордъ Роскелинъ отворопился онае съ ужасомъ. „Какъ! сказала онъ самъ себѣ: болѣзнь, даже приближеніе смерти, ничто не можешь укротить ея мстительнаго характера!“ Она была споль разъярена, что онъ, опасаясь прежней ужасной сцены, оставилъ ее.

— Ты меня оспавяяешь, сказали она ему, видя его выходящимъ : всѣ меня покинули! — При сихъ словахъ съ ней сдѣлались конвульси, копорымъ она была подвержена. Графъ испугавшись ушелъ и послалъ къ ней дочь, копорая старалась ей помочь съ обыкновенною ласкою и оспалась съ нею весь вечеръ. Вазвращаясь въ свою комнату, она спала на колѣни предъ Всевышнимъ, прося Его о своей машери, о себѣ и Лордѣ Рональдзѣ. „Боже! сказала она : естли Тебѣ не угодно, чтообъ я его забыла, когда Ты его сюда привелъ; онъ меня любинъ и не женится на сестрѣ моей; Боже мой! сдѣлай, чтообъ, любя его, я могла повиноваться опцу моему!“ После сего она легла въ постелю; поупру пришла къ своей машери; но она ее не пустила. Машильда угощала гостя, но въ присуствіи Графа; взгляды шолько Лорда Рональдзы показывали спрасъ его. При концѣ завтрака Графъ говорилъ объ возвращеніи въ Единбургъ и въ Замокъ

Моншей, какъ къ великому его удивленію отворились двери залы, и Графиня Елеонора вошла. Больше мѣсяца какъ она не выходила изъ своей комнаты, и потому она шла прѣпещущими шагами. Матильда вскричала: „Боже! матушка!“ и побѣжала поддержать ее. Графъ былъ недвижимъ отъ удивленія, и Лордъ Рональда, кошорой видѣлъ ее въ первый разъ, едва могъ повѣрить, чѣмъ это была та женщина, кошорой красота только хвалили; однако же, не смотря на ея страшную блѣдность, можно было еще видѣть совершенную правильность чертъ лица ея; физіономія ея не была обезображена гнѣвомъ; она имѣла еще прелести, кошорымъ съ трудомъ можно было прошивиться; въ эту минушу, при ея выраженіи тихомъ и пріятномъ, не можно было подозрѣвать, чѣмъ это была вчерашняя фурія.

Она взяла за руку дочь свою, и подошедши съ важностію и достоинствомъ, просила своего мужа предсказать ей

Лорда Рональдзу. „Я знаю ошь Машильды, сказала она: сколько онъ заботился о швоей ранѣ, и шакже по принимаемому въ шебѣ учаспію; онъ согласился проводить шебя сюда; я жочу сама засвидѣтельствовать ему свою признательность.“ Лордъ Жонъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, и не понималъ сей женщины, незадолго передъ шѣмъ бывшей въ шакоемъ бѣшенствѣ; очарованный ея пошупками, онъ находилъ ея ешоль же прекрасною, какъ она была прежде. Машильда обратила свои прекрасные глаза къ небу. Богъ меня услышалъ, думала она: милосердый Богъ, Котораго никогда не призываютъ понапрасну. Онъ сжалился надъ бѣдною Машильдою, и возвратилъ ей мать и Лорда Рональдзу.

Послѣдній отвѣчалъ на учшивость Графини съ пріятностію. Она сѣла, и продолжала разговоръ съ легкостію оъ разныхъ предметахъ; говорила, что она надѣется, что Графъ и Лордъ Рональдза останутся на нѣкоторое время въ Ро-

скелинѣ , чтобы опдохнуть послѣ воен-
ныхъ трудовъ. Лордъ Жонъ , очарован-
ный нечаянною переменною , былъ далекъ ,
чтобы подумать объ опъздѣ ; онъ на-
слаждался щаспїемъ , найдя жену
свою возврапавшеюся къ челоѣрколю-
бивымъ чувспвамъ , опъ которыхъ она
была удалена споль долгое время ; но сла-
бое ея здоровье возмущало его спокой-
спвіе и препяпспвовало ему ѣхатѣ . Она
была слаба и больна и не могла долго ос-
таивашься съ своими друзьями , разѣ
шолько на нѣсколько минутъ , но въ эспи
минуты все сохранила свою ласковоспъ и
любезноспъ ; она спаралась въ разгово-
рахъ избѣгатѣ всего , что касалось до
Моншея , и ея мужъ съ своею спорочы ,
надѣясь всего опъ времени и наспоящаго
разположенія своей жены , боясь раздра-
житѣ ее снова , молчалъ объ эспомъ пред-
метѣ , не оставляя однакожь своего на-
мѣренія . Лишь бы шолько она согласи-
лась ихъ видѣтѣ , думалъ онъ : шо скоро
волюбила бы ихъ подобно машущѣ и мнѣ .

Матильда, восхищенная благосклонностию своей матери, не осмивляла ее, между тѣмъ имѣла больше случаевъ разговаривать съ Лордомъ Рональдзою; она была слишкомъ опкровенна, чтобы скрыть отъ нее свои чувствованія; но въ то же время говорила ему съ твердостью, что никогда не послушается своего отца. Лордъ Рональдза просилъ у нее позволенія отписать въ шомъ къ нему; но Матильда, будучи увѣрена, что ему откажутъ, просила его опложить это намѣреніе и начать ихъ дѣло чрезъ двоюроднаго ея брата Рандольфа. „Онъ совсѣмъ меня не любитъ,“ говорила она: онъ съ шрудомъ согласился видѣть меня по желанію бабушки; но васъ онъ любитъ и безъ сомнѣнія будетъ споспѣшествовать вашему счастью. Лордъ Рональдза, не сомнѣваясь въ великодушіи своего друга, согласился съ мнѣніемъ Матильды.

По прошествіи счастливыхъ шрехъ недѣль письмо отъ Сенш-Клера, посланное съ вѣстникомъ, напомнило Лор-

ду Роскелину о его обѣщаніи, и извѣщало, что его ожидали въ Монпелѣ для важнаго дѣла, и что братъ просилъ его не оплагать эшого возвращенія; онъ также просилъ его привести съ собой Машильду; но мать просила его не опешупно оставишь ее, и Машильда сама боялась опъ нее удалиться, на что Лордъ Жонъ и согласился. Онъ отправился на завтра съ Лордомъ Рональдзою, обѣщая женѣ своей скоро возвратишьсь; простился съ дочерью, напомня ей о ея обѣщаніи. — Машильда, сказала онъ ей, пожимая у ней руку: вспомни то, что ты мнѣ обѣщала въ первой мой опъѣздъ; не давай обѣщаніе безъ моего согласія, и чтобы я нашелъ тебя покорною и послушною; даешь ли иеперь мнѣ эшо обѣщаніе? —

„Даю, батюшка!“ сказала она ему, цѣлуя у него руку: я вамъ клянусь, и увѣрена, что вы никогда не захошите несчастія своей дочери.“

Лордъ Рональдза съ шрудомъ могъ разстаться съ ней и сказать ей прости; слезы оросили его глаза и больше пронули Машильду, нежели слова. Графиня простилась съ нимъ съ учтивоспшю, и сказала ему, что она надѣется скоро увидѣть его въ Роскелинѣ.

Лордъ Рональдза подумалъ самъ въ себѣ: онъ не хороша, во и зла; хопя мнѣ такъ объ ней и говорили, но для меня она мать Машильды, и можетъ быть я въ ней найду подпору. Онъ поцѣловалъ у ней руку, попомъ у Машильды и оставилъ ихъ съ сердцемъ, наполненнымъ любви и надежды.

Пріѣхавши въ Эдинбургъ, онъ получилъ отъ Короля нѣкоторыя порученія вразсужденіи распушенія войскъ, почему онъ оставилъ Лорда Жона одного продолжать путь къ Замку Моншея.

Г Л А В А XIV.

Лишь только посланный Сент-Клера уведомилъ его, что братъ его хотѣлъ быть, то онъ повѣхалъ съ сыновьями и друзьями своими къ нему на встрѣчу. Пріѣхавши въ Замокъ, Графъ очень удивился приему, для него пригошовленному: всѣ крестьяне Моншея въ военной одеждѣ стояли въ два ряда во всю длину пуши къ Замку; музыканты присоединяли звуки своихъ инструментовъ къ ихъ радостнымъ восклицаніямъ; при дверяхъ церкви, которая была также на пуши, почтенный опецъ Томасъ съ своею братіею просилъ ихъ войти туда и пошчасъ запѣли шамъ: *Тебе Бога хвалимъ!*

При большихъ дверяхъ Замка, на верху коихъ находился позлащенный орелъ, Графъ былъ встрѣченъ прекрасною Амбруазиною, которая обняла его со всею нѣжностію сестры. „Братецъ!“, сказала она ему: для чего вы не привезли съ со-

бою дочь вашу Машильду? Ее только одной недостаетъ для этого радостнаго дня.“

— Любезная сестрица! отвѣчала ей Графъ: приказанія маэри остановили ее; да и она сама не пожелала остановить ее. Я не хотѣлъ ихъ разлучить; моя Елеонора перемѣнилась и плѣдомъ и сердцемъ: чего она лишилась въ красотѣ, то опять нашла въ добротѣ сердца; Небо сдѣлало это чудо. —

„Благодареніе Ему за то! сказала Амбруазина: красота ея возвратится вмѣстѣ съ здоровьемъ, спокойствіемъ сердца и нашею дружбою; нѣжность дѣтей ея поможетъ ей въ шеперешивемъ положеніи: Елеонора также щасливая мать.“

— Машильда, отвѣчала Лордъ: соединяешь все, что можешь сдѣлать щасливою и заставишь гордиться всякую мать. —

„И Рандольфъ ей ни въ чемъ уступаетъ,“ отвѣчала Амбруазина

Графъ, видѣвшій въ эпихъ словахъ увѣреніе въ бракъ своей дочери съ племянникомъ, съ восхищеніемъ поцѣловаль руку своей невѣстки. — Рандольфъ, сказалъ онъ: найдешь во мнѣ втораго отца, и будешь у меня на мѣсто дѣшей, коихъ я лишился. —

Они были въ это время у дверей большой залы, гдѣ ожидала ихъ Лади Роскелинъ; она съ нѣжностію и радостію цѣловала своего втораго сына.

Черезъ нѣсколько времени былъ поставленъ пышный обѣдъ; кубокъ переходилъ изъ рукъ въ руки; Моншей сидѣлъ между брашомъ своимъ и Рандольфомъ. Когда подали десертъ и всѣ слуги вышли, онъ наполнилъ самымъ лучшимъ виномъ золошой кубокъ. „За нашу брашскую дружбу! сказалъ онъ Лорду Жону: да продолжится она во всю жизнь нашу и перейдешь къ дѣшамъ! да будешь этому доказательствомъ совершенное забвеніе всѣхъ нашихъ печалей!“ Выпивъ половину кубка, она подаль его своему брату. Роскелинъ

взялъ его и выпилъ, повторивши его слова. Тогда Моншей, обратившись къ своей матери, „простите мамушка, ска- залъ онъ: естли я сдѣлаю вамъ пяго- спное воспоминаніе. Помните ли вы спа- раго Андревса? здѣсь въ этой самой за- лѣ воспоминаете ли вы слова его?“

— Совершенно, отвѣчала она: и въ эту самую минуу его предсказаніе пред- ставлялось моимъ мыслямъ; вошь музы- ка и радостныя крики, раздающіеся въ залахъ Замка Моншей, вошь орляпа, возвращившіеся въ гнѣздо, изъ коего они были изгнаны, вошь неприатели, пью- щіе вмѣстѣ изъ кубка дружбы! —

„И вошь, сказалъ Моншей, встав- ши и ударивъ по плечу Раадольфа и обратившись къ Лорду Роскелину: вошь сынъ швой и наслѣдникъ, кошораго я шебѣ представляю! Да будешь онъ не- разрывною цѣпью нашей вѣчной дру- жбы.“ Лордъ Роскелинъ, думая еще, что ему представляли зятя, пропхануль ему

руку, говоря съ веселостію: — возьми ее, сынъ мой, въ ожиданіи, пока я не вручу тебѣ въ церкви руки Машильдиной. — Рандольфъ не бралъ руки Графа; но вспавъ, сказалъ съ твердостію: „Дядюшка! я хочу почитать и любить васъ какъ впрочемъ отца, а Машильду какъ любимую сестру; но не могу ничего болѣе сдѣлать, — я никогда не женюсь: мое единственное желаніе есть посвящать жизнь свою опечесиву и Государю. — Бапюшка! не принуждайте меня, прибавилъ онъ, пожимая руку Сенш-Клера: и позвольте мнѣ ѣхать въ армію.“

— Я не отецъ твой, сказалъ Моншей съ выраженіемъ нѣжнымъ и печальнымъ: я имѣю къ тебѣ эши чувства, и не болѣе тебя люблю шроихъ дѣшей моихъ; но уже время открыть истину: Рандольфъ! ты не мой сынъ. —

Молодой человекъ горестно вскрикнулъ и закрылъ лице руками, положивши на шюль голову. , Рандольфъ не сынъ твой! вскричалъ Роскелинъ: вели-

кій Боже! Кто же, наконецъ, счастливые его родители? Но безъ сомнѣнія они уже не существуютъ, потому что онъ самъ ихъ не знаетъ, кто бы могъ бытъ отцемъ такого сына и имъ гордиться? Не вѣрели ли онъ тебѣ въ дѣтствѣ? не уже ли рожденіе его тайна?"

— Родители его еще живы, сказалъ Моншей: скажи мнѣ, братецъ, какъ ты думаешь, будутъ ли они довольны сыномъ, котораго я имъ возвращу? —

„Я думаю, сказалъ Лордъ Роскеллинь: что они будутъ очень счастливы. О, еслибы было возможно! . . . Но вѣшь! тщетная надежда! — Смерть и разбойники не возвращаютъ своей добычи! — Но скажи мнѣ, братецъ, заклинаю тебя Небомъ, откуда получила ты это сокровище? кто тебѣ вручилъ его?"

— Это я, я, сказалъ Сиръ Александръ: и мой младшій братъ Рандольфъ Мак-Грегоръ, который любилъ его, далъ ему свое имя, и все имѣніе свое по смерти. —

„И такъ онъ вашъ сынъ, или его?“
спросилъ Лордъ Жонъ.

— Ни того, ни другаго: онъ былъ нашъ плѣнникъ. Мы похитили его столь маленькимъ, что онъ не могъ еще ничего помнись о своей фамилии; мы отдали его Сент-Клеру, коимъ усыновилъ его прошивъ воли своей, но потомъ подлюбилъ его какъ сына. —

„Вы похитили его! сказалъ съ живостию Лордъ: заклинаю васъ Небомъ, Сиръ Александръ! гдѣ и когда вы его похитили? . . . Но нѣтъ . . . это не возможно. . . .“

Во время этого разговора Рандольфъ оставался все въ одномъ положеніи и казался неподвижнымъ; но вдругъ вспаль. — На что мнѣ знашь, сказалъ онъ: кому долженъ я несчастнымъ моимъ существованіемъ. Ахъ! естли Моншей не признаешь меня своимъ сыномъ, то я не желаю имѣшь другаго отца; свѣшь для меня открышь, и я оставляю навсегда Шотландію. —

«Нѣтъ, нѣтъ! сказала Роскелинъ: благородный Рандольфъ! кто бы ты ни былъ, я равномерно принимаю тебя своимъ зятемъ и только желаю знать твое настоящее имя, чтобы исполнить мое обѣщаніе и назвать тебя сыномъ.»⁶⁶

— И такъ, сказала Моншей съ сильнымъ выраженіемъ: назови его своимъ сыномъ, ибо онъ одолженъ тебѣ жизнию. Имя его есть Монтроузъ Роскелинъ, старшій твой сынъ и наследникъ, который былъ у тебя похищенъ на границахъ Англіи не разбойниками, но друзьями моими, въ движеніи безразсуднаго усердія, которое я сначала не одобрилъ; разные причины заставили меня удерживать его и воспитывать какъ роднаго своего сына. Я возвращаю его тебѣ, не перешагивая бытъ по прежнему опцемъ. —

Лордъ Роскелинъ оцъ удивленія не могъ произнести ни слова, и чувствовалъ себя гошовымъ упасиъ въ обморокъ; Лади Роскелинъ, не менѣе его пораженная, скоро подошла къ Рандольфу, и взявши

перемѣнившись въ лицѣ: онъ былъ въ ужасномъ онѣмѣніи. Опець пропянулъ къ нему руки, произнося имя Монпроза; но онъ не видалъ его, не слыхалъ и не сдѣлалъ никакого движенія. „О, Моншей! вскричалъ Лордъ Жонъ съ опечаленіемъ: я просилъ бы шебѣ все, кромѣ того, что ты похищилъ у меня любовь сыновнюю.“

— Нѣтъ, нѣтъ! сказалъ Сиръ Александръ: не вѣрныя этому; нашъ Рандольфъ будетъ для васъ нѣжнѣйшимъ сыномъ. Проспите первой минушѣ замѣшательства и удивленія; онъ не видитъ, не слышитъ ничего и не знаетъ, гдѣ онъ; но мы опѣчаемъ за его сердце, ибо сами его образовали. Радуйся, Роскеллинь! Въспомо женоподобнаго придворнаго мы возвращаемъ шебѣ юношу, воспитаннаго на скалахъ Барро, шакъ крѣпкаго, какъ они, избавителя своего Короля, надежду своего опечества. Естли бы онъ былъ нѣжно воспитанъ въ гла-

захъ машери, шо знали ли бы въ будущиѣхъ временахъ, что ты имѣлъ сына? —

„Ахъ! сказала Роскелинъ: ты говоришь какъ герой, а я чувствую какъ опецъ, — сынъ мой любилъ бы меня.“

При эсихъ прогашельныхъ словахъ Амбруазина примѣшила, что время уже было поговорить сердцу молодого человека; она подошла къ нему, и обнявши, сказала шижимъ голосомъ: — Приди въ себя, сынъ мой, милый Рандольфъ! уступи сладкому гласу природы; онъ долженъ бышь слышимъ въ такомъ сердцѣ, какъ швое; поди въ объятія опца, давшего тебѣ жизнь, и къ ногамъ доброй бабушки, кошорая имѣла попеченіе о твоємъ дѣтствѣ. Щасливый молодой человекъ! для тебѣ удвоены самыя сладосныя чувства природы; опецъ Зины не всегда ли будешь швоимъ опцемъ? и мать ея не будешь ли также швоею машерью? —

Какъ бы волшебная сила, такъ эшо слово излекли Рандольфа изъ онѣмѣнія,

въ которое онъ казался погруженнымъ; слезы его текли ручьями. „Боже! ска-
заль онъ, пожимая руки Амбруазины: я
все сынъ вашъ, и могу безъ пресшуле-
нiя обожать Зину!“ Онъ пообъжалъ бро-
ситься къ ногамъ Графа. „Прости свое-
му сыну, сказалъ онъ ему: первую ми-
нуту смущенiя; дай ему свое благосло-
венiе; да будешь онъ своимъ сыномъ, ща-
сливымъ сыномъ, не преставая имъ бышь
у Монпея и Амбруазины: пусть Зина сдѣ-
лается также своею дочерью!“

— Это мое сердечное желанiе, —
вскричалъ Лордъ Жонъ въ радостномъ
восхищенiи, обнимая своего сына. Бы-
стрѣе молнiи молодой человекъ бросился
на колѣни передъ своею бабушкою, ко-
торая приходила въ себя и слабо произ-
носила имя Монпроза. Зина скрыла свое
смущенiе и радость, помогая ей. Лади Ро-
скелинъ прижала къ груди обѣихъ вну-
чашъ своихъ; щеки ихъ допронулись, и
это чувство, столь жестокое и сладо-
стное, которое ощущалъ Рандольфъ,

приближаясь къ Зинѣ, когда онъ почишалъ ее сестрою, сдѣлалось для него шеперь пріятнымъ.

Лади Роскелинъ не могла на него на-смотретьшьяся, и приподнимая рукавъ его одежды, повсоряла: „Эпо онъ, точно онъ, шопъ милый Монпрозь, которой спюиль мнѣ сполько слезъ! Ахъ, Моншей! ты опмспиль за себя; но я очень была виновна, и эша минуша все загладила.“

— Сударыня! сказалъ Сиръ Александръ: Моншей ничѣмъ не виновать въ эшомъ дѣлѣ. Лордъ Роскелинъ, помнише ли вы Шопландскихъ монпаньяровъ, которые приходили съ приказаніемъ Сенш - Клера о деньгахъ на Карнежіо? —

„Я ихъ помню, сказалъ Лордъ Жонъ: я очень грубо съ ними посшупиль; они хорошо мнѣ за шо опплашили, и я всегда подозрѣвалъ ихъ, что они казались...“

— Вы не обманулись, опвѣчалъ Сиръ Александръ: эпо былъ брашъ мой Гандольфъ Мак-Грегоръ и восемь изъ нашихъ

изгнанныхъ друзей. Никогда не оскорбляли безъ наказанія Мак-Грегоровъ, а наипаче гордаго Рандольфа. Случай допустилъ ему вспрѣтись съ коляскою вашей машушки; возвращавшей вамъ сына, и слишкомъ живо подстрекнулъ его, чѣобы онъ могъ шому вопрошивишься; я былъ съ нимъ, вошелъ въ его видя, и мы похишили дитя, которое брашь мой увезъ въ Барро, съ намѣреніемъ хранишь его какъ залогъ, естѣли покусяшся на жизнь или свободу Сенш-Клера. Я долженъ сказашь вамъ, чѣо онъ одинъ шолько жулилъ нашъ поступокъ, и хошѣлъ, чѣобы вамъ возвратили сына безъ всякихъ условій; но какъ онъ одинъ былъ эшого мнѣнія, шо мы превозмогли его, мы дали кляпву хранишь дитя и шайну, и исполнили эшо. —

„Мы рѣшились, прибавилъ Гамилъшпонъ: сдѣлашь сына швоего нашимъ другомъ и залогомъ примиренія; мы воспишали его съ величайшимъ попеченіемъ, и онъ соотвѣтшвовалъ нашему ожиданію

выше всякой надежды. Сенш - Клеръ былъ опцемъ его, а мы всѣ друзьями и наставниками: одни въ шѣлесныхъ упражненіяхъ, другіе же въ образованіи ума его; ничто не было оставлено; мы гордились нашимъ воспитанникомъ, а ты долженъ гордиться сыномъ.“

Долгое время говорили объ этомъ предметѣ, о воспитаніи, полученномъ Рандольфомъ, причинахъ, заславившихъ Сенш - Клера оплататъ возвращеніе его фамиліи, и наконецъ о намѣреніи сочетатъ его бракомъ съ Зиною; но оно было опложено.

— Думаете ли вы, [что супруга ваша согласится на это? сказала Моншей: и приметь ли она своего сына, воспитаннаго Моншеемъ, котораго она ненавидитъ, не зная этого? —

„Должно надѣяться, что природа сиянетъ говоритъ въ ея сердцѣ, сказала Лордъ Роскелинъ: хочешь ли ты, сынъ мой, чтобы я завтра предсавилъ тебѣ твоей манери?“

— Не лучше ли ее о томъ предупредомишь, сказала Амбруазина: въ елабомъ соспояннн, въ какомъ она находится, это движеніе можешь ей споишь жизни. —

Графъ одобрилъ эту мысль и рѣшился возврашнсь чрезъ нѣсколькo дней въ Замокъ Роскелинъ. Будучи еще слабъ отъ своей раны, и слѣдуя первому движенію, онъ хошѣлъ ѣхать завтра; но скоро почувсшвоваль, что не могъ этого сдѣлать, и усшупилъ желанію провесшн нѣсколькo дней въ спокойсшвіи въ нѣдрахъ своей фамиліи и съ своимъ сыномъ. Рандольфъ или Монпрозь вознаградилъ первыя минушы своей холодносшн выраженіемъ испинной сыновней нѣжносшн; онъ вспомнилъ вдругъ, что въ Замокъ были двѣ особы, для коихъ это опкрышіе было бы величайшимъ щасшн-емъ, и онъ выпросилъ позволеніе обнять свою кормилицу и молодшную сесшру Сарру и Марію Граншъ. Онъ побѣжалъ туда; и можно сшдишь о ихъ радосшн. —

Восхищеніе кормилицы возвратило ей употребленіе ногъ; надобно было ей показать красную руку, кошорую она знала лучше всѣхъ. Она не могла усшать, смотря на своего любезнаго Монпроза, и повпорять, что это онъ; Зина также пришла обнять кормилицу и обѣщая ей, что она будетъ жить съ ними. Молодые любовники пошли потомъ прогуляться въ паркъ. Сколько вещей имѣла она сказать себѣ, и однакожь сказала одно только слово, повпоряемое тысячу тысячъ разъ: „Мы уже не оставимъ другъ друга; любезнѣйшая сестра будетъ обожаемою супругою; лучший изъ братьевъ будетъ любезнѣйшимъ супругомъ!“

Зина съ трудомъ могла просишь Монпрозу первую минуту печали, кошорую онъ ощутилъ, узнавши, что не былъ ея братомъ; онъ самъ едва могъ это понять, ибо все былъ сыномъ Монтея и Амбруазины, и мужемъ своей милой Зины. Онъ рассказалъ ей все, что

терпѣль , чувствуя , сколь много любила ее ; а мнѣ казалось , сказала она , что я не довольно еще любила себя .

По возвращеніи въ Замокъ они нашли , что все было приготоовлено къ празднику для всѣхъ крестьянъ . Лордъ Роскелинъ желалъ бы весь свѣтъ сдѣлать свидѣтелемъ своего счастья ; онъ разсыпалъ благодѣянія не только въ Замокѣ , но даже въ деревняхъ , которыя зависѣли отъ Моншея , и далъ пенсію кормилицѣ своего сына .

Вечеромъ Замокъ былъ иллюминированъ ; большой столъ былъ поставленъ посреди двора и распавлены бочки съ виномъ и пивомъ ; музыканты играли веселыя плясовые пѣсни , и со всѣхъ сторонъ слышны были восклицанія : „Да здравствуютъ Лорды Роскелинъ и Моншей ! да здравствуютъ молодой и храбрый Лордъ Монпрозь и Зина !“ Эти увеселенія продолжались цѣлую недѣлю ; послѣ чего Графъ назначилъ на завтра свой ошѣздъ .

„Монпрозь! сказалъ онъ своему сыну: мнѣ пришла мысль взять изъ Эдинбурга своего друга Рональдза, котораго я шамъ оставилъ; я имѣю нужду въ человекѣ, съ которымъ могъ бы говорить о щасіи сына, и въ продолженіи нѣсколькихъ дней, какъ я буду съ нимъ въ разлукѣ, онъ поѣдетъ со мною въ Роскелинъ. Лишь только я пригошю машь свою принять тебя, то онъ пріѣдетъ къ тебѣ, чтобы привезши какъ можно поспѣшнѣе шуда.“ Лордъ Монпрозь, желавшій, чтобы брашь его по оружію сдѣлался дѣйствительно ему брашомъ, женившись на Машильдѣ, одобрилъ это намѣреніе, и сказалъ своему опцу, что будетъ соупшшвовашъ ему до Эдинбурга. Вечеромъ, будучи съ нимъ одинъ, онъ сдѣлалъ ему довѣренность о любви своего друга Лорда Рональдза къ сеспрѣ своей, и получилъ согласіе опъ опца, которой ни въ чемъ не могъ ему опказать и который самъ почипалъ молодаго Лорда. Рандольфъ радовался, что самъ увѣдо-

мишъ его о такомъ щастіи, и это щасье упѣшало его въ помъ, что оставяль на нѣсколько дней Моншея и свою милую Зину.

Г Л А В А XV.

И такъ на другой день Лордъ Роскелинъ уѣхаль съ своимъ сыномъ. Приѣхавши въ Единбургъ, они прежде всего пошли въ домъ Лорда Рональда; его шамъ не было. Люди его сказали, что будеть около часу, какъ онъ уѣхаль верхомъ одинъ, сказавши, чтобъ его не дожидались, пошому что не знаеть, скоро ли онъ возвратится, и что они не знали дороги, по которой онъ поѣхаль. Эта оплчка перемѣнила намѣреніе Лорда Жона; но Монпрозь просиль его позволить ему, какъ уже намѣреніе его перемѣнилось опсуществомъ ихъ друга, ѣхать съ нимъ въ Роскелинъ. „Это правда, что я спрашусь, сказалъ онъ: приему, которой сдѣлаеть мнѣ машь

роя, и перваго нашего свиданія; но неперпѣнне увидѣть сесприцу Машильду тревозмогаешъ страхъ мой; я неперпѣнне желаю бытъ ей вами представленнымъ какъ братъ: подъ эшимъ шишломъ она замѣнитъ Зину въ моемъ сердцѣ. И такъ позволше, любезный батюшка, ивѣ съ вами ѣхашъ. Машушка, говорите вы, сидитъ въ своей комнашѣ по причинѣ болѣзни; намъ легко будешъ увидѣть прежде нея сесприцу, и я подожду, скрывшись въ ея комнашѣ, того времени, какъ вы откроеше машушкѣ, что сынъ ея Монпрозь найденъ: да проспишъ она для него Рандольфу!»

Лордъ Роскелинъ, радуясь, что не разлучился съ своимъ сыномъ, согласился на эшо, и не шеря времени, они продолжали свой путь, погоняя лошадей, чтобы прѣхашъ въ Замокъ прежде, нежели зауршъ его, ибо вечеръ уже наступалъ.

Въ продолженіе отсутствія Роскелина добрый нравъ и крошесль Елеоноры

ры были до того поддерживаемы, чпо
 почли бы ее нѣжнѣйшею матерью; она
 оказывала дочери своей дружбу и не по-
 кидала ее ни на минушу, повпоряя без-
 прешанно, что ей ничего не стоило
 сдѣлать ее щаспливою. Машильда, не
 привыкшая къ благосклонности своей ма-
 тери, очень была къ ней чувствительна,
 и увѣряла ее съ своей стороны, что она
 можетъ всего ожидать отъ ея дочерней
 любви.

— И однакожь, сказала Графиня,
 обнявъ ее: мы обѣ не будемъ щаспливы
 ты сдѣлаешь мнѣ зятемъ человѣка, ко-
 шораго я ненавижу, и выйдешь за-мужъ
 совсѣмъ не за того, кого любишь. —

„Я, матушка? сказала Машильда
 покраснѣвъ . . . Вы думаете . . . Увѣ-
 ряю васъ. . .“

— Не увѣрай меня ни въ чемъ, дочь
 моя; я прочла въ швоемъ сердцѣ: швое
 щаспье слишкомъ занимаетъ меня, чпо-
 бы я не старалась его проникнуть. Я

увидѣла въ немъ, что ты любишь Лорда Рональдза, и не удивляюсь тому; но, бѣдное дитя! какъ жестоко думать, что тобою пожертвуютъ властолюбію твоей бабушки, которая любитъ теперь только стариннаго своего сына и его ненавистную фамилію! Отецъ твой уступилъ прежде нашимъ желаніемъ; но мать его имъ управляетъ, и ты ни на что не должна надѣяться, кромѣ любви твоей, мужества и моей махерней вѣжностіи. —

Машильда вздохнула и бросилась въ объятія своей махери. „Это правда, сказала она: я не хочу паить передъ машушкою; Лордъ Рональдза понравился мнѣ съ первой минушы, какъ я его увидѣла, и щещно сопротивлялась склонности, меня увлекавшей. Онъ признался, что любитъ меня, и я вѣрю этому; но обѣщая, клялась я бапюшкѣ не располагать собою безъ его воли. Лордъ Рональдза хочешь поговорить съ Рандоль-

фомъ ; Рандольфъ добръ и великодушень, башюшка также : они не захошяшь сдѣлашь меня несчастною.“

— Бѣдная дѣвица ! сказала Графиня : ты не знаешь , шакъ какъ я знаю , эпого Моншея . Его любимецъ , сынъ его Рандольфъ , ешь незаконнорожденный , хошя онъ и сказалъ опцу швоему прошивное ; но я навѣрное знаю , что онъ не имѣль другой законной жены , кромѣ владѣшельницы Киншала , а Рандольфъ не сынъ Амбруазины : онъ имѣеть матерью какую нибудь презрипельную и неизвѣспную женщину , копорую Моншей не смѣеть назвашь . И шакъ онъ не имѣеть никакого права ни на землю Киншаль , ни на Моншей ; онъ ничего не имѣеть , и опецъ хочеть обогатишь его , женивши на единспвенной дочери своего брата , и ты думаешь , дурочка , что они оставяшь эпо намѣреніе . Опецъ швой , болѣе управляемый ими , нежели былъ мною , сдѣлаешь все , что они захошяшь . Онъ не будетъ слушашь ни

прозьбъ твоихъ, ни слезъ; тебя повлекушъ къ олшарю, и эшошь великодушный Рандольфъ извинитъ себя, говоря также, какъ и ты, что онъ не хотѣлъ слушаться своего отца. Но мать также имѣешь свои права, и я ихъ употреблю, чтобы сдѣлать вѣрнымъ благополучіе моей милой Машильды; я прошу тебя только, чтобы ты оставила мнѣ себя руководствовашь. —

„Прикажете машушка, что я должна дѣлать?“

— Написать къ Лорлу Рональдзѣ, прося его пріѣхать, не теряя времени, — ибо со дня на день отецъ твой можетъ привезти Рандольфа, — но чтобы онъ пріѣхалъ въ эшошь же вечеръ; я ожидаю тебя ему здѣсь въ этой церкви; одинъ изъ Священниковъ сосѣдняго монастыря уже обѣщаль мнѣ соединить васъ, и когда отецъ твой возвратится съ этимъ ненавистнымъ Рандольфомъ, то найдешь тебя уже замужнею. —

„О Боже! сказала Матильда: я оскорблю башюшку, пресшулю данное мною слово. Писашь къ Лорду Рональдзѣ, предлагаешь ему мою руку. . . . Нѣшь, машушка! я не должна забывать, чѣмъ я должна башюшкѣ и самой себѣ.“

— Непослушная дочь! безчувственная любовница! вскричала Елеонора, пришедши въ бѣшенство, опъ котораго едва удерживалась въ продолженіе нѣсколькихъ дней: не уже ли ты хочешь лучше быть невѣрною женою и причинишь смерть своей матери? — Матильда запрепещала. — И я также, продолжала Елеонора: даю клятву, что въ шопъ день, въ которой ты выйдешь за Рандольфа, эшопъ кинжалъ пронзишь сердце твоей матери, — и показала ей одинъ, который носила за своимъ поясомъ. — Теперь выбирай меня, или отца своего; Моншеевъ, или Рональдза. —

„О Боже мой! сказала дѣвица, испугавшись и бросившись къ ногамъ Ея:

матушка! пожалѣйте о себѣ и обо мнѣ; дайте мнѣ время умилоспивить бапюшку! Онѣ также любитѣ Лорда Рональда; и когда я открою ему мое сердце, то вѣрьте, что будушѣ съ вами согласенѣ, чтобы составить мое щаспие.“

— Нѣтъ, нѣтъ! сказала эпа женщина, внѣ себя отѣ бѣшенства: я не хочу быть болѣе съ нимѣ въ согласіи. Не сказалѣ ли онѣ мнѣ, что власпѣ моя уже прошла и что мнѣ должно быть покорною и послушною? Онѣ научился знапѣ меня; будушѣ знапѣ, можешѣ ли онѣ меня превозмогать! Я хочу, чтобы по возвращеніи онѣ нашелѣ тебя за-мужемъ по одной моей волѣ, и чтобы въ свою очередь онѣ покорялся и повиновался моимѣ желаніямѣ; наконецѣ я предвидѣла пвой отказѣ также, какѣ и опецѣ. Ты не имѣешь никакой пвердостп въ своемѣ характерѣ; ты жертвуешь любовникомѣ достойнымѣ тебя, чтобы выйти за-мужѣ за незаконнаго сына Сенш-Клера Моншея.

Нѣтъ, я хочу услужить тебѣ противъ твоей воли, хочу соединить себя съ твоимъ любимымъ; ты скоро его увидишь, ибо ему опдана нынѣшнимъ ушромъ записка, написанная подъ твоимъ именемъ, и я ожидаю его съ минутой на минутой. Еслили это правда, что онъ тебя любитъ, то не опважись потерять себя и лучше меня уговоришь себя. —

„Еслили Лордъ Рональда любитъ меня, сказала Машильда: то не потребуешь ничего противнаго моей должности,“ и поклонившись съ почтеніемъ, она вышла изъ залы и пошла искать помощи въ обыкновенномъ прибѣжищѣ своемъ — моливѣ на колѣняхъ предъ маленькою моливенницею, копорую она имѣла въ своей комнатѣ. Она просила Бога подать ей силу сдержатъ обѣщаніе, данное ею опцу своему, не приводя мапери своей къ виновнымъ крайностямъ. О милосердый Боже! говорила она съ усердіемъ: пронься сердце, возврати въ него миръ; не до-

пусти, чтобы я, преслушивши мою должность, съ какимъ бы удовольствіемъ повиновалась я моему родителю въ согласіи съ мамушкою, естли бы онъ приказывалъ мнѣ соединиться съ Лордомъ Рональдзою, и какъ жестоко отказываюсь отъ того, чтобы сдѣлало меня щасливою :

Къ этому безпокойству присоединилось безпокойство также и о спраннымъ мнѣніи, которое бы возымѣлъ Лордъ Рональдаза, получивши эту записку, когда она звала его шотчасъ по отъѣздѣ своего отца; она неперѣливо ожидала его пріѣзда, чтобы увидѣть его и сказать ему, что не она къ нему писала; но естли онъ не пріѣдетъ, естли почтешъ меня слабою, презрительною дѣвицею. . . . эта мысль еще болѣе для нее несноснѣе, прошивъ которой она не находила ни мужества, ни утѣшенія.

Онъ въ самомъ дѣлѣ получилъ съ посланнымъ записку, и удивленіе его

было чрезвычайно; она заключалась въ слѣдующихъ словахъ:

„Естьли Лордъ Рональдза любилъ
 „Машильду Роскелинъ, какъ все заста-
 „вляешь ее это думать, то она просилъ
 „его возвратиться въ Замокъ Роскелинъ
 „тотчасъ по полученіи записки; онъ полу-
 „чилъ тамъ награду любви, которая
 „его туда приведетъ.“

Лордъ Рональда не зналъ почерка Ма-
 шильды, но зналъ ея добродѣтель, скром-
 носшь и цѣломудріе, и не могъ понять, какъ
 она позволила себѣ поспунокъ, столь мало
 сообразной съ ея поломъ; лѣтами, столь
 прошивной ея характеру и всему тому,
 что она выражала ему въ своихъ разго-
 ворахъ. Однакожъ было возможно, что
 съ нею случилось какое нибудь приключе-
 ніе, требующее его помощи и совѣта,
 или которое могло податьъ ему какую
 нибудь надежду; она обѣщала ему награ-
 ду любви, которая приведетъ его въ За-
 мокъ. О! думалъ онъ, какъ велика бу-
 дешъ эта награда! И еслили она ра-

вняется съ моей любовью! Но та ли это Машильда цѣломудренная, скромная Машильда, кошорая мнѣ это обѣщаетъ! Онъ спрашивалъ посланнаго. Слѣдуя почному приказанію, имъ полученному, сей послѣдній оповѣчалъ ему, что точно Лади Машильда послала его, и что ничего не случилось въ Замкѣ необыкновеннаго; я долженъ, сказалъ онъ, поспѣшь туда возвратиться съ ошеѣтомъ. Рональдза сказалъ, что онъ за нимъ послѣдуешь, и выслалъ его. Дѣла, которыми онъ былъ обремененъ, продержали его два часа; наконецъ онъ сѣлъ на лошадей и поскакалъ изъ Эдинбурга въ Роскелинъ; однакожь прежде ночи онъ не могъ туда прѣхать. Онъ былъ остановленъ на мосту однимъ человѣкомъ: это былъ поспѣшь же посланный, самый преданный слуга Графинѣ. Онъ подошелъ къ Рональдзѣ и сказалъ ему, что имѣлъ приказаніе попросить его сойти съ лошади и слѣдовать за нимъ въ то мѣсто, гдѣ ожидала его Лади Машильда. Удивленіе Лорда

превзошло его непернѣливость; онъ сдѣлалъ, что приказывала Машильда, и позволилъ вести себя. Въместо того, чтобы идти на дворъ, человекъ его ведшій отворилъ ту же самую внутреннюю церковь, гдѣ нѣкогда Амбруазина имѣла свиданіе съ Моншеемъ во время ихъ бѣгства.

Она была освѣщена и олтарь былъ украшенъ какъ бы для церемоніи; передъ нимъ спояла Графиня въ угрожающемъ положеніи съ кинжаломъ въ рукѣ и Машильда въ слезахъ возлѣ нее на коленяхъ.

Рональдза! зашрепепалъ при этомъ видѣ; онъ думаетъ, что раздраженная мать, опкрывши, что дочь любила его, призвала его и хочетъ за то наказать; но Елеонора не долго оставила его въ эгихъ мысляхъ. Видя его входящимъ, она пошла къ нему на встрѣчу.

„Рональдза! сказала она ему: ты любишь Машильду, и она твоя; я отдаю ее тебѣ по моей материнской вла-

ени. Она также тебя любишь; но должность сражается еще въ ея сердцѣ: она боится оскорбить своего отца, но не боится мнѣ сопротивляться; присоединись ко мнѣ, чтобы засшавишь ея рѣшишься. Священникъ ожидаетъ моихъ приказаній въ ризницѣ. Пусть эта слабая дѣвица согласится соединиться съ человѣкомъ, котораго она любитъ и сама выбрала; Лордъ Жонъ и его Рандольфъ прѣдутъ слишкомъ поздно, и я буду радоваться ихъ щещному гнѣву.

Машильда не смѣла прервать ее; лишь только она могла это сдѣлать, то сложивъ руки, вскричала:— Рональдаза! записка, которую вы получили, вовсе не отъ меня. Такъ, я люблю васъ, признаюсь въ томъ, но безъ согласія моего родителя можемъ ли мы Нѣтъ, никогда! . . . —

Безъ этого согласія, сказалъ Рональдаза: я опказываюсь отъ щассія, за которое ошдалъ бы жизнь свою; но

хочу быть его достойнымъ. Ободришесь, милая Машильда; я не желаю, чтобы это щасшье васъ огорчало. Сударыня! сказала она Графиня: сохраните ко мнѣ вашу благосклонность и это предпочтене, коего всю цѣну я чувствую; я получу также согласіе ея родителя и буду признательнымъ сыномъ васъ обоихъ.

„Естьли ты будешь просить, естьли получишь это согласіе, вскричала съ бѣшенствомъ Елеонора: но не получишь моего; я хочу располагать дочерью по своей волѣ, соединить ее съ человекомъ, ею любимымъ, и который ее также любитъ — это моя должность и право; хочу, чтобы Жонъ, Сени-Клеръ и ихъ добродѣтельная мать узнали, что они не могутъ покорить меня своимъ желаніямъ; хочу спрошивляться всѣмъ Монтеямъ и Роскелинамъ; увѣрился, что это нанавистный Рандольфъ не сдѣлается никогда моимъ сыномъ; наконецъ, Рональда, вѣнчайся съ Машильдою сію

же минушу, или откажись опъ нее навсегда; я имѣю вѣрныя средства, что она никогда не будетъ ни Рандольфовой, ни швоею, естли шы колеблешься.“

— Я не колеблюсь, сказалъ Рональда, обнявши Машильду: любезная дѣвица! ваша рука не должна быть цѣною ненависти и мщенія; я не хочу быть ею одолженнымъ обманщицѣ. Храните обѣщаніе, данное вами родителю; онъ одинъ имѣетъ право располагать вашею рукою. Я не буду вашимъ супругомъ, но буду вашимъ другомъ и защитникомъ; я не оставлю васъ только для того, чтобы вручить вашему родителю. —

Онъ вспомнилъ о кинжалѣ, которой видѣлъ въ рукахъ Графини, и спрашился, чтобы она чего нибудь не предприняла. И въ самомъ дѣлѣ бѣшенство ея было чрезвычайно; лице ея покрылось смертною блѣдносною; съ нею сдѣлались конвульсіи. „И шакъ, сказала она голосомъ, удушаемымъ гнѣвомъ: все мнѣ сопротивляется; только опъ себя самой

должна я ожидать мщенія.“ При сихъ словахъ берешь свой кинжалъ; но онъ вырывается изъ препещущей ея руки, падаешь, и Рональдза поспѣшно подымаетъ его. Она изливаетъ свое бѣшенство въ щепныхъ ругательствахъ. . . Въ эту минушу дверь отворяется; слуга, приведшій Лорда Рональдза и появившій у входа церкви, вбѣгаетъ поспѣшно. — Лордъ Роскелинъ пріѣхалъ, сказалъ онъ: спрашиваетъ Лади Машильду, и хочешь ее видѣшь; онъ привезъ съ собою молодаго Лорда Рандольфа Монпея, избавителя Короля, какъ его называютъ. — Рональдза обрадовался, а Машильда испустила крикъ ужаса, видя мать свою упавшею безъ памяти; бѣжипъ къ ней и видипъ, что оборвавшаяся жила, бывши еще худо залѣчена, раскрылась съ такою жестокостью, что не оставяла никакой надежды. Лордъ Рональдза спѣшилъ къ ней на помощь; они подняли несчастную Елеонору и старались остановить кровь въ то время, какъ Графъ

и Монпрозь, слыша крикъ, вошли въ церковь. Лордъ Жонъ слишкомъ любилъ виновную Елеонору, чтобы не быть пронутымъ состояніемъ, въ которомъ нащель ее; онъ сдѣлалъ знакъ Рандольфу удалиться, ибо видъ его могъ бытъ пагубенъ бѣльной, есвли она придетъ въ память. Добрый молодой человекъ повиновался, и въ эту минушу онъ почувствовалъ по сердечному перзанію и сожалѣнію своему, что не могъ даже подойти къ своей матери, что это священное имя всегда говоритъ въ сыновнемъ сердцѣ.

Не понимая, для чего гушь былъ Лордъ Рональдза и что дѣлали въ церкви въ такое время, Лордъ Жонъ помогъ ему нести Елеонору. Положивши ее въ постель и поручивъ попеченіямъ дочери, онъ попребовалъ отъ него объясненій. Лордъ Рональдза былъ въ смущеніи. „Лади Елеонора, сказалъ онъ запинаясь: прочла въ моемъ сердцѣ; она хотѣла соединить меня съ Машильдою, . . . но дочь баша. . . .“

— Но что же, любезный Рональда, сказала Лордъ, прерывая его: не ужели дочь моя противится вашимъ желаніямъ; я шакже на шо согласенъ, и радуюсь, что Графиня эшо одобряеть. Еслили она будетъ жива, шо въ первый разъ мы будемъ съ нею согласны; я погово-рю съ Машильдою. —

„О Рандольфъ! сказала Лордъ Рональда: я не могу бышь щасливымъ на счетъ своего друга!“

— Рандольфъ не существуетъ болѣе; эшо Монпрозь, мой сынъ, котораго я потерялъ и котораго нашель оцять. Такъ вы не знали? . . . Такъ, я вспомнилъ, что вы неучаствовали въ шайнѣ. Позовите Лорда Монпроза, закричалъ онъ, и Лади Машильду; бѣдная Елена! когда будетъ она въ состояніи узнать объ нашемъ щастіи. —

Между тѣмъ, какъ исполняютъ эщи приказанія, онъ въ короткихъ словахъ рассказываетъ молодому Лорду о похищеніи своего сына изгнанниками и о всемъ,

что произошло въ Замкѣ Моншей.
 „Мой сынъ, сказалъ онъ ему: женился на
 своей двоюродной сестрѣ Зинѣ Моншей;
 вторая его мысль была соединить васъ
 съ Машильдою: я ему это обѣщала, и
 съ удовольствіемъ вамъ это подтверждаю.“ Но вошь и онъ.

Монпрозь сначала освѣдомился о
 состояніи Графини; она еще не пришла
 въ чувства. „Я узналъ, сказалъ Лордъ
 своей дочери: что ты сопротивлялась
 ея волѣ.“

— Такъ, бабушка, признаюсь въ томъ,
 и упрекала бы себя, еслибы знала, что
 мое сопротивленіе причинило ей паденіе;
 но она никогда не могла поправиться
 послѣ пагубнаго приключенія. Уже нѣ-
 сколько дней она дѣйствовала выше силъ
 своихъ; сего дня она хотѣла идти въ
 церковь и . . . усалось . . . волне-
 ніе. . . .

„Не набожность ли привела ее
 туда?“

„Нѣтъ, батюшка; это было. . . Я думала, что Лордъ Рональдза все разска- залъ вамъ. . .“

— Такъ, дочь моя, онъ увѣряетъ меня, что ты совершенно отказываешь- ся выдти за него замужъ; правда ли это?—

„Безъ вашего согласія, батюшка. . .“

— Хорошо, дочь моя; но ты зна- ешь, что я желаю только своего благо- получія. Вотъ твой двоюродной братъ Рандольфъ; онъ шелъ съ ошверзшими объятіями къ сестрѣ своей; отецъ далъ ему знакъ, и онъ остановился. — Вотъ твой братъ Рандольфъ; ты знаешь, для чего я привезъ его; но я оставляю тебѣ свободу выбиратьъ его, или Рональд- зу; помъ, копорого ты ошвергнешь, будешь швоимъ брашомъ. Согласны ли вы оба на это? —

„Клянемся въ помъ!“ сказали вмѣстѣ Рандольфъ и Рональдза: одинъ будешь ея супругомъ, а другой брашомъ.“

Машильда посмошрѣла съ робостью на своего отца. — Говори, сказалъ онъ

еще : я соглашаюсь на твой выборъ. — Тогда Машильда, пропянувъ руку къ Гандольфу, сказала ему съ крошкимъ выраженіемъ: „Признаете ли вы меня своею сестрою?“ Въмѣсто отвѣта онъ бросился въ ея объятія, повторяя: — Такъ, сестрица, назначенная не только природою, но и выборомъ своего сердца. — Предсавляя ее попомъ Лорду Рональдзѣ, „а ты, сказалъ онъ ему: теперь ты еще болѣе братъ мнѣ по дружбѣ и по любви. Вотъ рука сестры моей; да будешь ты также щасливъ, какъ Монпрозь и Зина!“

Машильда ничего не понимала; но Лордъ Роскельнъ изъяснилъ ей это, и предсавляя ей Монпроза, онъ обнялъ ихъ вмѣстѣ проихъ. — Я, сказалъ онъ: щасливѣйшій изъ ошцовъ! —

Ихъ обниманія были прерваны одною изъ женщинъ Графини, пришедшею увѣдомить ихъ, что госпожа ея пришла въ чувства и спрашивала дочь и своего супруга; они побѣжали шуда и изъ первыхъ словъ увидѣли, что она была близ-

ка къ кончинѣ. Подавши имъ знакъ съестъ подлѣ себя, „я чувствую, что скоро умру, сказала она едва внятнымъ голосомъ: проспите меня, ибо это для меня будетъ надеждою получить прощеніе на небесахъ. Раскелить! я была мученіемъ всей жизни; но дала тебѣ Матильду, наилучшую, послушнѣйшую изъ дочерей, и подъ именемъ ея матери я смѣю надѣяться забвенія моихъ преступленій; она любитъ Лорда Рональда и жертвовала имъ изъ повиновенія отцу своему. Если бы я могла надѣяться, что послѣдняя моя прозба будетъ услышана, то просила бы тебя о благополучіи твоей дочери, и чтобы ты отказался отъ намѣреній твоихъ въ разсужденіи Рандольфа. . . Хочешь ли ты дать мнѣ это доказательство твоего примиренія и прощенія?“

Плачущая Матильда цѣловала руки своей матери и не могла говорить; Лордъ Жонъ также плакалъ. — Елена, сказала она ей; я все забываю, если ли Небо даруетъ тебѣ жизнь; если ли ты возвра-

шины сердце супруги и мапери, то мы можемъ еще бышь щаспливы съ дѣтьми нашими. Я соглашаюсь на прозьбу твою; Машильда выйдеть за Лорда Рональдза, но съ условіемъ, что ты также согласишься на то, что я у тебя попрошу. —

„Говори; естли оно въ моей власти, то я обещаюсь.“

— Проси Рандольфа Моншея; онъ здѣсь, и согласись его видѣшь. —

На умирающемъ лицѣ Елеоноры еще выражался ужасъ. Она молчала нѣсколько минушь; пономъ сказала Лорду Жоноу: „Клянешься ли ты мнѣ, что онъ не будеть твоимъ сыномъ?“

— Клянусь, что онъ никогда не будеть мужемъ Машильды! —

„И такъ пущь придесть, сказала она съ усиліемъ: чего бы я не сдѣлала, дочь моя, чтобы загладить мои вины прошивъ тебя!“

Лордъ пошелъ за Рандольфомъ и скоро привелъ его къ посшелѣ умирающей мапери. Молодой чловѣкъ былъ пора-

женъ эшимъ зрѣлищемъ смерти, мыслию, что видѣлъ, давшую ему жизнь уже на краю гроба; сердечное движеніе, рыданіе Манпильды и отца его, все это споль живо возбудило его чувствительность, что онъ самъ заплакалъ и упалъ на колѣни. Елеонора съ удивленіемъ на него смотрѣла. „Ты плачешь, молодой челвѣкъ, сказала она ему: а твоя непріятельница умираеть; всѣ страсти погасаютъ въ эту страшную минушу. О Рандольфъ! я не ненавижу болѣе ни себя, ни отца твоего; произнеси также благословеніе для души моей!“ Молодой челвѣкъ не могъ говорить; рыданія удушали его голосъ.

— Ты просишь у него благословенія, сказалъ Графъ: дай ему свое, Елена. Вспоминаешь ли ты нашего старшаго сына Лорда Монпроза, котораго у насъ прохитили? —

„Помню ли я! О Боже, что ты хочешь сказать!“ и смерть казалась на нѣсколь-
ко минушу онь нее удалившеюся: румянецъ появился на щекахъ ея, взоръ

оживились; она приподнялась. „Рандольфъ! сказала она: покажи мнѣ правую пивую руку.“ Роскелинъ поднялъ рукавъ плащя Рандольфова. — Такъ; Елеонора, онъ сынъ нашъ Монпрозь. — Елеонора слабо вскрикнула: „Сынъ мой! благословляю тебя! просни. . . просни мать свою. . . .“ Голова ея упала назадъ, глаза закрылись и смертная блѣдность покрыла лице ея: Елеонора уже не существовала. Въ первыя минуты сказали бы, судя по печали всѣхъ окружающихъ ее, рыданіямъ Лорда Жона и дѣтей его, что они потеряли наилучшую супругу и мать. — Лордъ Рональдза присоединился также къ плачущимъ друзьямъ своимъ; Графиня всегда была къ нему благосклонна, и сверхъ того мать его любезной Машильды. Она смѣшала свои слезы, и нѣжныя попеченія любви едва могли ушѣшительную печаль чувствительной Машильды; слезы Лорда Жона были искренни. Онъ зналъ пороки жены своей, но любилъ ее; однакожь горесть ихъ была не тако-

ва, какъ ешьлибъ они поперяли супругу и мать, исполнившую свою должность; она поспешенно утѣшилась. Лордъ Роскельнъ имѣлъ удовольствіе представить Монпроза своимъ крѣстьянамъ какъ сына своего и наследника. Графиня не такъ была любима, чшобы смерть ея была оплакиваема шѣми, копорые отъ нее завистѣли; а благородные и пріяшныя поступки Лорда Монпроза обѣщали имъ благополучіе на будущее время.

Когда всѣ церемоніи погребенія Графини были кончены, они рѣшились ѣхать въ Моншей. Проѣзжая чрезъ Спирлингъ, они засвидѣтельствовали должное почтеніе Королю, копорой выразилъ имъ свою радость о соединеніи обѣихъ фамилій, и предпринимаемыхъ бракахъ; обѣщаль имъ эшимъ заняшся и выпроситъ церковное разрѣшеніе на бракъ Монпроза и Зины.

Посланный привезъ въ Моншей извѣстіе о смерти Графини и скоромъ пріѣздѣ Лорда Жона и дѣшей его. Ничего не щадили, чшобы усладитъ горестъ Ма-

пильды. Любовь бабушки, которую она увидѣла съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ, попеченія Амбруазины, дружба Зины, Рандольфа и ея двоюродныхъ братьевъ, соединенныя съ любовью Рональдзы, произвели наконецъ желанное дѣйствіе. Но будучи всегда привязана къ набожности, она выпросила и получила позволеніе опъ своего дяди цѣлый мѣсяць служить панихиды за упокой души ея матери и всегда при нихъ присутствовала. По прошествіи этого времени Моншей, чтобы совершенно разсѣять ея печаль, предположилъ сѣздишь въ Кинталь и Барро, что было принято и пошчасъ исполнено.

Пріѣзль ихъ на острова обрадоваль добрыхъ оспровитиель; они увидѣли, что любезный начальникъ былъ по прежнему ихъ другомъ. Путешественники провели въ крѣпости цѣлый мѣсяць. Зина нашла себя тамъ еще щасливѣе, нежели въ дѣйствѣ, и тысячи воспоминаній распробали Амбруазину и Моншея. Намесь

и Сейнт - Клеръ нашли шамъ товарищей своего дѣшества ; Рандольфъ и Рональда вездѣ были щасливы съ Зиною и Машильдою ; Лордъ Жонъ и дочь его , не знавшіе Гебришскихъ острововъ , удивлялись ихъ дикимъ красотамъ . Оттуда они поѣхали на Арнадскіе острова , и проживши еще нѣскольکو времени въ Замкѣ Рональдзы , они возвратились въ Шотландію , посѣщая помѣстья друзей своихъ , бывшія на пуши .

Леди Роскелинъ соупутствовала имъ въ этомъ пушешествіи ; она была пронута до слезъ , видя ужасное жилище , въ которое она изгнала на споль долгое время своего сына . „ Можешь ли ты простишь , меня ? говорила она ему , смотря на высокія и до половины разрушившіяся стѣны крѣпости : что же до меня касается , то я этого никогда не прощу себѣ . “

Моншей показаль ей рукою на Амбруазину и дѣшей ея . — Здѣсь , сказала онъ : она жила со мною ; шунъ она родилась и шунъ я былъ , вопреки жребію , щасливѣйшимъ изъ людей ! —

Наконецъ они возвратились въ Моншею и получили разрѣшеніе церкви. Лордъ Рональда выпросилъ у Графа и Машильды, чтобы ему женился, не дожидаясь времени прошествія траура. Обѣ чепы пришли въ ночь же день къ Королю, который почтилъ бракъ ихъ своимъ присутствіемъ, обременивъ ихъ подарками и знаками отличія. Всеобщая радость царствовала между жителями помѣстной обѣихъ фамилій; союзъ между братьями былъ еще болѣе утверждёнъ бракомъ ихъ дѣтей, и эта связь сдѣлалась еще крѣпчайшею по прошествіи года, рожденіемъ сына у Монпроза и Зины; эта вѣжная супруга просила, чтобы сынъ ихъ носилъ имя Рандольфа, которое имъ всѣмъ было драгоцѣнно.

Машильда также произвела на свѣтъ дочь и съ трудомъ можно было рѣшить, которая изъ новобрачныхъ была щастливѣе. Монпрозь и Рональда сдѣлались опцами, не преставаая быти любовниками въ продолженіе всей своей жизни.

Вдовспвуащая Лади Роскелинъ прово- дила одну половину года въ Роскелинъ , а другую въ Моншеъ , гдѣ жилъ Рональд- за ; вездѣ дѣлали для нее праздники , и ласкали ее ; она видѣла своихъ правну- ковъ и скончалась посреди своей фамилии , сожалѣя о времени , въ копорое она была съ ними въ разлукѣ .

Друзья Моншея рѣдко съ нимъ раз- спавались ; Россъ Гамильшонъ и Мак-Грег- горъ жили въ своихъ помѣстьяхъ неда- леко отъ Моншея , копорыя онъ частіе посѣщаль . Какъ Монпрозь опказался отъ наслѣдства оставленнаго ему его воспре- емникомъ Рандольфомъ , то Александръ и Робертъ Мак-Грегоры опдали оное второ- му сыну , копорого онъ имѣлъ чрезъ два года , бывши его крестными опцами

Рыцарь дю - Бургъ никогда не оста- влялъ своего друга ; онъ увеселялъ бесѣ- ду своими обширными познаніями и прі- ятностію своихъ рѣчей , и сохранилъ эти преимущества даже и въ глубокой спа- росши .

Монпрозь и Зана, привязанные съ самаго дѣтства другъ къ другу, любили другъ друга съ такою необходимостью до самой смерти, также какъ Рональдза и Матильда; они разпаивались только тогда, когда отечество имѣло нужду въ защитникахъ. Продолжительный миръ сдѣлалъ благополучіе ихъ еще вѣрнѣйшимъ; оно было возмущаемо только попереею ихъ родителей, которыхъ они сохранили до самой глубокой старости. — Исполненіе обязанностей своихъ, крепкія натуральныя чувствованія и внутреннее семейственное согласіе есть самый вѣрнѣйшій способъ продлить жизнь свою и быть столько счастливымъ, какъ только можно быть на земли.

К О Н Е Ц Ъ